

807-13

875

Берви-Флеровский, В. В.

82K
6

ФИЛОСОФІЯ БЕЗСОЗНАТЕЛЬНОГО,

ДАРВИНИЗМЪ

РЕАЛЬНАЯ ИСТИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. А. Полевкина (Литейная, д. № 42).

1878

н.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловіе	1
Глава I. Общечеловѣческое и субъективное мировоззрѣніе	9
Глава II. О признакахъ при составленіи общечеловѣческаго мировоззрѣнія	19
Глава III. Великія основы мировоззрѣній	34
Глава IV. Невозможность существованія механической силы.	48
Глава V. Мыслительный процессъ	64
Глава VI. Происхожденіе религіознаго инстинкта изъ мыслительнаго процесса	80
Глава VII. Происхожденіе родительскихъ инстинктовъ изъ мыслительнаго процесса	91
Глава VIII. Мыслительные процессы животныхъ и частей животныхъ	103
Глава IX. Мыслительные процессы частей организма и физиологическіе мыслительные процессы	116
Глава X. Мыслительные процессы неорганической природы; происхожденіе міра путемъ мыслительныхъ процессовъ	130
Глава XI. Порожденіе организма путемъ мыслительнаго процесса	146
Глава XII. Мышленіе нервныхъ центровъ и начало солидарности животнаго организма.	160
Глава XIII. Идея генезиса, стремленіе составить организмъ изъ отдѣльныхъ особей, идея нравственности	176
Глава XIV. Общечеловѣческое понятіе объ основахъ челоуѣческой нравственности и о нравственномъ идеалѣ	191
Приложеніе.	

228740

2011123121

ОТДѢЛЕНІЕ

Глава I. Общественное и частное мировоззрение
 Глава II. О признаках истинного общественного сознания
 Глава III. Великая социальная революция
 Глава IV. Необходимость государственной организации
 Глава V. Мировые проблемы
 Глава VI. Национализм как проявление истинного общественного сознания
 Глава VII. Прогрессивная демократия истинного общественного сознания
 Глава VIII. Мировые проблемы истинного общественного сознания
 Глава IX. Мировые проблемы истинного общественного сознания
 Глава X. Мировые проблемы истинного общественного сознания
 Глава XI. Мировые проблемы истинного общественного сознания
 Глава XII. Мировые проблемы истинного общественного сознания
 Глава XIII. Мировые проблемы истинного общественного сознания
 Глава XIV. Мировые проблемы истинного общественного сознания
 Глава XV. Мировые проблемы истинного общественного сознания
 Глава XVI. Мировые проблемы истинного общественного сознания
 Глава XVII. Мировые проблемы истинного общественного сознания
 Глава XVIII. Мировые проблемы истинного общественного сознания
 Глава XIX. Мировые проблемы истинного общественного сознания
 Глава XX. Мировые проблемы истинного общественного сознания

В Германии появилась книга Гартмана «Философия бессознательного». В теченіи шести лѣтъ, она выдержала семь изданій и сдѣлалась мировой знаменитостью. Въ вышедвинутомъ къ столбцу помянутому названію седьмого изданія, авторъ торжествуетъ своею побѣду съ той же рыцарской сдержанностью, съ которой на нашихъ глазахъ проявлялись двѣ другія германскія знаменитости: Мольтке и Бисмаркъ. Побѣдный крикъ вы слышите однакоже очень отчетливо не смотря на его скромную форму. Онъ заявляетъ о себѣ обращая ваше вниманіе на слѣдующіе факты. На двѣнадцати страницахъ издатель преподноситъ вамъ выдержки изъ отрывковъ. Какъ настоящій каталогъ, эти выдержки раздѣлены на отдѣлы, въ одномъ изъ нихъ отрывки философовъ, въ другомъ теологовъ и т. д. Въ пятомъ отдѣлѣ помѣщены замѣтки съ разныхъ концовъ цивилизованнаго міра, тамъ между прочимъ «Tennessee Post» говоритъ, что Гартманъ *гениальный* изъ германскихъ мыслителей послѣ Канта и Гегеля, «Revue Belgique», что въ Германіи, нѣтъ ни одного образованнаго человѣка, который бы не читалъ и не перечитывалъ Гартмана, это неожиданное произведеніе имѣя. «Revue politique et littéraire» говоритъ, что *движеніе умовъ, произведенное* книгою Гартмана, составляетъ самое значительное изъ *движеній*, которое видѣла Европа съ 1789 года. Даже такой усидчивый уголокъ какъ Амстердамъ захотѣлъ сказать цивилизованному міру, свое слово о Гартманѣ и чтобы имѣть на то возможность заговорилъ черезъ классическій «Revue des deux mondes». Въ теченіи немногихъ лѣтъ Гартманъ вызвалъ къ существованію цѣлую литературу и въ предисловіи присвокупилъ списокъ пятидесяти трехъ сочиненій, трактующихъ о мнѣніяхъ этого писателя. Привода его Гартманъ прибавляетъ, что это только книги и брошюры, отрывки же и политическія статьи, помѣщаемыя въ журналахъ и періодическихъ изданіяхъ такъ многоча-

сленны, что перечислить их задача не разрешимая. Вынужденный этимъ шумомъ къ берѣѣ, Гартманъ не только до такой степени увеличилъ объемъ своего сочиненія, что изъ одного тома сдѣлалось два, но кромѣ того написалъ еще семь другихъ, какъ видно изъ списка приложеннаго къ изданію. При безпрерывныхъ новыхъ изданіяхъ даже для самого автора сдѣлалось невозможнымъ исправлять его, сдѣлая теченію направленныхъ на него общественныхъ сомнѣній и не рискуя разрушить симетрію цѣлага; и по этому издатель убѣдилъ автора согласиться на стереотипированное изданіе, подобное тѣмъ, какое составляется для знаменитыхъ посмертныхъ сочиненій. Въ объясненіи шума, произведеннаго книгой, авторъ приписываетъ большое значеніе искусству своего издателя и если разсмотрѣть дѣло такъ, какъ оно представляется Гартманомъ, то придется согласиться, что корифеи прессы обрисовываются тутъ съ весьма незавидной стороны. Вы видите безтолковую говорильню, которую спекуляторами приемами можно заставить трещать безъ умолку и прозвучать въ публикѣ состояніе вѣстаза, отымающагося на всемъ цивилизованомъ мірѣ, въ то время какъ безъ этихъ спекуляторскихъ уловокъ говорильня трещала бы своимъ обыкновеннымъ ходомъ и въ публикѣ не прозвучала бы никакого оглашенія. Хотя совершенно справедливо, что книга могла бы остаться не замѣченною, если бы она не была издана искуснымъ и ловкимъ спекуляторомъ, но Гартманъ вполне правъ утверждая, что никакое искусство не помогло бы ей, если бы она была по содержанию своему, ничтожнымъ явленіемъ. Кромѣ ловкости издателя она обязана своимъ успѣхамъ сдѣланию ея достоинствомъ и недостаткомъ. Недостатки составляли даже болѣе существенное условіе успеха чѣмъ достоинства, но за то такое, которое только черезъ нихъ получало свое значеніе. Слабыя стороны творенія порождены существенными трудно исправимыми предрасудками и слабостями огромнаго числа людей, въ особенности нѣмцевъ. Эти недостатки и предрасудки чувствовали себя загнанными, подавленными—но вотъ является книга, имѣющая достоинства рѣдкой, поразительной глубины и гдѣ все строится на нихъ не такъ какъ бы каждый этого желалъ, но все таки строится и забрасывается лучъ надежды въ унылыя сердца, начинавшія уже думать, что ихъ дѣло, погибшее дѣло и что имъ остается только держаться на сколько это возможно. Есть двѣ страсти, которыя глубже всѣхъ другихъ засѣли въ душахъ нѣмецкаго народа, это страсть къ науцѣ и къ военной славѣ. Но какъ ни сильны были въ нихъ эти два желанія, имъ давно уже не удавалось ими насытиться и упиться. Въ науцѣ все великое творилось англичанами и французами, отсюда они почерпали великія идеи

(и только разрабатывали ихъ какъ добросовѣстные ремесленники. На войнѣ ихъ били французы и съ точки зрѣнія военныхъ подвиговъ они стояли даже ниже «парварской» Россіи. Вдруг, о неожиданное счастье! являются Бисмаркъ и Мольтке и берутъ Парижъ. Восторгъ и одушевленіе германца не поддаются описанію. Оказывается, однакоже, что это еще не все: представте себѣ, является надежда взлетѣть и на вершину научнаго величія. Франція разбита, растоптанная Франція все таки великая Франція, она колыбель великихъ идей, она имѣетъ своего Кента, она относится къ Германіи какъ Сиракузы къ небожонскому Риму; Англія имѣетъ Дарвина, а Германія—ничего подобнаго этимъ источникамъ великихъ идей дня. Но вотъ является человекъ и провозглашаетъ, что французское научное мировоззрѣніе это безплодный пестецъ, англійское стоитъ на той точкѣ, на которой стоила Германія въ XVIII вѣкѣ. Глубокая германская научная чуткость, та чуткость которая породила германскую философію, мѣшается ей идти въ своемъ развитіи плоскодонными путями Франціи и Англіи, дама ей тотъ солидный заказъ, который сдѣлался источникомъ ея современныхъ успѣховъ; она поведетъ ее далѣе и сдѣлаетъ ее величайшею нацѣю міра. Этотъ голосъ неваго пророка, незвѣстнаго въ науцѣ, нечаянно сваливагося съ неба глубоко волнуетъ нѣмцевъ. Они жадно прислушиваются и оказывается, что этотъ голосъ вовсе не похожъ на голосъ поверхностнаго національнаго фанфарона, который, не имѣя никакого на то права, хочетъ возвыситься и прогреть на счетъ національнаго честолюбія; это голосъ глубокаго и сальнаго ума; онъ съ гениальной чуткостью констатируетъ, гдѣ искать великія вопросы дня и разрешать ихъ, онъ не декорируется никакому направленію, онъ не течетъ ни по какому теченію, это великая независимая фигура, онъ создаетъ собственное свое теченіе... Если вы читатель стоите въ сторонѣ, если вы даже вполнѣ ясно понимаете недостатки и заблужденія, этого человека, то и тогда вы не можете смотрѣть на него и на его дѣло иначе, какъ съ самымъ живымъ участіемъ; онъ копнуетъ на такой глубинѣ, до которой еще никто не доходилъ, онъ покунулся шевельнуть челоуѣческое мировоззрѣніе въ самомъ его корнѣ, онъ не знаетъ то, чего до сихъ поръ никто не могъ понять, онъ понялъ, гдѣ этотъ корень и указываетъ вамъ на него. Мудрено ли послѣ этого, если нѣмцы встрѣчаютъ его съ такимъ энтузіазмомъ. Французскіе и англійскіе ученые загнали ихъ, они разочаровались даже въ любимомъ своемъ дѣтищѣ, въ туманной германской философіи. Гениальный человекъ схватываетъ опальную богиню и сильною рукой возводитъ ее снова на престолъ. «Ея глубина, говоритъ онъ нѣмцамъ, спасла насъ отъ англо-французскаго плоскоденія,

она же спасает от обмеления современную науку и цивилизацию). Немцы начинают читать глубоко ученую и необыкновенно искусно написанную книгу и čímь больше они читают, тѣмь больше для нихъ дѣлается яснымъ, что Гартманъ глубже Дарвина, и глубже именно потому, что онъ воспринялъ себя на германской философи. Съ гениальной дальновидностью онъ понялъ, въ чемъ именно заключается ее скрытое за непроницаемымъ туманомъ преимущество. Изъ нея онъ научился находить ту точку зрѣнія, съ которой объобщенія опытныхъ и наблюдательныхъ наукъ представляются во всей своей плескодности, а великія ихъ двигатели какими то ремесленниками, недалеконвидной игрушкой моды и ходячихъ мировоззрѣній. Крикъ восторга раздается по Германіи. Даже такіе философы, которые слишкомъ ясно высказались, чтобы подчиниться ему — поддерживаютъ его, они прямо говорятъ, что ему нужно вибнить въ достоинство ту популярность, которую онъ доставлялъ философи. Его поддерживаютъ и больше умные изъ теологовъ, они прямо говорятъ, что они желаютъ ему успѣха и счастья не смотря на то, что онъ ополчается на христіанскую религію и хочетъ замѣнить ее своей собственной. Съ своей точки зрѣнія имъ вполнѣ ясно то, что неясно для Гартмана. Онъ для нихъ не опасенъ, а полезенъ, онъ занимаетъ позицію между ними и ихъ истинными врагами и старается распространиться на счетъ той и другой стороны, но въ борьбѣ съ ними онъ больше слабая рука, чѣмъ были его предшественники, а у ихъ враговъ онъ отвоевалъ уже обширныя пространства. «Энергическій и острейшій врагъ нашъ Гартманъ, восклицаетъ Protestantische Zeitung, борись притивъ механическаго и матеріалистическаго мировоззрѣнія, мы желаемъ тебѣ счастья». Пелхау совѣтуетъ читать и перечитывать эту книгу и гордо благодаритъ Гартмана. Брумель прямо говоритъ: что Гартманомъ увлекается не народъ а образованные классы, среди которыхъ онъ заглушаетъ прежде вредное для церкви направление. Нѣмецкіе натуралисты стараются придать Гартману значеніе такого же двигателя какъ Дарвинъ и отыскиваютъ въ неодушевленной природѣ мысль, волю, память, наравнѣ съ борьбою за существованіе.

Съ незамысленныхъ временъ челоѣвѣчеству навязывалось наблюденіемъ мировоззрѣніе, которое господствовало безраздѣльно всюду куда не проникала опытная и наблюдательная наука, но по мѣрѣ того какъ стала развиваться эта наука она начала замѣнять его другимъ, сдѣланнымъ первенствующимъ въ научныхъ сферахъ. Первое царило въ западной Европѣ со времени переселенія народовъ больше тысячи лѣтъ и продолжалъ бы господствовать еще десять тысячъ лѣтъ, если бы люди не на-

чали заниматься точными науками; второе владычествовало двѣсти лѣтъ, но могло бы процарить и тысячи, если бы люди занимались только математикой, химіей, физикой и вообще тѣмъ, что называли точными науками. По мѣрѣ же того, какъ область науки расширялась, новое мировоззрѣніе подтачивалось и продырявливалось со всѣхъ сторонъ; появилось такое, которое соответствовало бы результатамъ изслѣдованій на всѣхъ научныхъ поприщахъ. Повсюдныя попытки согласить не согласное дали Гартману мысль, что настало время, когда философія должна вступить въ свои права. Онъ собираетъ противурѣчшія господствующему научному мировоззрѣнію факты вездѣ, гдѣ онъ только можетъ ихъ найти, онъ ошцущаетъ философскою мыслию непосредственное мировоззрѣніе челоѣвѣка, не работавшаго надъ наукою и изъ этихъ матеріаловъ создаетъ стройное цѣлое, которое должно одинаково и глубоко и широко какъ плескодность научнаго специалиста такъ и глубоко и широко какъ разностороннихъ, потому что они меньше способны къ глубокой при этомъ такую силу мысли, которая неизменно замѣчается воими и друзьями и врагами. Тотъ, кто хотя отчасти инстинктуируетъ существованіе его идеи, прямо склоненъ признавать его гениемъ. Кто стоитъ на такой точкѣ зрѣнія, къ которой она обращена своими недостатками, конечно, не можетъ этого сдѣлать, но за то онъ тѣмъ живѣе чувствуетъ, какъ глубоко тутъ все продумано и какое большое усиліе ума нужно сдѣлать, чтобы понять, какъ и чѣмъ все это опровергается. При усвоеніи нами научнаго образа мыслей, какъ очень легко соглашаться съ Дарвиномъ, онъ ученикъ той же школы, къ которой принадлежимъ и мы, но согласиться съ Гартманомъ для насъ безусловно невозможно, онъ возмущаетъ насъ своимъ мировоззрѣніемъ. Однакоже тѣмъ изъ насъ, которые обладаютъ философскимъ мышленіемъ одинаково легко и понять Дарвина и обнаружить себѣ мелкое въ его взглядѣ, а Гартманъ приведетъ къ смущенію самаго глубокаго философа. Недостатокъ Дарвина вамъ дѣлается яснымъ во время самаго чтенія, докапываться до него вамъ нѣтъ никакой надобности, вы прямо видите, что это челоѣвѣкъ великій въ своей специальности, но который не далъ себѣ достаточнаго труда выработать самостоятельное мировоззрѣніе. онъ воссать въ себя мировоззрѣніе англійскихъ свободомыслящихъ людей науки такъ, какъ оно въ него вошло, но видимо, не задумываясь ни надъ однимъ изъ спорныхъ основаній. Какъ челоѣвѣкъ Дарвинъ скорѣе всего рутинеръ и дитя своего вѣка, какъ натуралистъ великій мыслитель, въ этомъ случаѣ онъ вполнѣ похожъ на Ньютона; въ Гартманѣ вы нигдѣ не видите рутинера. Отсюда происходитъ и то, что для образованнаго челоѣвѣка изъ нашей среды,

Дарвин кажется необыкновенно убедительным, а ложь у Гартмана до того ясной, что его не стоит опровергать; если же кто серьезно попытается бы опровергать, то он скоро обломал бы надь этии зубы. Причина та, что обыкновенный образованный человек такой же рутинеръ как и Дарвин, онъ точно также всасываетъ ходячее мировоззрѣіе, почти не задумываясь надь спорными основаніями, которые всё кажутся ему самоочевидными истинными. Рутиня выработала въ немъ вкусъ, Дарвинъ ему по вкусу и онъ принимаетъ отъ него все безъ возраженій, Гартманъ ему противенъ и ему кажется, что все это ложь несостоящая опроверженія. Ничто не можетъ быть легкомысленнѣе такого образа дѣйствія. Мы должны помнить, что на каждаго человека, раздѣляющаго наше мировоззрѣіе существуютъ сотни не раздѣляющіе его, они также рутинеры и также имѣютъ вкусъ и Гартманъ придется имъ гораздо болѣе, чѣмъ Дарвинъ. А такъ какъ сверхъ того Гартманъ глубже и больше, чѣмъ Дарвинъ, онъ окажется могущественнѣе рукою, удерживающей на Дарвинѣ, онъ можетъ выдти толке, что вышло во Франціи между людьми науки и католической религіей: они одержали надь нею множество блестящихъ побѣдъ и все таки католическая религія до сихъ поръ во Франціи, едва ли не сильнѣе ихъ, не смотря на громкую славу и очевидную пользу, которую принесла наука Франціи, на безславіе и очевидный вредъ который покрывало ее упрямое католичество. Все это только отъ того, что взгляды на жизнь католичества глубже взгляды людей науки. Онъ глубже потому, что онъ людъ мышления человечества, терпящагося въ глубинѣ вѣновъ, это религиозное мировоззрѣіе, котораго эссенція переняла отъ египтянъ и индійцевъ, оно на исторической наматі насчитываетъ уже четыре тысячи лѣтъ, оно выработано самой сутью человеческой жизни и человеческого развитія; научное же мировоззрѣіе, хотя оно и есть выводъ изъ несравненно большаго числа данныхъ, но выводъ не глубокой, существующій только со вчерашняго дня, да и данные, изъ которыхъ онъ взятъ, совершенно вѣбны для человеческой жизни. Люди науки не дали себѣ труда стать на глубину сути католическаго мышления и опровергнуть его съ помощью ихъ несравненно болѣе рациональныхъ приемовъ. Въместо того, чтобы бороться противъ сути католичества, люди науки съ крайнимъ верхоглядствомъ совершенно не замѣчали ее, а боролись съ тѣмъ, съ чѣмъ пожалуй и борются то не стоило: съ мелѣбнѣйшей и въ высшей степени не ловкой политикой католическаго духовенства; политикой, порожденной негжежествомъ и испорченностію палства, съ вѣчнымъ тупоуміемъ силы, преобразившей, что достаточно цензуры, костровъ и насилиі, для того, чтобы

держаться. Одерживая на этомъ пунктѣ легкія побѣды, люди науки воображали, что они дѣлаютъ все что нужно для успѣха. Но увы, успѣхъ этотъ былъ такой же поверхностный какъ самое ученіе науки, не тронутое въ своемъ существѣ католичество упрямое держалось и тамъ, гдѣ оно было вырвано изъ рукъ папы; чтобы сѣсть снова на свой тронъ ему достаточно было надѣть новый плащъ, назваться лютеранствомъ, высшей церковью и т. п. Это для него менѣе всего было новостью, оно называлось уже и отщепенствомъ и браминизмомъ и буддизмомъ, много разъ мѣняло порфиру, но вѣчно царствовало. Чтобы его линить господства нужно врешлать его существо, подвергнуть его химической переработкѣ, и сдѣлать способнымъ войти въ плоть неваго организма. Гартманъ идетъ прямо противоположнымъ путемъ, онъ поглощаетъ въ себя науку и подвергаетъ ее химической переработкѣ, его книгѣ рассыпанъ богатый научный матеріалъ, но онъ не можетъ она соединяетъ глубину съ воплімъ современной науки, онъ не можетъ войти въ эту глубину, рѣзко контрастирующей съ одною рутинной поверхностностію даже такихъ специалистовъ какъ Дарвинъ, кажется, что онъ высказываетъ именно то, что въ наукѣ остается не досказаннымъ и болѣзненно просится наружу. Въ этомъ сильная сторона Гартмана, вотъ почему онъ такъ царитъ и надъ наукой и надъ толпою. Но онъ все таки не удовлетворяетъ потребности, наука и глубина пониманія имѣютъ у него только вѣбныи связь, наука у него остается плоскою не пружину, а глубина также по прежнему инстинктивною. Истинная потребность заключается въ научной переработкѣ глубоко инстинктивнаго, и путь которымъ идетъ Гартманъ никогда не можетъ ее удовлетворить. Все это такъ, но чѣмъ серьезнѣе вы будете думать о томъ, какъ опровергнуть Гартмана, тѣмъ скорѣе вы убѣдитесь, что для этого существуетъ только одинъ способъ, выработалъ и противопоставить ему истину. Инстинктивное мышленіе, это не ясное мышленіе и чѣмъ оно глубже, тѣмъ оно туманнѣе. Если вы имѣете дѣло съ яснымъ мышленіемъ, которое опирается на какомъ нибудь пунктѣ, то его можно опровергать обыкновенными полемическими приемами т. е. указывая ему его опшибки. Но чѣмъ менѣе ясно и чѣмъ болѣе глубоко мышленіе, тѣмъ менѣе годенъ этотъ приемъ. Глубокій взглядъ только потому и глубокъ, что его точка зрѣнія находится близко къ центру, онъ разсматриваетъ не одну какую нибудь сторону, а суть жизни во всемъ ее объемѣ. Онъ беретъ весь хаосъ фактовъ и частныхъ воззрѣній и создаетъ изъ нихъ стройное цѣлое. Если онъ при этомъ видѣлъ не ясно и если въ слѣдствіе этого стройное цѣлое сдѣлалось порожденіемъ его фантазіи вмѣсто того, чтобы быть выраже-

нѣмъ явленій дѣйствительности, то желая показать читателю въ чемъ и какъ онъ запутался вы должны будете искусственно воспроизводить весь этотъ туманъ и показывать читателю гдѣ, какъ, и почему тутъ запутались въ глазахъ сочинителя. Работа скучнѣйшая и безплоднѣйшая; она можетъ привести къ одному концу: желая разгадать причины почему авторъ видѣлъ не ясно, вы къ его туману прибавите еще своего собственного и окончателно запутаете читателя. Вотъ почему я буду держаться слѣдующаго плана критики. Ставъ на ту же глубокую точку зрѣнія, на которой стоитъ Гартманъ, я буду дѣлать передъ читателемъ систематическій очеркъ истины и только въ видѣ разъясненія буду показывать съ одной стороны въ чемъ заключалась та плоскостность прежнихъ мыслителей, которая оказывается несостоятельною передъ глубиною Гартмана и оправдываетъ правду его творенія, а съ другой, гдѣ и почему неясность мысли Гартмана не позволяетъ Гартману увидать истину.

I.

Общечеловѣческое и субъективное мировоззрѣнiе.

Всѣ общечеловѣскія понятія дѣлятся на двѣ категорiи: на субъективныя и на общечеловѣскія. Субъективными мы называемъ такія понятія, которыя порождаются въ человѣкѣ исключительными особенностями или его натуры или его обстановки. Общечеловѣскими мы называемъ, которыя основаны на тождественной у всѣхъ людей и животныхъ впечатлительности. Субъективными понятія это тѣ, о которыхъ мы говоримъ: я вѣрю, я такъ себя представляю, ниѣ такъ представляется. Всѣ религиозныя вѣрованія, всѣ предрасудки и суевѣрія, всѣ фантази и порожденія воображенія, всякое апирическое пониманіе, все это субъективными понятія. Субъективными понятія и мировоззрѣнiя безконечно разнообразны, никогда не бывають и не могутъ быть тождественными. Субъективныхъ мировоззрѣнiй столько же сколько людей, а понятій безчисленное множество даже въ каждомъ человѣкѣ. Всѣ эти понятія и мировоззрѣнiя отъ перваго до послѣдняго несравнимы и несоизмѣримы, потому что для нихъ нѣтъ мѣры, къ которому они могли бы быть направлены, нѣтъ мѣры къ которымъ они могли бы быть соразмѣрны. Общечеловѣскія и общеживотныя понятія имѣють такое мѣрло, это тождественность въ воспріятіи чувствъ человѣка и животныхъ. Ваше понятіе и всѣ сдѣланные изъ него выводы только до тѣхъ поръ остаются общечеловѣскими и общеживотными, пока у него въ основаніи лежатъ тождественныя всѣмъ людямъ и животнымъ воспріятія чувствъ. Всѣ понятія, основанныя на воспріятіяхъ зрѣнія будутъ общечеловѣскими и общеживотными только для тѣхъ людей и животныхъ, которые имѣють ту же впечатлительность зрѣнія и которые могутъ повѣрять его своимъ впечатлѣніемъ. По отношенію къ слѣпорожденному понятія людей и животныхъ о свѣтовыхъ явленіяхъ будутъ субъективными и они перестанутъ быть субъективными только въ той мѣрѣ, въ которой они основаны на общей съ слѣпорожденнымъ впечатлительности. Въ томъ, что другіа люди видятъ, слѣпорожденный можетъ убедиться познаниемъ и проч., точно также

какъ я въ существованіи чутья у собаки убѣждаюсь зрѣніемъ и проч., но мое понятіе о чутѣ будетъ неизбѣжно другое, чѣмъ понятіе собаки. Общеживотнымъ въ этомъ случаѣ остается, конечно только то въ нашихъ понятіяхъ, что основано на общей намъ впечатлительности чутвѣ. Изъ этого примѣра видно, что и субъективное понятіе можетъ быть истиннымъ. Оно отличается отъ общеживотнаго не тѣмъ, что оно непременно должно быть ложнымъ, а тѣмъ, что въ немъ нельзя убѣждать. Между субъективными понятіями можетъ существовать только ложный видъ согласія. Пригрозивъ розгой, вы можете небудить спѣворожденную дѣвочку говорить, что она знаетъ, что на ней красное платье и что заря представляеть восхитительное зрѣлище; привязавъ ее къ себѣ лаской, вы можете получить надъ нею такой авторитетъ, что она искренно будетъ вѣрить тому, что она говоритъ о явленіяхъ свѣта и что ей будетъ казаться даже то, что она знаетъ; но все такъ это будетъ только одинъ ложный видъ согласія съ вами, все такъ между вашими и ея понятіями не будетъ ничего общаго, никакой соразмѣрности. По этому роль субъективныхъ понятій можно сравнивать съ центробѣжной силой, они ставятъ каждаго человѣка и каждое животное особнякомъ, противопоставляютъ ихъ непримиримо враждебно другъ другу. Тамъ, гдѣ субъективное понятіе мѣшаетъ пріобрѣтенію общечеловѣческаго или общеживотнаго, т. е. мѣшаетъ убѣжденію, оно мѣшаетъ и истинному и свободному объединенію между людьми. Какъ скоро субъективное понятіе должно послужить основаніемъ для объединенія людей или животныхъ, оно можетъ сдѣлать это только посредствомъ авторитета или насилія. Область субъективныхъ понятій есть область удивленія, авторитета, насилія и повиновенія, способныхъ все таки породить только одинъ внѣшній видъ согласія безъ внутренней сущности. Область же общечеловѣческихъ и общеживотныхъ понятій, есть область свободы и убѣжденія, полного, истиннаго согласія. Ты мнѣ не вѣривъ, говорить тутъ человѣкъ человѣку, и не вѣрь, а поди и убѣдись самъ, если ты увидишь тоже, что и я, то между нами будетъ истинное, свободное согласіе, если ты увидишь больше и лучше скажи мнѣ, я еще разъ посмотрю и опять такъ между нами будетъ истинное, свободное согласіе. Установленіе согласія между людьми и животными на основаніи свободнаго убѣжденія, т. е. общеживотныхъ понятій должно быть, конечно цѣлью всякаго человѣческаго мышленія, но не подлежатъ никакому сомнѣнію, что не смотря ни на какія усилія, цѣль эта всегда будетъ достигнута только отчасти. Обширная область субъективныхъ понятій всегда будетъ существовать и для объединенія людей и животныхъ

въ этой области, всегда будетъ существовать потребность въ авторитетѣ. Даже авторитетъ останется сравнительнымъ благомъ, а рядомъ съ нимъ всегда будетъ существовать область насилія и повиновенія изъ страха. Люди всегда будутъ радоваться тому, что человѣкъ вѣритъ и избавляетъ этии отъ необходимости нускать въ ходъ наказаніе. Въ извѣстныхъ предѣлахъ вы можете убѣждать и собаку и лошадь и ребенка не умѣющего считать до трехъ, но область убѣжденія, а слѣдовательно и истиннаго согласія далеко не истощиваетъ всѣхъ вашихъ столконовеній. Для установленія въ этихъ случаяхъ необходимаго согласія волею и неволею придется прибѣгать къ насилію. Не умѣющей считать ребенокъ не можетъ составить себѣ, напримѣръ, никакого понятія о цѣностяхъ, онъ не можетъ понять, почему онъ можетъ играть и играя терять пеструю бумажку и не можетъ сдѣлать того же съ сторулевыми кредитными билетами, не трогать сторулевой бумажки-онъ можетъ только изъ страха. Вы вынуждены иривязывать лошадь, утроблять съ нею уду и возки. Люди, которые берутся писать о воспитаніи и утверждаютъ, что на ребенка можно дѣйствовать исключительно убѣжденіемъ, показываютъ, что они не только въ педагогикѣ, но и въ психологій азовѣ не смыслятъ, плодоносна только та педагогика, которая направляетъ къ тому, чтобы съ одной стороны страхъ наказанія въ возможно большихъ размѣрахъ замѣнять нравственнымъ авторитетомъ, а съ другой къ тому, чтобы народомъ, стоящихъ на такой низкой степени развитія, что они не въ силахъ составить себѣ рациональнаго мировоззрѣнія, религія, проповѣдывающая взаимную любовь и взаимное снисхожденіе, великое благо, потому что она смягчаетъ порядокъ установленный однимъ страхомъ, посредствомъ своего нравственнаго авторитета. Но всякое господство субъективныхъ понятій имѣетъ одинъ неизбежный недостатокъ, въ этой области для человѣка не мыслимо отличать ложь отъ истины. Предположимъ вѣручителя до такой степени совершеннаго, что мировоззрѣніе его безусловно истинно, но вѣдь онъ одинъ понимаетъ эту безусловную истину, оно имѣетъ субъективное, иначе оно было бы не вѣрой, а наукой, оно не требовало бы себѣ вѣры, а доказывало бы свои идеи научными выводами изъ впечатлѣній и математическими выкладками. Но именно потому, что оно субъективное и принадлежитъ одному тому, кто его создалъ, оно и должно ненакажаться непонимающими, но все-таки слѣдующими ему людьми тѣмъ болѣе, чѣмъ дальне оно отходитъ отъ своего источника и чѣмъ болѣе измѣняются обстоятельства, среди которыхъ оно должно вѣять. Если я беру, напримѣръ, ученіе буддизма въ самой возвышенной философ-

своей его формъ и сравниваю его съ вѣрой ливанаго камика, для котораго Будда обратился въ идола и который преклоняется передъ рогатыми чудовищами, то я нахожу, что между этими двумя мировоззрѣніями нѣтъ уже рѣшительно ничего общаго. Первое—глубокое и возвышенное ученіе; оно не по плечу никому, даже современному ученому, а второе есть ничто иное, какъ самое грубое идолопоклонство. Въ слѣдствіе этого самая возвышенная и наиболѣе глубоко-истинная религія неизбежно должна утратить свои достоинства въ той самой мѣрѣ, въ которой понижается цивилизація людей, среди которыхъ она дѣйствуетъ, она можетъ исказиться до того, что даже и воспоминаніе о хорошемъ, что въ ней было утратится безвозвратно. Такъ какъ въ области субъективныхъ понятій люди не въ состояніи отличать ложь отъ истины, то они неизбежно должны дѣлаться тутъ предметомъ обмана и эксплуатации со стороны овладѣвшихъ авторитетомъ. Между религіями только одна можетъ быть истинной, само духовенство это утверждаетъ; къ каждой изъ вѣръ принадлежить, однакоже, только ничтожное меньшинство человечества, по этому, какая въ изъ вѣръ не оказалась истинной, во всякомъ случаѣ вмѣстѣ съ тѣмъ окажется, что громадное большинство человечества эксплутировалось ложью. Сравните съ этимъ, наиримѣръ, общечеловѣческое понятіе, что существуетъ кровообращеніе. Лишь только это понятіе было открыто, оно стало дѣлаться общимъ достоинствіемъ всѣхъ; оно свободно и бесспорно будетъ признаваться всадъ, куда проникнетъ наука. Субъективные понятія имѣютъ еще одинъ громадный недостатокъ, они неизбежно мѣшаютъ развитію людей, заставляя ихъ подавлять другъ въ другѣ любознательность вмѣсто того, чтобы кооператъ ее. Такъ какъ согласіе въ области субъективныхъ понятій можетъ быть достигнуто только до тѣхъ поръ, пока люди подчиняются авторитету, а любознательность и стремленіе къ критикѣ разрушаютъ авторитетъ, то господство субъективныхъ понятій неизбежно сопряжено съ стремленіемъ къ подавленію любознательности, а это подавленіе въ свою очередь мѣшаетъ установленію истинной свободы и истиннаго согласія между людьми посредствомъ расширения области общечеловѣческихъ понятій. Замята субъективныхъ понятій общечеловѣческими, есть безспорно великое благо, но за то она сопряжена съ такими трудностями, которыя могутъ быть устранимы только постепенно и очень медленно, а въ иныхъ случаяхъ могутъ быть вовсе не устранимы. Понятія эти трудно получаются и легко забываются, а между тѣмъ, утративъ предыдущія, нельзя получить послѣдующихъ и нельзя идти далѣе. Главнымъ орудіемъ для облегченія этого процесса развитія является наука, она должна представлять собою складочное мѣ-

сто главныхъ, добытыхъ вѣками, общечеловѣческихъ понятій. Пока нѣтъ науки, развитіе человечества можетъ идти только крайне медленно. Добытое вѣками, постоянно снова утрачивается и обществу обращаются изъ культурнаго въ дикое состояніе. Но даже и при существованіи науки, прогрессъ человечества еще не обезпеченъ, общечеловѣческія понятія очень легко сдѣлываются съ субъективными и тамъ, гдѣ наука не ограждаетъ себя отъ этой примѣси, субъективные, какъ плевалы, могутъ окончательно заглушить общечеловѣческія, прекратитъ ихъ ростъ и даже вовсе уничтожитъ ихъ. Это тѣмъ возможнѣе, что очень трудно получать чисто общечеловѣческія понятія и по большей части въ каждомъ понятіи есть сторона субъективная. Стоитъ вспомнить, наиримѣръ, что астрологія также считалась наукой, почти во всѣхъ отрасляхъ медицины, субъективные понятія амальгамированы съ общечеловѣческими и преобладаютъ. Въ индійской наукѣ на первомъ планѣ стояли апіорическая философія, субъективная теологія и баснословная исторія; они совершенно заглушили собою добытое наблюденіемъ и опытомъ знаніе, такъ что научное утрачивалось въ то время, какъ субъективное сохранялось. Сосредоточенное вниманіе общества на субъективныхъ теологическихъ и схоластическихъ понятіяхъ въ средніе вѣка задержало развитіе науки на столѣтія и можно не безъ основанія утверждать, что подобное же сосредоточеніе вниманія на субъективныхъ понятіяхъ въ Индіи и Египтѣ задержало ее на тысячелѣтія. Вмѣстѣ съ тѣмъ задержана была и возможность появленія истинной свободы, которая можетъ вырости только изъ истиннаго согласія, порождаемаго въ людяхъ тождественностью между общечеловѣческими понятіями. Наука должна сосредоточить все свое вниманіе на томъ, чтобы очистить общечеловѣческія понятія отъ всякой примѣси субъективнаго и употребить все свои усилія, чтобы наконецъ составить дѣльное мировоззрѣніе изъ однихъ общечеловѣческихъ понятій, потому что такое мировоззрѣніе есть первый шагъ къ объединенію людей посредствомъ началъ истинной свободы и истиннаго согласія. Въ известномъ смыслѣ можно сказать, что понятія подобнаго мировоззрѣнія должны быть не только общечеловѣческими, но и общеживотными, т. е. они должны быть основаны на такихъ вѣчныхъ и вѣчныхъ чувствахъ, которые составляютъ общее достояніе животнаго міра. Конечно, цѣль тутъ вовсе заключается не въ томъ, чтобы небудитъ животный міръ создать себѣ мировоззрѣніе, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, которыя позволяли бы намъ ставить себѣ подобную цѣль, но цѣль заключается въ томъ, чтобы въ понятіяхъ своихъ, отнюдь не идти далѣе правильныхъ выводовъ изъ дѣйствительныхъ впечатлѣній чувствъ. Направленіе, данное подобнымъ мировоззрѣ-

ниемъ будетъ одинаково полезно какъ для человѣчества, такъ и для всего животнаго царства, оно будетъ порождать гармонию, приводящую къ наилучшему развитію среди всего живущаго.

Но такъ какъ все искусство при составленіи подобнаго мировоззрѣнія должно заключаться въ томъ, чтобы оно отнюдь не выходило изъ области правильныхъ выводовъ, изъ вполне выясненныхъ впечатлѣній, то оно отнюдь не можетъ ставить себѣ задачей разгадать причину всѣхъ причинъ; недостаточность нашихъ свѣдѣній для этого вполне очевидна. Мы можемъ стремиться только къ такому научному взгляду на міръ, который былъ бы достаточно глубокъ, чтобы послужить намъ общей руководящей нитью въ оцѣнкѣ нашихъ дѣйствій, который бы показалъ намъ куда мы должны стремиться, съ какой точки зрѣнія мы можемъ опредѣлять, что хорошо и что дурно въ человѣкѣ, и отличать полезный образъ дѣйствій отъ вреднаго. Точно-научныя свѣдѣнія все таки еще такъ недостаточны, что даже при самыхъ осторожныхъ приемахъ, мы рискуемъ попасть на ложный путь. Однакоже, въ этомъ случаѣ намъ служить оправданіемъ настоятельная необходимость подобнаго научнаго мировоззрѣнія; точная наука если не исполнѣ, то до известной степени все таки разъясняетъ дѣла и лучше видѣть цѣль не ясно, чѣмъ блуждать въ безусловной тѣмѣ. Человѣкъ даже на первыхъ ступеняхъ развитія понимаетъ, что для уразумѣнія существа природы, у него не только не достаетъ знаній но и впечатлительности, по этому этихъ знаній не только нѣтъ, но при современныхъ органахъ впечатлѣній никогда не будетъ; всего вѣроятнѣе, что даже и развитіе достаточныхъ для этого органовъ невозможно, по причинѣ существованія такихъ сферъ, изъ которыхъ до человѣка ничего не доходитъ. Между тѣмъ, люди уже рано чувствовали потребность имѣть мировоззрѣніе; безъ мировоззрѣнія, которое было бы общимъ для всѣхъ источниковъ понятій о добрѣ и злѣ, не возможно между людьми никакого соглашенія, никакой нравственности, ни спокойной жизни, ни развитія. Поэтому, за невозможности создать себѣ общечеловѣческое мировоззрѣніе, люди создавали себѣ субъективное. Однакоже, порождая между собою такую связь, люди не могли не убѣждаться со временемъ въ ея неудовлетворительности. Всѣ усилія объединить человѣчество вѣрою, убѣждали только въ невозможности достигнуть цѣли такимъ путемъ. Вѣры плодятся и секты размножались до безконечности. Можно было надѣяться установить со временемъ для человѣчества одинъ языкъ, но установить одну вѣру безусловно невозможно. Даже въ одномъ государствѣ было такъ трудно установить исключительное господство одной вѣры, что оно устанавливалось только путемъ полной парализаціи всякаго

развитія. Такія крутыя мѣры въ здоровомъ обществѣ были даже не мыслимы; напору жрецовъ, общество противопоставляло релігіозный индифферентизмъ и безвѣріе, противъ которыхъ оно было также безсилно, какъ деспотизмъ былъ безсиленъ противъ безучастія общества въ интересахъ государства. Поразительный контрастъ съ этимъ участіемъ вѣры представляла участь общечеловѣческихъ понятій, они принимались безусловно всеми и друзьями и врагами; согласие, которое въ этомъ отношеніи устанавливается, кажется имъ до того естественнымъ, что они его даже не замѣчаютъ, этотъ фактъ можетъ поражать ихъ только по отношенію къ понятіямъ недавно созданнымъ и распространеннымъ на памяти людей, какъ напримѣръ о томъ, что земля кругла и обращается вокругъ своей оси; но возмите, напримѣръ, такое понятіе: согнѣ грѣтъ и жметъ — вы можете встрѣтиться съ самымъ дикимъ человѣкомъ, но вамъ никогда не придетъ въ голову предположить, что онъ съ вами въ этомъ несогласенъ, такъ какъ вы несогласны съ тѣмъ, что его идолъ есть Богъ. На памяти людей всегда были понятія, которыя недавно распространились подобно современному понятію объ обращеніи земли вокругъ своей оси; наиболѣе умные и вліятельные изъ людей не могли не замѣчать громадной разницы въ убѣдительности для людей общечеловѣческихъ понятій сравнительно съ субъективными понятіями вѣры. Это уже въ свѣдѣніи древности заставляло ихъ думать о томъ, какъ бы положить въ корнѣ вѣры мировоззрѣніе, основанное на общечеловѣческихъ понятіяхъ. Такое стремленіе проявилось въ такія времена, когда за недостаткомъ грамотности сочинялись пѣсни и заученныя наизусть передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, а для того, чтобы оградить самыя важныя изъ пѣсенъ отъ искаженія, онѣ заучивались въ прямомъ и въ обратномъ порядкѣ отъ конца къ началу. При такомъ положеніи, наука могла быть только на самой низкой степени развитія, а между тѣмъ, требованія отъ мировоззрѣнія были таковы, что строго научное ихъ выполненіе не мыслимо даже и теперь. Самое поразительное въ релігій обстоятельство, которымъ она всего болѣе подчиняла себѣ умы, заключалось въ томъ, что она вдохновенно указывала людямъ начало всѣхъ началъ. Даже до полвленія философа она не ограничивалась однимъ указаніемъ божественнаго иероувителя племени, а указывала людямъ Творца вселенной. Чтобы стать на ту же высоту и философа должна была указывать людямъ начало всѣхъ началъ. Она могла выполнить эту задучу однимъ способомъ. Релігіозныя мировоззрѣнія заботились только о томъ, чтобы сильно дѣйствовать на человѣческія чувства, логическая сторона оставалась въ кренереженіи, она была полна противурѣчій. Соимъ боговъ

составлялся, например, такъ, что боги подвластныхъ народовъ присоединялись къ божествамъ побѣдителей, случалось, что до этого во время борьбы эти боги признавались злыми, уничтожающими дѣло боговъ, побѣдителей народовъ. Когда враждебный народъ дѣлался подвластнымъ, эти боги оставались злыми, но уже обожались и иримоъ, какъ добрый, такъ и злой богъ признавались всемогущими. Не спрашивали себя какимъ образомъ могли совместно существовать два всемогущихъ божества, изъ которыхъ каждое употребляло все свои усилія, чтобы уничтожить дѣло другого. Такихъ противорѣчій какъ между самими религиозными понятіями, такъ и между ими и явлениями природы, было безчисленное множество. Философія устремилась на то, чтобы создать мировоззрѣніе, въ которомъ не было бы противорѣчій. Это требовало проявленія неравнѣльной силы и послѣдовательности мысли, это была безплодная умственная гимнастика. Развитие такой необходимой для человѣка силы какъ умъ, должно было возбуждать въ людяхъ восторженное удивленіе. Дѣло философіи удалось и пошло въ ходъ. Въ Индіи, уже въ самой древней изъ Ведъ, встрѣчается философская пѣсня, которую до сихъ поръ нельзя читать безъ удивленія. Но создать логически стройное мировоззрѣніе или создать мировоззрѣніе изъ общечеловѣческихъ понятій—это огромная разница. Философія, какъ умственная гимнастика, сохранила свое значеніе, но она создавала только субъективное, а не общечеловѣческое мировоззрѣніе. Какъ всякой субъективной идѣ, ей можно было противопоставить сколько угодно такихъ же, точно также, какъ въ дѣлѣ религій не было никакого общечеловѣческаго основанія для предпочтенія одной изъ нихъ другимъ. Для пріобрѣтенія самостоятельнаго значенія сильныя умы стали создавать самостоятельныя философскія мировоззрѣнія. Въ Индіи это было дѣломъ аскетовъ, и изъ этого на практикѣ вышло то, что философскія мировоззрѣнія вмѣсто того, чтобы сливать религій во едино, сдѣлались въ нихъ источникомъ новаго раскола, источникомъ, съ которымъ было труднѣе совладать, чѣмъ съ прежними. Сверхъ того оказалось, что философскія мировоззрѣнія очень сильныя какъ проявленія ума, были слабы съ той стороны, съ которой религія непремѣнно должна быть сильна. Они давали людямъ глубокія разсужденія, но не давали имъ сильныхъ связывающихъ чувствъ; они не только не сливали духовенства съ народомъ, а расталкивали всѣхъ, дѣлая изъ высшаго духовенства гордыхъ своимъ умственнымъ превосходствомъ и грызущихся между собою философовъ. Это повело съ одной стороны къ буддизму, философской религіи, въ которой, однако же, мировоззрѣніе отодвинуто на второй планъ, а на первый поставлено общеніе съ народомъ и усовер-

шенствование человѣка, а съ другой, къ полному отдѣленію философіи отъ религій. Первое направленіе унаслѣдовано было восточной, а второе западной цивилизаціей. Ожогчительнымъ результатомъ этого движенія оказалось то, что потребность въ общечеловѣческихъ мировоззрѣніи осталась неудовлетворенною и явилось только совмѣстное существованіе чисто субъективныхъ какъ философскихъ, такъ и религиозныхъ мировоззрѣній. Отдѣлившись въ западной цивилизаціи отъ религій, философское мировоззрѣніе не удовлетворяло уже никакой потребности, вромѣ потребности въ умственной гимнастикѣ. Точно также какъ математика, она давала пальму первенства необдуманному, иногда чудовищному развитію одного свойства ума, послѣдовательному мышленію; но человѣкъ, поглощенный въ такую односторонность, могъ рѣже всего быть представителемъ человѣческой всесторонности. По этому, нравственная сторона, которая одна могла придать интересъ и значеніе этимъ мировоззрѣніямъ дѣлалась у нихъ все болѣе плохое, скоро стала стоять ниже религиозной нравственности и общественныхъ инстинктовъ. Уже нравственное ученіе Платона и Аристотеля стояло ниже общественныхъ инстинктовъ лучшихъ изъ греческихъ республикъ. Въ то время, когда Периклъ доказывалъ превосходство афинянъ надъ друими народами тѣмъ, что они одни умѣютъ соединять трудолюбіе со свободой и наклонностью къ изящной жизни, когда Солонъ освобождалъ рабовъ и приравнивалъ ихъ къ гражданамъ, въ то время, когда большое развитіе рабства какъ въ Коринѣ и Сибарисѣ считалось общественной опасностью, потому что вело къ азиатской извѣженности—Платонъ и Аристотель были защитниками рабства и лѣзвійо племяной жизни, подъ предлогомъ необходимости для политическаго развитія. Нравственныя ученія новѣйшихъ философовъ точно также только рационализируютъ недостатки и предрасудки образованныхъ классовъ, стоятъ ниже общественныхъ инстинктовъ и даже ниже христіанства, созданнаго двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Всѣ эти философскія мировоззрѣнія, начиная отъ древнѣйшихъ, раздѣляютъ общую участь всѣхъ субъективныхъ идей, они не соразмѣрны, а потому въ существѣ своемъ неспособны къ усовершенствованію; одна философскія мировоззрѣнія слабы, другіе совершеннѣе по своей отдѣлкѣ, идея же не сдѣлала ни малѣйшаго успѣха и никогда не можетъ его сдѣлать. Верите за исходную точку, что вамъ угодно: міръ есть порожденіе всемірной идеи, или всемірной воли, или всемірнаго духа безконечно-разнообразно воплощающагося, или вѣчной сущности (матеріи), принимающей безконечно-разнообразныя формы, каждая изъ этихъ идей можетъ дать систему одинаково совершенную, но за то и вполнѣ субъективную. Древнія философ-

кія мировоззрѣнія производятъ даже лучшее впечатлѣніе, чѣмъ новѣйшія, въ гѣ нихъ видите живую и страстную потребность выработать философски глубокую идею бербы добра со зломъ или идею Бога; новѣйшія же представляются не болѣе какъ жалкими карриатурами идеи Бога, они просто мудрятъ надъ нею. Вотъ почему общество и стало отъ нихъ отвергаться.

Всего этого не понимаетъ Гартманъ, онъ не понимаетъ въ чемъ заключается по отношенію къ мировоззрѣнію суть потребности современнаго общества. Онъ опять таки строитъ свое знаніе на субъективной идеѣ и старается придать ей цѣлу посредствомъ отдѣлки. Отдѣлка эта превосходна и она те именно и сдѣлалась источникомъ славы произведенія Гартмана. Развитие умственной силы, которое дается философскимъ мышленіемъ проявляется у него во всемъ блескѣ и глубина его индуктивныхъ выводовъ представляетъ рѣзкій контрастъ съ обычной плоскостностию въ сужденіяхъ естественныхъ наукъ. Но между этими выводами и его основной идеѣ, не только нѣтъ связи, а при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается даже противорѣчіе. Его индуктивные выводы даютъ намъ глубокія общечеловѣческія понятія, но онъ и не думаетъ остановиться тамъ, гдѣ они кончатся и организовать ихъ въ одно общее мировоззрѣніе, а создаетъ свое мировоззрѣніе также, какъ это дѣлали его предшественники, т. е. задаяя себѣ вопросъ: какъ я могу себѣ представить суть міра? Впечатлѣній, достаточныхъ для отвѣта на такой вопросъ общечеловѣческимъ понятіемъ, конечно, не оказывается, и отвѣтъ дается по примѣру отцовъ и дѣдовъ субъективный и не только субъективный, а въ известномъ смыслѣ идущій старой дорогой. По примѣру своихъ ближайшихъ предшественниковъ, Гартманъ мудритъ надъ идеѣй Бога и благополучно достигаетъ того, что онъ создаетъ изъ нея еще болѣе безобразную уродливость, чѣмъ всѣ его предтечи. Невольно дѣлаешь невыгодное для него сравненіе съ духовенствомъ, которое обнаруживаетъ неизмѣримо больше таланту, открыто заявляя, что идея Бога субъективная и неостыжимая, и требуя вѣры а не пониманія. Гартманъ не только не стремится создать мировоззрѣніе, основанное на впечатлѣніяхъ, но ему кажется, что желаніе придерживаться однимъ впечатлѣніемъ, можетъ давать только пошлое и грубое пониманіе; субъективные понятія имѣютъ особенную для него прелесть, они кажутся ему тонкими и возвышенными, даже въ области естественныхъ наукъ онъ кидается на нихъ съ жадностью всюду, гдѣ онъ съ ними встрѣчается, чѣмъ субъективнѣе, а поэтому и нелѣпѣе естественная гипотеза, тѣмъ она для него правдѣннѣе, онъ соскребаетъ ихъ, гдѣ только можетъ, и набилъ ими свою яницу какъ мѣшокъ.

II.

О приемахъ при составленіи общечеловѣческаго мировоззрѣнія.

Теперь мы посмотримъ изъ какихъ понятій должно состоять мировоззрѣніе для того, чтобы оно не было субъективнымъ, а общечеловѣческимъ. Для ясности мы раздѣлимъ понятія, которыя могутъ входить въ составъ общечеловѣческаго мировоззрѣнія на идеальныя и реальныя. Идеальными мы называемъ такія понятія, которыя не выражаютъ собою явленія, дѣйствительно существующія въ природѣ, они избрѣтены самимъ человѣкомъ исключительно для того, чтобы съ ихъ помощью получать болѣе осязательныя представленія о дѣйствительно существующемъ въ природѣ. Въ строгомъ смыслѣ слова, они составляютъ не науку, а орудіе науки. Наиболѣе выдающееся изъ этихъ орудій — математика. Отличительное ихъ свойство заключается въ томъ, что чѣмъ болѣе они развиваются, тѣмъ менѣе въ нихъ реальной истины. Они воѣ очерпнуты изъ реальныхъ понятій, но чѣмъ они были реальнѣе, тѣмъ менѣе они оказывались годными для своей цѣли и могли вполне исполнять свое назначеніе только тогда, когда они дѣлались вполне идеальными. Счетъ взятъ изъ дѣйствительности, пять лошадей — реальное понятіе, но за то весьма мало годное для математика, такъ какъ оно не даетъ никакихъ равенствъ; лошадиная сила — годное для вычисленія понятіе, но за то оно вполне идеальное, не существующее. Вычислять вы можете только тогда, когда у васъ есть безусловно равныя единицы, безусловно же равныхъ единицъ реально не существуетъ, даже отвѣченное ихъ созданіе сопряжено съ величайшими трудностями, потому что если между этими отвѣченными единицами будетъ хотя малѣйшее неравенство, то вычисленіе будетъ давать тѣмъ болѣе обманчивые результаты, чѣмъ далѣе вы его поведете. Поразительны нелѣпости, къ которымъ привело иногда примѣненіе высшей математики въ психологін, экономическихъ и социальныхъ наукахъ. Даже деньги рубль, фунтъ стерлинговъ, долларъ совершенно невыгодныя для математическихъ вычисленій величины. Какъ мѣрilo цѣнности фунтъ стерлинговъ въ Лондонѣ не соразмѣримъ съ та-

ним же фунтом во всяком другом английском городе, не говоря уже объ отдаленныхъ странахъ. По этому самая прѣстая арифметическія дѣйствія, сложеніе, дѣленіе и т. д. могутъ быть приимлемы къ нимъ только въ ограниченныхъ размѣрахъ. Страна, въ которой два миліона штукъ скота, можетъ быть разъ въ шесть бѣднѣ животными продуктами, чѣмъ страна, въ которой миліонъ штукъ. Однажды я далъ себѣ трудъ повѣрить вычисленіе поземельнаго дохода, сдѣланнаго съ помощью высшей математики, и оказалось, что результатъ сложенаго болѣе чѣмъ въ триста разъ превышаетъ результатъ вычисленія. Вотъ куда можетъ привести непониманіе, что реальный индивидъ и математическая единица не одно и тоже, только тотъ можетъ быть хорошимъ статистикомъ, кто ясно понимаетъ разницу между математической и реальной единицей. Идеальныя понятія, именно потому, что они созданы человѣкомъ, что въ нихъ нѣтъ реальной, независимо отъ него существующей сути, постижимы для него вполне и составляютъ вполне прозрачныя для него понятія. Результатъ правильной дедукціи всегда оказывается тутъ безусловно вѣрнымъ. Вотъ почему распространилось убѣжденіе, что будто бы идеальныя понятія, напримѣръ математическія, заключаютъ въ себѣ безусловную истину, между тѣмъ въ дѣйствительности они вовсе не заключаютъ въ себѣ реальной истины. Только тотъ можетъ дѣлать изъ нихъ правильное употребленіе, кто это ясно понимаетъ и только при такомъ пониманіи можно съ ихъ помощью получать общечеловѣческія понятія.

Далѣе мы можемъ добывать общечеловѣческія понятія путемъ дедуктивныхъ. Изъ понятій, порожденныхъ въ насъ непосредственными впечатлѣніями, мы можемъ дѣлать логически правильныя выводы, и такимъ образомъ, получать новыя, неизвѣстныя намъ дотолѣ понятія. Эта работа менѣе всего безплодна, обдумывая безчисленныя впечатлѣнія, получаемыя нами невольно и безъ всякаго труда и дѣлая изъ нихъ ряды дедуктивныхъ выводовъ, мы можемъ достигнуть поразительныхъ результатовъ, и на оборотъ, мы можемъ ничего не достигнуть при самомъ усердномъ собираніи новыхъ фактовъ и при самомъ старательномъ произведеніи новыхъ опытовъ, если мы не будемъ ихъ обдумывать. Дедукція даетъ намъ реальныя общечеловѣческія понятія, но эти понятія только въ томъ случаѣ были бы безусловными истинами, если бы тѣ основныя понятія, изъ которыхъ они добыты, были для насъ вполне прозрачны. Впечатлѣнія наши никогда не бываютъ достаточны для того, чтобы мы могли понять всю суть тѣхъ вещей, которыми они производятся, поэтому у насъ вовсе нѣтъ вполне прозрачныхъ, реальныхъ по-

натій. Отсюда происходитъ то, что дедукція наша тѣмъ скорѣе себя сама вводитъ насъ въ заблужденіе, чѣмъ длиннѣе рядъ нашихъ выводовъ. Это слабая сторона всѣхъ дедуктивныхъ понятій, она дѣлаетъ дедукцію опасною, непопулярною и смучною. Но если понятія, основанныя на нашихъ впечатлѣніяхъ, недостаточно прозрачны для того, чтобы показывать намъ, что есть, то они могутъ все таки показывать намъ то, чего не можетъ быть. Что набудъ они намъ все таки показываютъ вполне, а отрицая то, что несогласно съ этимъ, что нибудь оцененнымъ съ всего за нимъ скрытаго, мы получаемъ отрицательное понятіе, заключающее въ себѣ безусловную истину. Эти отрицательныя понятія составляютъ единственныя реальныя безусловныя истины, которыми мы обладаемъ. Мы имѣемъ полнѣйшее основаніе дорожить ими болѣе, чѣмъ чѣмъ либо другимъ, потому что только тамъ, гдѣ мы опираемся на нихъ, мы имѣемъ водъ ногами незбылнмую почву. Это единственныя вѣчныя и несокрушимыя общечеловѣческія понятія и истины. Вы, напримѣръ, всегда можете пострѣить слѣдующее заключеніе: «Существуетъ впечатлѣнія, слѣдствительно неправда, что ничего не существуетъ» — и это заключеніе будетъ содержать въ себѣ безусловную истину. Между существованіемъ впечатлѣній и отсутствіемъ всего есть такое противурѣчіе, которое будетъ отрицать отсутствіе всего есть, какъ бы не была велика неполнота и обманчивость впечатлѣній. По этому вы можете вполне положить на это заключеніе; всѣ, правильно сдѣланные изъ него выводы будутъ давать вамъ безусловно истинныя общечеловѣческія понятія, а всякое ихъ отрицаніе можетъ давать только чисто субъективныя понятія.

Затѣмъ, мы обратимъ вниманіе еще на одинъ источникъ реальныхъ общечеловѣческихъ понятій. Предметы, безпрерывно сдѣваясь передъ нашимъ наблюденіемъ, всегда представляются намъ, только съ немногихъ сторонъ; по этому всѣ понятія, порождаемыя только производимыми ими минутными впечатлѣніями должны быть неизбѣжно крайне недостаточныя. Но эту недостаточность мы можемъ пополнять прежними впечатлѣніями, когда было ясно то, что теперь ускользаетъ отъ насъ. Наиболѣе плодотворная работа науки заключается въ томъ, что люди ставятъ себя въ положенія, при которыхъ ясно обличаются такія стороны предметовъ, которые обыкновенно вовсе не даютъ о себѣ знать, т. е. люди дѣлаютъ опыты, изслѣдованія, собираютъ факты. Такой пріемъ уясненія понятій до того необходимъ человѣку, что онъ прибѣгаетъ къ нему и внѣ науки на каждомъ шагу. Отчасти или вполне, а всѣ наши понятія составлены такимъ образомъ. Для созданія общечеловѣческаго

мировоззрения имеют особенную важность те понятия, которые составлены из частей, находящихся между собою в неизбежной связи. Таких путей, например, составлено понятие о движении земли. Движения земли я не могу видеть, не я могу видеть движение вообще и всё явления, с которыми оно связано. Человек собирает все, что он может наблюдать и вычислять в отношении земли, ее освещенія и свѣтил небесных, сравнивает все это с своими наблюдениями над движением вообще и составляет из этого одно цѣлое и полное понятие о движении земли, которое таким образом и получается для него значение общечеловѣческой истины. Люди имеютъ между всего личную основанія склонность предпочитать понятія, составленные такими образомъ, дедуктивнымъ. Ошибка тутъ не могутъ быть такъ крупны, неправильное наблюдение надъ одною изъ частей не увеличиваетъ заблужденія по мѣрѣ прибавленія частей, какъ оно увеличивается съ каждымъ новымъ членомъ дедуктивного вывода. Если не забывать, что изъ однихъ подобныхъ понятій точно также нельзя составить ни науки, ни общечеловѣческаго мировоззренія, какъ нельзя ихъ составить изъ однихъ безусловно истинныхъ отрицаній и что дедуктивные понятія составляютъ неизбежное на каждомъ шагѣ дополненіе, то стремленіе предпочтительно размножать индуктивно-синтетическія понятія будетъ вполне рационально. Однако же такимъ путемъ мы не можемъ получить рѣшительно ни одной безусловной истины. Такъ какъ понятія тутъ составляются изъ положительныхъ, а не изъ отрицательныхъ частей, а при обмѣнчивости нашихъ впечатлѣній, при полной ихъ неспособности давать намъ понятіе о существѣ явленій мы имѣемъ право говорить какъ о безусловныхъ истинахъ только о самыхъ нашихъ впечатлѣніяхъ, а вовсе не о явленіяхъ, которыя они порождаютъ, то безусловными общечеловѣческими истинами будутъ тутъ только наши впечатлѣнія, а вовсе не те понятія о явленіяхъ, которыя мы изъ нихъ выводимъ. Въ явѣстныхъ предѣлахъ всё эти наши понятія должны заключать въ себѣ ошибку. Это мы должны понять и отсюда выводить весьма знаменательныя и серьезныя заключенія. Всё наши понятія отъ перваго до послѣдняго относительныя, обстоятельство очень важное и о существованіи котораго громадное большинство людей ничего не знаетъ. Въ извѣстномъ смыслѣ мы ихъ составляемъ также, какъ мы составляемъ себѣ понятіе о цѣнахъ, т. е. посредствомъ сравненія. Безъ сравненія нѣтъ понятія, понятіе существуетъ только до тѣхъ поръ пока возможно для насъ сравненіе, все, что находится за предѣлами нашего сравненія не можетъ быть предметомъ нашего понятія, но оно существуетъ хотя не

для нашего пониманія. Это происходитъ отъ основнаго свойства всей нашей впечатлительности, мы замѣчаемъ не впечатлѣнія, а разницу въ нашихъ впечатлѣніяхъ. Если бы всё люди неизмѣнно находились въ одной и той же температурѣ, если бы всё впечатлѣнія человѣческія мѣнялись, но одно впечатлѣніе температуры никогда не измѣнялось, то оно, конечно, не перестало бы черезъ это быть впечатлѣніемъ, но впечатлѣніе это не давало бы намъ никакого понятія, мы бы вовсе не знали, что существуетъ такое явленіе, какъ температура. Наши понятія—это понятія не о предметахъ и не о впечатлѣніяхъ предметовъ, но о различіяхъ въ этихъ впечатлѣніяхъ. Но черезъ это измѣненіе въ одномъ понятіи порождастъ измѣненіе во всѣхъ, невѣрность въ одномъ—невѣрность во всѣхъ. Даже те понятія, которыя я называю безусловными, безусловны только въ томъ смыслѣ, что они стоятъ на крайнемъ предѣлѣ нашего пониманія, далѣе ихъ для насъ уже не существуетъ сравненія, точно также какъ понятіе: эта вещь ничего не стоитъ, безусловно только въ томъ смыслѣ, что на нее не является покупателя и пока его нѣтъ. Я выше только потому утверждаю, что мы имѣемъ право говорить о существованіи нашихъ впечатлѣній, какъ о безусловной истинѣ, что далѣе нашихъ впечатлѣній, для нашего пониманія уже ничего не существуетъ, я называю извѣстныя отрицательныя понятія, они такъ, только потому безусловными истинами, что они отвергаются всею нашею впечатлительностью и потому сильнѣе всего, что мы имѣемъ право утверждать. Если читатель выкинетъ въ глубокой смыслъ этого явленія, то онъ почувствуетъ всю безпредѣльность шаткости нашихъ понятій, усложнитъ эту шаткость вводя въ науку субъективное пониманіе, ему покажется просто преступленіемъ. Но и въ понятіяхъ, создаваемыхъ въ области нашей впечатлительности, мы должны относиться съ большою осторожностію, вездѣ, гдѣ только возможно отдаленной дедукціи предпочитать понятія, составленные вышеуказаннымъ способомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, конечно, самое лучшее, если мы можемъ наблюдать тотъ же предметъ и то же явленіе въ различныхъ условіяхъ, при которыхъ обличаютъ различныя его стороны и такимъ образомъ составлять себѣ возможно полное понятіе. Но у явленій и предметовъ есть тѣя стороны, которыя никогда не обнаруживаются и по отношенію къ которымъ непосредственное наблюденіе безусловно невозможно, мы ясно видите только одно, что впечатлѣнія даютъ вамъ одни обрывки изъ которыхъ составляется лишь хаотическая куча фактовъ, безъ какаго либо достаточнаго и годнаго научнаго понятія о цѣломъ. Тутъ изслѣдователю предстоитъ трудная задача разыскивать эти обрывки въ

совершенно других сферах, стараться найти их там, где так или иначе видны промежуточные звенья и подобным путем воссоздавать целое и с теми частями, которые никогда и никуда не возобладают. Начиная от сравнительно легкого воссоздания вида допотопных животных и кончая многими величайшими открытиями, этот прием оказался весьма плодотворным в науке; создать без его помощи общечеловеческое мировоззрение положительно невозможно. Но за то же, этот прием требует крайней осторожности для того, чтобы не выйти из общечеловеческих понятий в сферу субъективных понятий. При подобных исследованиях великим соблазном служит потребность в осязательности. Желание создать ясное и отличительное понятие дѣлается самым обильным источником неясности, если исследователь старается выставить явление болѣе разъясненным, чѣм его разъясняют наблюдения в не вполне однородной с ним сферѣ. Первое требованіе, необходимое для того, чтобы понятие было общечеловеческим, а не субъективным заключаются в томъ, чтобы выставляемое звѣно было взято съ начала до конца изъ дѣйствительнаго наблюдения безъ всякаго вырванія какой либо части, которая составляетъ звѣно процесса развитія или условіе составленія цѣлаго, напр. если я хочу доказать, что известные видимыя мною движенія небесныхъ свѣтилъ, доказываютъ движеніе земли, а не движеніе этихъ свѣтилъ, то я долженъ выбрать для объясненія явленіе такого же движенія, которое я могу дѣйствительно наблюдать, затѣмъ брать его вполне какъ оно есть и сравнивать; я не могу ни вырвать члена безъ объясненія правильности такого устраненія путемъ наблюдения, ни вставить такой, котораго наблюденіе невозможно. Если я наблюдаю изъ окна вагона окрестность, то мнѣ кажется, что одни ближайшіе предметы бѣгутъ въ одну сторону, а отдаленные въ другую, ближайшія бѣгутъ мнѣ на встрѣчу, а отдаленныя бѣгутъ мимо нихъ въ моемъ направленіи и я не могу оставить безъ вниманія эти отдаленные предметы и сравнивать только движеніе ближайшихъ, и только тогда, когда наблюдаемое мною явленіе во всемъ своемъ составѣ будетъ объяснять движеніе земли, я могу считать мое доказательство удовлетворительнымъ. Если бы оказалось, что впечатлѣніе кажущагоса движенія небесныхъ тѣлъ, въ чемъ нибудь противорѣчитъ сравниваемому мною съ нимъ наблюденію, то я не могу выдумать причину для разъясненія этого противорѣчія, а долженъ разъяснить также дѣйствительнымъ наблюденіемъ. Когда я окончилъ самъ для себя этотъ процессъ разъясненія никуда не выступая за предѣлы полученныхъ впечатлѣній мнѣ остается еще трудная задача выразить результатъ словами. Мышленіе мое проис-

ходить съ помощью истинныхъ понятій т. е. тѣхъ, которыя даны мнѣ моими впечатлѣніями, а выраженіе моихъ мыслей производится посредствомъ условныхъ понятій т. е. словъ. Небрежное употребленіе словъ, въ особенности обращеніе общепотребительныхъ выраженій въ спеціальныя термины можетъ сдѣлаться вмѣсто разъясненія источникомъ беспредѣльной путаницы. Въ понятія политической экономіи изъ конца въ конецъ спутаны и сдѣланы негодными въ употребленію посредствомъ терминологіи, искажающей общепотребительныя выраженія. Дарвинъ существовавшимъ образомъ испортилъ, затемнилъ и запуталъ свое великое дѣло, пользуясь съ безконечнымъ легкомысліемъ такими общепотребительными словами какъ борьба, приспособленій, и обращая ихъ въ искаженномъ видѣ въ научныя термины. Сказать словами, именно то, что разъяснено, отнюдь не болѣе и не менѣе, отнюдь не что нибудь другое, устранить туманность и неясность отнюдь не болѣе, чѣмъ она устраняется наблюденіемъ, отнюдь не увѣчаться потребностью осязательности, это величайшее искусство для ученаго и люда науки должны въ этомъ упражняться усерднѣйшимъ образомъ. Но за то же если однажды понятіе разъяснено со всеми этими предосторожностями, то оно дѣлается общечеловеческимъ, и его опроверженіе будетъ уже оставаться субъективнымъ до тѣхъ поръ, пока входяща въ него дѣйствительныя наблюденія не будутъ замѣнены дѣйствительными же наблюденіями, разъясняющими дѣло вполне и всесторонне. Если понятіе разъясненное дѣйствительнымъ наблюденіемъ, замѣняется такимъ, которое наблюденіемъ не разъяснено, то послѣднее будетъ уже чисто субъективнымъ, а не общечеловеческимъ. Сказать, напр., что явленіе свѣта производится путемъ движенія, это значитъ создавать общечеловеческое понятіе о свѣтѣ, потому, что сравнивая явленія свѣта съ явленіями порождаемыми известными, поддающимися наблюденію движеніями, мы находимъ въ нихъ совпаденіе. Посему хотя мы и не можемъ непосредственно наблюдать то движеніе, которое сопровождается явленіемъ свѣта, но мы всегда имѣемъ право дополнить его понятіемъ о такихъ поддающихся наблюденію движеніяхъ, которыя служатъ исключительнымъ источникомъ такихъ же явленій. Но если мы идемъ далѣе и говоримъ: свѣтъ есть такое-то движеніе эфира, тѣла невѣсогома, находящагоса всюду, проникающаго и матерію и пустое пространство и т. д.; то мы уже прямо увлеклись потребностью въ осязательности и изъ понятія о свѣтѣ создали совнѣнное субъективное, вмѣсто общечеловеческаго понятія. Нѣтъ невѣсогома тѣла, которое мы бы могли наблюдать, сѣдовательно понятіе о невѣсогомъ тѣлѣ, есть выдуманное, субъективное; мы наполнили всемірное пространство этимъ

порождением нашей фантазии только для того, чтобы сделать наше понятие о свѣтѣ осязательнымъ, образъ дѣйствія некротительный для науки. Все, что мы можемъ сказать, не превращая общечеловѣческихъ, понятій въ субъективныя, заключается въ томъ, что свѣтъ есть движенье матеріи и то только потому, что двигаться это значитъ перемѣнять пространство, а перемѣнять, пространство можетъ только то, что наполняетъ пространство, а все что наполняетъ пространство мы называемъ матеріей. Производя искусственно, такъ называемое пустое пространство мы находимъ, что и въ немъ повторяются явленія теплоты, свѣта, электричества, отсюда мы имѣемъ право заключить, что и въ этомъ предполагаемомъ пустомъ пространствѣ есть матерія уже потому, что явленія свѣта, теплоты и т. д., суть явленія пространственными и слѣдовательно тамъ, гдѣ они существуютъ есть и матерія; но это облегчаетъ намъ только возможность предполагать, что и въ мировомъ пространствѣ существуетъ матерія. Идти далѣе и говорить, что мировое пространство наполнено эфиромъ, однороднымъ тѣломъ, имѣющимъ такія-то свойства и проникающимъ всякую матерію, это значитъ прямо жертвовать общечеловѣчностью понятія, ради его осязательности. Если я говорю, что изъ впечатлѣній своихъ я долженъ вывести заключеніе, что дающее мнѣ впечатлѣнія мировое пространство наполнено матеріей, потому, что пространственное явленіе свѣта оказывается способнымъ являться всюду, то я выражаю этимъ общечеловѣческое понятіе, которое останется таковымъ до тѣхъ поръ, пока наблюденіе не покажетъ, что самый свѣтъ есть матерія *), а не движенье лежащей на его пути матеріи и что существуетъ абсолютная тьма. Но если я говорю, что эта матерія составляетъ особенный всюду существующій родъ тѣлъ—эфиръ т. е. что она однородна и проникаетъ всю другую матерію, то я создаю уже

*) Напрасно, однако-же, думать, напр., что явленіе интерференціи доказываетъ, что свѣтъ не есть матерія. Если вы въ какое-нибудь пространство, гдѣ производится горѣніе на воздухѣ, прибавите сначала водороду, а потомъ кислороду, то и въ томъ и въ другомъ случаѣ горѣніе усилится, но если вы налейте воды оно прекратится. Если два деревянныхъ шара сначала столкнутся, а потомъ попадутъ въ вѣсъ, то ихъ ударъ черезъ это будетъ ослабленъ или даже уничтоженъ, а не усиленъ. Совокупное дѣйствіе тѣлъ можетъ ослабляться отъ ихъ взаимнаго положенія и это вовсе не будетъ доказывать, что они не матерія, а только движенье. Явленія свѣта таковы, что требуютъ доказательства, чтобы свѣтъ признать матерію, но нельзя сказать, что доказано, что свѣтъ не есть матерія, это можетъ быть, напр., матерія, которая производитъ въ другой движенье и слѣдуетъ ему.

субъективное понятіе, а не имѣю никакого основанія утверждать ни однородность наполняющей мировое пространство матеріи, ни то обстоятельство, что она проникаетъ другую матерію, напротивъ я скорѣе могу предполагать ея разнородность и имѣть наблюденія, которое бы доказывало, что движенье свѣта и теплоты въ воздухѣ и другихъ тѣлахъ есть движенье эфира, а не движенье самихъ этихъ тѣлъ. По этому, я долженъ говорить о предметѣ такъ, чтобы эти его стороны выражались въ моихъ словахъ, если я говорю просто о матеріи, наполняющей мировое пространство, то я этимъ самымъ выражаю понятіе, что я не знаю однородна она или нѣтъ; а для того, чтобы утверждать, что распространяющаяся въ стеклѣ или водѣ свѣтъ, не есть движенье стекла и воды, я долженъ имѣть доказывающее это обстоятельство наблюденіе напр. случай, гдѣ бы свѣтъ пересталъ проникать черезъ стекло и воду, потому что эфиръ изъ нихъ удаленъ. Точно также распространено въ наукѣ другое легкомысленное ученіе. Разъяснивъ одну какую-нибудь сторону явленія съ величайшими вѣковыми усиліями, ученые приходятъ къ этому въ такомъ восхищеніи, что начинаютъ воображать, что уже вся суть явленія разъяснена и вмѣсто того, чтобы своими выраженіями точно, по возможности, обозначать предѣлы разъясненнаго, они говорятъ такъ, что изучающій слушатель представляетъ себѣ разъясненнымъ и то, что никогда не можетъ быть разъяснено. Такъ, наукою разъясняется, что свѣтъ сопровождается движеньемъ, а, между тѣмъ, вы на каждомъ шагу встрѣчаетесь съ такими очевидными выраженіями, какъ, напримеръ, *светъ есть движенье эфира*. Уже наши впечатлѣнія показываютъ намъ, что въ явленіи свѣта заключается болѣе чѣмъ одно движенье. Изучая свѣтовой спектръ, наука показываетъ намъ движенье, соразмѣрное во всѣхъ отношеніяхъ и въ силѣ, и въ быстротѣ колебаній, но впечатлѣніе показываетъ намъ соразмѣрность только въ силѣ одного и того же луча. Красный лучъ по яркости своей соразмѣримъ съ краснымъ же лучемъ, яркій или слабый, онъ намъ представляется однимъ и тѣмъ же краснымъ лучемъ, только въ разныхъ степеняхъ своей яркости. Но красный, зеленый и фиолетовый лучи представляются намъ вовсе не различными степенями одного и того же луча, а совершенно различными несоизмѣрными лучами свѣта, на такую несоизмѣрность указываетъ и ихъ дѣйствіе на органическія и неорганическія тѣла. Отсюда вы должны заключить, что суть свѣта состоитъ не изъ одного движенья, не говоря уже о томъ, что разнородность впечатлѣній доказываетъ разнородность его источника, а его однородность не доказываетъ, что въ явленіи нѣтъ ничего, кромѣ того, что производить впечатление

дательные. Если опытный машинист во время хода поезда взглянет на шпалы, он определит по впечатлению, сколько верстъ поездъ ѣдетъ въ часъ. Сосчитать шпалы онъ, конечно, не можетъ, но разъясняя его впечатлѣніе вы можете это сдѣлать; вы, напримеръ, прямо говорите, что, когда поездъ шелъ 30 верстъ въ часъ, передъ нимъ промелькнуло 600 шпалъ, а когда онъ шелъ 35 верстъ, то—700. Шпалы сливаются, считать ихъ нельзя, но производя различное впечатлѣніе, они, все-таки, будутъ производить впечатлѣніе соразмѣрное, самая эта соразмѣрность и будетъ вамъ показывать, что разница въ впечатлѣніи происходитъ только отъ разницы въ количествѣ такихъ же промелькнувшихъ шпалъ *). Но если одни шпалы будутъ деревянными, а другія, напримеръ, каменные, то кромѣ соразмѣрнаго, впечатлѣніе вамъ дастъ и несоразмѣрную разницу, какъ напримеръ, между зелеными и красными цвѣтомъ. Вы будете совершенно правы, если изъ этой несоразмѣрности заключите, что разница впечатлѣній производится еще чѣмъ то, кромѣ числа шпалъ и совершенно неправы, если вы этого не сдѣлаете. Мы никогда не должны забывать, что сфера человѣческихъ впечатлѣній никогда всегдѣ остается всегдѣ общирною, чѣмъ сфера общечеловѣческихъ обобщенныхъ научныхъ понятій по той простой причинѣ, что эти понятія только тогда остаются общечеловѣческими, когда они обобщаютъ выводы изъ впечатлѣній. За этой, болѣе тѣсной сферой остается еще масса невошедшихъ въ науку, неразработанныхъ впечатлѣній, и еще болѣе такихъ, которыя недоразъяснены достаточно, чтобы войти въ составъ общечеловѣческаго міровоззрѣнія; однако этими впечатлѣніями мы не имѣемъ право пренебрегать и наши научныя понятія мы должны выражать такъ, чтобы они не противорѣчили этой вишней сферѣ. Ученые, склонные къ субъективнымъ понятіямъ, обыкновенно поступаютъ иначе; они смотрятъ съ высоко на впечатлѣнія толпы, но за то кончаютъ тѣмъ, что создаютъ чисто субъективныя гипотезы, которыхъ проухи ясны для всякаго внимательнаго взгляда даже безъ всякаго изслѣдованія. Гартманъ можетъ послужить намъ лучшимъ образцомъ того, какъ относятся подобные ученые къ наукѣ. Его воображеніе вос-

*) Если бы одно число колебаній составляло всю разницу между впечатлѣніями красного, оранжеваго, зеленого, голубаго и сіюетоваго лучей, то эта разница была бы однородна съ разницею впечатлѣнія блгушнихъ шпалъ при движеніи поезда на 28, 35, 42, $45\frac{1}{2}$ и 56 верстъ въ часъ, однако-же, эта разница не представляетъ собою ничего подобнаго несоразмѣрности поминутыхъ цвѣтовъ.

хищено идеей уничтожить понятіе о веществѣ. Его блѣняетъ идея, что вещества совсѣмъ нѣтъ, что матерія есть ничто иное, какъ комбинація силъ, какъ дѣйствіе силы на силу и вещество намъ кажется только потому существующимъ, что мы ощущаемъ сопротивленіе этихъ силъ. Онъ принимаетъ слѣдующее ученіе. Существуютъ двѣ основныя силы: отталкивающая и притягательная, центры этихъ силъ не совпадаютъ, а перекидываются другъ съ другомъ, разное, взаимное ихъ противодѣйствіе другъ другу и создаетъ тѣ явленія, которыя мы считаемъ матеріей. Въ этой основной гипотезѣ, которой придерживается Гартманъ, сдѣлано все, что только можетъ сдѣлать ученый для того, чтобы превратить общечеловѣческое понятіе въ чистѣйшее субъективное, се весьма полезно изучать съ тѣмъ, чтобы узнать, чего слѣдуетъ остерегаться для того, чтобы наше понятіе, незамѣтно для насъ, не перестало быть общечеловѣческимъ и научнымъ. Прежде всего здѣсь забыто, что въ явленіяхъ природы содержится болѣе, чѣмъ въ нашихъ впечатлѣніяхъ. Для чловѣка собственное его тѣло составляетъ вѣчно неразгаданную тайну, самая ничтожная болѣзнь незлѣчивается окопую, вотъ какъ недостаточны наши впечатлѣнія. А между тѣмъ, эти впечатлѣнія составляютъ единственный источникъ всѣхъ нашихъ понятій, правильные изъ нихъ выводы создаютъ общечеловѣческую науку, игра ими—субъективныя воззрѣнія. Поэтому мы можемъ считать наши понятія о природѣ только поверхностными, и философское убѣжденіе, что мы не знаемъ существа вещей, таково, что останется на всегда одинаково вѣрнымъ. Такъ какъ наши впечатлѣнія составляютъ весь кругъ нашихъ положительныхъ знаній, то мы никогда и не можемъ получить убѣжденности, что мы знаемъ существо вещей. «Я знаю одни впечатлѣнія, слѣдовательно я не могу имѣть убѣренности, что знаю существо явленій»,—это такая же безусловная истина, какъ заключеніе «существуютъ впечатлѣнія, слѣдовательно, неправда, что ничего не существуетъ». Гартманъ знаетъ это, однако, онъ не дѣлаетъ отсюда тѣхъ выводовъ, какіе слѣдуетъ. Сказать: нѣтъ вещества, а существуютъ только различнымъ образомъ расположенными центроблѣжныя и центростремительныя силы, которыя дѣйствуютъ другъ на друга, это все равно, что сказать: я знаю, что суть производящихъ на меня впечатлѣнія вещества явленія природы, заключаются въ центроблѣжной и центростремительной силахъ, а это въ свою очередь значитъ отвергать безусловную истину, что я не могу знать существа вещей, высказывать мысль въ высшей степени субъективную, безусловнымъ образомъ отвергаемую чловѣческимъ пониманіемъ. Изъ наблюденія можно сдѣлать

только тот вывод, что существуют центробъжная и центростремительная сила, которая проявляется веществом или из вещества. Непосредственное впечатлѣніе вещества заключаетъ неизмѣримо болѣе, чѣмъ та сторона, изъ которой мы создаемъ понятія о силахъ центробъжной и центростремительной, оно неизмѣримо, глубже ихъ ничто не освѣщаетъ съ такой яркостью ученую легковѣсность, какъ способность приходить въ тавой сдѣлной восторгъ отъ разъясненной съ грубоумъ половамъ одной стороны явленія, что принимать это даже еще сомнительное разъясненіе одной стороны за все явленіе и всю его суть. Такіе промахи находятъ въ самой тѣсной связи съ субъективнымъ мировоззрѣніемъ, исходящимъ отъ стремленія понять суть міра и составлять прямое послѣдствіе недобрыхъ нѣлыхъ исходныхъ точекъ. Отсюда первое предостереженіе при составленіи общечеловѣческихъ понятій: мы всегда должны помнить, что мы можемъ разъяснить только стороны явленій, а не ихъ существо. Далѣе Гартманъ утверждаетъ, что сила можетъ дѣйствовать на силу; это дѣйствительно подтверждается наблюденіемъ, но это наблюденіе вовсе не рѣшаетъ участи его гипотезы; для того, чтобы его гипотеза сдѣлалась даже недѣйствительной, а только возможной, онъ долженъ поставить наблюдателя въ такое положеніе, въ которомъ онъ могъ бы убѣдиться наблюденіемъ, что двѣ подобныя силы могутъ безъ участія вещества произвести пространственное явленіе: сколько ни мудри какъ понятіемъ о пространствѣ, а понятіе это есть выводъ изъ непосредственнаго впечатлѣнія; отвергать его, значитъ уже отвергать впечатлѣнія, выходящія изъ круга впечатлѣній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и изъ круга общечеловѣческихъ понятій и погружаться въ субъективныя. Непосредственное это впечатлѣніе показываетъ намъ, что есть явленія, совместимыя въ томъ же самомъ пространствѣ и несовѣстимыя. Идея, сила—понятія, совместимыя на томъ же самомъ пространствѣ и вотому называются безпространственными. Если на двухъ концахъ веревки висятъ равныя тяжести, которая тянутъ ее въ противоположныя стороны, то въ каждой точкѣ веревки, не уверѣнно математиковъ, совмѣщаются на томъ же пространствѣ двѣ противоположныя силы. Но вромѣ этихъ силъ здѣсь есть еще нѣчто пространственное, веревка, которая не можетъ вся совмѣщаться въ одной точкѣ; эта пространственная веревка есть основное условіе для существованія ноланутокъ, предполагаемыхъ физиками, силъ, есть она—силы могутъ мотъ быть и не быть и не совмѣщаться на каждой ея точкѣ, нѣтъ ея—не можетъ быть и сила. Такъ какъ я нигдѣ не могу наблюдать такихъ, такъ называемыхъ, силъ, безъ популярнаго основнаго для нихъ существованія условія, а

въ нимъ принадлежатъ и центробъжная, и центростремительная силы, и такъ какъ нигде еще до сихъ поръ не дѣлалъ такого наблюденія, то я говорю Гартману, пока вы не сдѣлали такого наблюденія и не показали его намъ всѣмъ, ваше понятіе останется субъективнымъ и не сдѣлается общечеловѣческимъ. Мало этого, гипотеза Гартмана не только не оправдывается, но вполне и окончательно отвергается всеми наблюденіями безъ исключенія. Если дѣйствуютъ другъ на друга двѣ противоположныя, такъ называемыя, силы, центробъжная и центростремительная, тянущія вправо и влѣво, то онѣ неизбѣжно совмѣщаются въ той же самой точкѣ; пока этого совмѣщенія не воспримѣдуетъ онъ и дѣйствовать другъ на друга не могутъ; если какая нибудь матеріальная точка тянется одной силой, а не другою, совмѣщающимися въ ней противоположными, то она и поѣдетъ оттуда, куда тянется эта одна сила. Пространственное, а не совмѣщающееся дѣйствіе такого рода силы на силу отвергается всеми наблюденіями, а съ тѣмъ вмѣстѣ и произведеніе ими пространственныхъ явленій. Пока есть пространственное вещество до тѣхъ поръ существуетъ причина для того чтобы совместное дѣйствіе этихъ силъ растягивалось на пространство; существованіе пространственнаго вещества, въ которомъ онѣ дѣйствуютъ, мѣшаетъ имъ совмѣститься вполне въ одной безпространственной точкѣ. Вамъ стоитъ представить себѣ отсутствіе этого вещества и причины пространственнаго растяженія для этихъ силъ не будетъ существовать; вы можете тогда представить себѣ ихъ только безпространственно, и въ тоже время понимаете, что это безпространственное существованіе не мыслимо, равняется въ нашемъ понятіи отсутствію существованія. Сверхъ всего, это понятіе о двухъ противоположныхъ силахъ, совместно дѣйствующихъ въ одной и той же вещественной точкѣ, можетъ быть вполне устранено и замѣнено понятіемъ впечатлѣнія, дающаго знаніе о размѣрахъ известнаго явленія и служащаго для вещественнаго атома стимуломъ. Въ вышеупомянутомъ случаѣ наше понятіе о дѣлѣ будетъ слѣдовательно такое: вовсе нѣтъ силъ, совмѣщающихся въ данномъ атомѣ веревки и тянущихъ его въ противоположныя стороны, а атомъ получаетъ впечатлѣніе, которое показываетъ ему, что изъ числа посредственно и непосредственно сдѣланныхъ съ нимъ въ составъ твердыхъ тѣлъ атомовъ, известное количество находится подъ вліяніемъ земнаго тяготѣнія безъ всякаго противоѣдствія. Это послѣднее пониманіе явленія имѣетъ надъ предыдущимъ неизмѣримо преимущественно. Если вы говорите о двухъ силахъ, совместно существующихъ въ данной точкѣ вещества и представляете себѣ, слѣдовательно, эти силы, имѣющими свое собствен-

ное существование и если вы, за тѣмъ, представите себѣ, что вещество исчезло по какой либо причинѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, силамъ придется исчезнуть безъ причины. Такъ, что для того, чтобы объяснять явленіе такимъ образомъ, вамъ придется представить дѣйствительное наблюдение, доказывающее, что сила можетъ исчезать безъ причины; такое наблюдение вы, конечно, не представите. Если же вы говорите, что точка вещества получаетъ два противоположныхъ впечатлѣнія, то исчезновение впечатлѣнія вмѣстѣ съ исчезновениемъ способнаго получать такое впечатлѣніе вещества будетъ вполнѣ соответствовать наблюдению, такъ какъ впечатлѣніе не имѣетъ собственного существованія. Такимъ образомъ вы можете объяснить помняутыя, представляющіяся намъ явленія, не прибѣгая къ понятію о двухъ со- вмѣщающихся въ точкѣ силахъ, но вы никакъ не можете обойтись безъ понятія о веществѣ въ этой точкѣ. Вы мнѣ скажете, что это объяснение дѣлается такимъ осязательнымъ только потому, что дѣлается не оправдывающееся наблюдениемъ предположеніе исчезновения вещества; не забывайте, что оно дѣлается здѣсь для освѣщенія недостатковъ принятой Гартманомъ гипотезы; вамъ стоитъ согласиться съ этой гипотезой и вещество исчезнетъ въ вашемъ пониманіи, останутся у васъ одни способности существовать совместно въ той же точкѣ т. е. неимѣющая пространства силы; но для того, чтобы объяснить съ ихъ помощью тѣ вещи впечатлѣнія, которыя вамъ даютъ понятіе о пространствѣ, вы будете поставлены въ неизбежную необходимость представить себѣ пространственнымъ то, что не имѣетъ пространства. Вмѣсто того, чтобы дойти до объясненія, вы такимъ путемъ доходите до крайней несообразности, до которой только можно дойти. Отсюда мы получаемъ другое предостереженіе при составленіи нашихъ общечеловѣческихъ понятій. Дополняя, неподдающуюся непосредственному наблюдению сторону явленій, изъ другихъ наблюденій мы ихъ должны переносить въ той дѣльности, въ которой мы ихъ наблюдали и считать дѣльнымъ только то, что при наблюденіи оказалось дѣльнымъ. Наблюденіе показываетъ намъ существованіе безпространственныхъ явленій идей, силъ и т. д. а потому мы можемъ объяснять явленія существованіемъ безпространственныхъ силъ, напримеръ, центробѣжной, центростремительной. Но то же наблюденіе показываетъ намъ, что способны совмѣщаться на томъ же пространствѣ въ неопредѣленно большемъ количествѣ, они именно потому безпространственны, неспособны наполнить собою пространство, а потому и не могутъ существовать въ пространствѣ иначе, какъ въ качествѣ принадлежностей чего либо пространства. Эти двѣ стороны наблюденія,

являющіяся намъ вездѣ нераздѣльными, мы и не можемъ произвольно раздѣлить, не доказавъ сначала эту дѣльность новымъ наблюдениемъ. Если вы, не доказавъ этой дѣльности наблюдениемъ, раздѣлите и на этомъ дѣленіи построите свою гипотезу, то, чрезъ это самое, ваша гипотеза перестанетъ быть общечеловѣческимъ понятіемъ и превратится въ субъективное—вы пошли далѣе впечатлѣній. Принявъ эту гипотезу, Гартманъ не стѣсняется для дальнѣйшаго объясненія явленій принять и другую: что принятыя имъ центры силъ при своихъ колебаніяхъ могутъ проходить другъ сквозь друга. Если такое прохожденіе составляетъ идеальное понятіе, т. е. математическую фикцію для объясненія пути движенія, тогда оно не доказываетъ отсутствія непроницаемаго вещества, но если Гартманъ считаетъ его реальнымъ понятіемъ, тогда это часто субъективная идея, которая опровергается общечеловѣческимъ понятіемъ о непроницаемости вещества и можетъ получить общечеловѣческое значеніе только тогда, когда проницаемость матеріи будетъ доказана дѣйствительнымъ наблюдениемъ⁹⁾. Тутъ Гартманъ въ своемъ презрѣніи къ впечатлѣніямъ пошелъ такъ далеко, что онъ не только считаетъ себя вправе растерзывать на части то, что наблюденіе даетъ намъ въ видѣ недѣлимаго, но ради своего удобства и по своей фантазіи прямо противорѣчитъ наблюдению. Гипотезой, противорѣчащей дѣйствительному наблюдению, нельзя объяснить необъясненное, оно останется необъясненнымъ и внесется только путаница въ сферу объясненнаго. Если же это противорѣчіе такое крупное, то мы имѣемъ тутъ непростиительнѣйшую изъ субъективныхъ идей.

⁹⁾ Въ возможность проницаемости матеріи и помимо наблюденій, Гартманъ начиниаетъ получать идуру, но въ этомъ невозможно убедиться до тѣхъ поръ, пока мы не узнаемъ строенія матеріи, что, вѣроятно, никогда не случится.

III.

Великія основы мировоззрѣній.

Для читателя, конечно, ясно, что предидущая глава не даетъ ему теоріи составленія общечеловѣческихъ понятій, а содержитъ въ себѣ только нѣкоторыя отрывочныя указанія, необходимыя для того, чтобы ему было ясно, почему мы ниже—одну часть гартмановскихъ понятій будемъ признавать общечеловѣческою, а другую субъективною и почему именно противопоставляемая этой послѣдней понятія, мы будемъ выдавать за общечеловѣческія. Теперь мы посмотримъ какую роль играютъ Гартманъ въ созданіи человѣческаго мировоззрѣнія. Для этого намъ нужно сначала опредѣлить всемірно-историческое положеніе дѣла. Мировоззрѣнія безчисленны; каждый человѣкъ имѣетъ свое и каждое изъ этихъ мировоззрѣній создано изъ слѣси субъективныхъ и общечеловѣческихъ понятій. Мы ни одного изъ нихъ не будемъ излагать, потому что наша цѣль здѣсь заключается вовсе не въ томъ, чтобы подвергать ихъ критикѣ. Мы хотимъ въ общихъ характеристическихъ чертахъ показать, какъ обнаружилась, въ человѣчествѣ, тенденція превратить существенно субъективное мировоззрѣніе въ существенно общечеловѣческое, видѣ научное въ точно-научное. Мы опять-таки не будемъ критиковать ни того, ни другаго, а только постараемся изложить эти двѣ противоположности съ достаточной ясностью для того, чтобы читатель понималъ въ чемъ суть спора. Далѣе, мы противопоставимъ этимъ двумъ изображеніямъ суть гартмановскаго мировоззрѣнія и въ заключеніе формулируемъ то общечеловѣческое мировоззрѣніе, которое будетъ разъясняться ниже, въ качествѣ вывода изъ общечеловѣческихъ понятій, добытыхъ изслѣдованіями современной науки. Это гелое сопоставленіе дѣлается нами здѣсь для того, чтобы при послѣдующихъ разъясненіяхъ читатель могъ постоянно имѣть въ виду, въ чемъ заключается та ось, кругомъ которой все это группируется; въ чемъ суть вѣдоваго спора о мировоззрѣніи въ средѣ чело-вѣчества и въ чемъ заключается задача, подлежащая разрѣшенію.

Мы уже сказали выше, что стремленіе чело-вѣчества создавать себѣ мировоззрѣнія, явилось ранѣе историческихъ временъ, а потому и 'ранѣе науки. Средства, которыми мировоззрѣніе могло быть достигнуто въ эти времена невѣжество и цѣль, къ которой оно стремилось, заключали въ себѣ неизгладимое противорѣчіе. Цѣль, которая обнаруживается въ этомъ стремленіи въ теченіе его многовѣкового существованія, обличается такъ ясно, что въ ней и ошибиться невозможно; она заключается въ созданіи, среди людей группы основныхъ понятій и взглядовъ на жизнь, которые сдѣлались бы глубокими и искренними убѣжденіями каждаго и чрезъ это невольными стимулами и руководителями всей его жизни, и которые въ же время объединяли всехъ людей въ одно взаимно-симпатическое цѣлое. Между тѣмъ, при невѣжествѣ людей во всякомъ возможномъ для нихъ мировоззрѣніи, субъективные понятія должны были имѣть громадное преобладаніе, все эти мировоззрѣнія съ перваго до послѣдняго были существенно субъективными, а потому они не могли порождать какихъ бы то ни было, общихъ убѣжденій и всегда довольствовались однимъ наружнымъ видомъ согласія, устанавливаемымъ авторитетомъ и т. д.; уже и то было хорошо, если создавался этотъ наружный видъ, люди объединялись и отклоненія ихъ смягчались хотя сколько-нибудь. Однако оказывается, что въ этихъ мировоззрѣніяхъ субъективное только преобладало, онѣ всегда стремились основать себя на общечеловѣческихъ понятіяхъ и обнаруживали при этомъ такую силу и правильность мышленія, которая достойна всякаго вниманія. Это стремленіе создало группу общечеловѣческихъ понятій, которая и сдѣлалась общимъ, для всехъ этихъ мировоззрѣній зерномъ, ихъ общей исходной точкой, кругомъ которой они группировались въ безконечномъ своемъ разнообразіи. Все это разнообразіе мы оставимъ совершенно въ сторонѣ и будемъ говорить здѣсь только объ этомъ зернѣ, объ общемъ центральномъ пунктѣ. Чѣмъ болѣе чело-вѣкъ присматривался къ окружающей его природѣ, тѣмъ болѣе все въ ней казалось ему произведеніемъ мысли. Чѣмъ болѣе онъ дѣлалъ наблюденій и чѣмъ глубже онъ старался вникнуть, тѣмъ чаще приходила ему эта идея и наконецъ, превращалась въ несокрушимое убѣжденіе. Но кому же принадлежатъ все эти мысли? Понятіе о мысли, онъ составляетъ себѣ только наблюденіемъ надъ самимъ собою и такими же людьми какъ и онъ, и убѣждается, что мысль принадлежитъ всегда кому-нибудь. Его попушеніе оушевить окружающіе его предметы оказываются, однако-же, до такой степени несогласными съ его наблюденіями, что онъ наконецъ, видитъ себя вынужденнымъ всю неорганическую природу признавать мертвою, а растительную хотя и живую, но немнслящую. Въ мирѣ животномъ, по крайней мѣрѣ, чело-вѣкъ ка-

жестя ему несомненно мыслящим существом; однако же рядом с этим несомненно, что все эти организмы, не исключая человеческого, суть произведения какой-то другой, а вовсе не человеческой мысли. Он сравнивает произведения своей мысли, с произведениями мысли других людей и с мыслями, обнаруживающимися в окружающей его природе и находит, что если человек понимает, что-нибудь лучше его, то и произведения его в этой области искусств; произведения же в природе так непомерно искусны, что самый великий человеческий ум, не только не может создать ничего подобного, но даже не может и разгадать созданного. Это произведения недостижимой ни для одного человека мудрости и хитрости. Отсюда он прямо заключает, что производители (или производитель), суть существа далеко превосходящая человека по своим совершенствам и умственным силам. Все это несомненные общечеловеческие понятия. Правда, что они представляются людям верными, только до тех пор, пока круг их знаний не расширится до известного предела; но ведь тоже самое можно сказать о всех общечеловеческих понятиях, кроме вышеупомянутых безусловных истин. Незамыслимы только понятия, составляющие безусловные общечеловеческие истины; в том виде, в котором они однажды приобретены правильным выводом из впечатлений, они должны сохраняться до тех пор, пока они исчезают из памяти людей, а если после такого исчезновения возобновляются, то опять таки, в предельно вымолит тождественном своем виде. Все остальные общечеловеческие понятия верны, только до тех пор, пока круг человеческих знаний не расширится до известного предела. Вот, почему вышеупомянутые понятия имели такое общее признание в течение бесчисленного множества лет и сдвинулись общечеловеческим основанием, на которое опирались сблившиеся друг друга в безконечном разнообразии религии. Выводы, сдвинутые из них в род того, что мир создан Богом, Варушей и т. д., составляют, конечно, уже чисто субъективные идеи, точно также как и дальнейшее их развитие, например, что Юпитер управляет миром, что солнце живое существо. Из наблюдений никак нельзя вывести, что мир управляется и что солнце живет.

Когда, несколько веков тому назад, стало возникать в западной Европе научное исследование, тогда по нечаянности не оказалось людей достаточно прощательных, чтобы дать науке и религии нормальное относительно друг друга положение. Хотя и наука и религия были в эти времена не только одинаково необходимы для людей, но и не могли замкнуть друг друга, однако, они приняли враждебное взаимное отношение.

Ужиться им, конечно, было не легко и для этого им следовало бы действовать очень обдуманно и с большим тактом. Наука, как более слабая сторона, готова была сдвинуть всякие уступки, лишь бы сохранить для себя свободу развития; но западно-европейская религия, в особенности католическая, вовсе не намерены были гарантировать ей эту необходимую, для блага человечества, свободу; они не хотели обнаруживать никакой уклончивости и гибкости, чтобы оставить свободными те пути, по которым науке необходимо было идти. Они уверили и себя и мир, что уклончивости для них не мыслима, потому что срывала бы с религии ореол святости и уничтожила бы неизбежно ее авторитет, между тем им стоило бы обратиться к собственной своей истории, чтобы убедиться, что она распространялась и утверждалась только путем уклончивости и что католическая религия только потому и взяла в Западной Европе верх над другими, что сумела быть наиболее гибкою и только потому теперь пала, что она заострилась. Завязалась вреднейшая, для человечества, борьба между религиею и наукою. Среди этой борьбы наука составляла свое новое научное мировоззрение и на этом мировоззрении отразился тот дух антропоизма, под влиянием которого оно было составлено. В то время, когда предшущия мировоззрения сосредоточивали свое влияние на мысли, проявляющейся в природе, наука игнорировала этот глубочайший вывод из всех человеческих впечатлений. Она всегда наблюдала в природе явления, потерпевшие с неизменной правильностью; эта правильность сосредоточивала на себя все ее внимание, потому, что именно эти неизменно правильные явления давали ей самую обильную жатву и сдвинулись источником, из которого пополнялось ее содержание. Приводя их в известность, она получала истины, которые провозглашала вечными и неизменными. Она с гордым самосознанием позировала хранительнице вечных неизменных, общечеловеческих истин, в то время как религия не могла давать только субъективные понятия, которая в каждой из них противоречила всякой другой. Это обстоятельство, несомненно, возвышало ее значение, а потому не мудро, если оно для нее, взнемогающей в тяжелой, непосильной борьбе, сдвинулось таким палятельным и увлекательным, что по отношению ко всему другому на нее пала куряная слепота. Ей и в голову не приходило, что если бы она, вместо того, чтобы смотреть на все с точки зрения, единообразно повторяющегося, стала смотреть с точки зрения разнообразия, то все стало бы казаться ей безконечно изменяющимся. Если я кислородом буду называть всегда только то, что имеет известную со-

вокуиность свойств, то эта известная совокупность свойств будет, конечно, всегда кислородом, но вид это происходит не от неизменности какого нибудь закона природы, а от неизменности моего понятия, которое не может быть ничем иным, кроме как самим собою. Дважды два всегда будет четыре, потому что это тоже понятие о четырех единицах, только выраженное в различной форме. Однако же, вѣковое мышление было недостаточным, чтобы выяснить в головах ученых эту не мудреную вещь. После этого не трудно понять почему, не только, явления неорганического мира, но и явления органического и даже явления мысли стали представляться имъ повторяющимися съ неизменнымъ единообразиемъ. Все превращалось в ихъ глазахъ в мертвый механизмъ и создалось понятие о природѣ, какъ о матеріи, обладающей механическими силами, дѣйствующими по вѣчнымъ и неизменнымъ законамъ. Эти неизменные законы старались отыскивать всюду начиная, от небесной механики и кончая человеческими дѣйствиями и человеческимъ мышлениемъ. Именно въ слѣдствіе того, что сказано было выше, люди никакъ не могли усмотрѣть нелюбности въ такомъ направленіи. Какъ скоро мы будемъ описывать явления, передъ нами будетъ безконечное разнообразіе, но какъ скоро мы начнемъ отыскивать причины явлений, то все тѣмъ болѣе будетъ принимать форму единообразія и неизменности, чѣмъ лучше и глубже мы будемъ вникать в дѣло. При этомъ выходитъ однакоже вотъ что: человекъ хочетъ изучать и описывать растенія или минералы; передъ нимъ необъятное разнообразіе; онъ видитъ и невозможность и безплодность работы при описаніи каждой особи. По этому онъ начинаетъ ихъ сравнивать и раздѣляетъ ихъ на группы, которыми имѣютъ одинаковыя части. Если онъ нарисуетъ теперь типъ группы, то все растенія и минералы этой группы будутъ, конечно, на него похожи, но это опять таки, конечно, произойдетъ не отъ какого нибудь единообразія въ природѣ и не отъ какихъ нибудь неизменныхъ ея законовъ, а отъ собственного его образа дѣйствія. Такая систематика однакоже еще не удовлетворяетъ человека. Ему хочется узнать почему все эти части совокупляются именно въ такое цѣлое. Какъ взяться за дѣло? Онъ начинаетъ замѣчать, что чѣмъ проще явление, тѣмъ больше соответствія между различными его сторонами. Если онъ возьметъ куски чугуна равнаго объема и будетъ ихъ взвѣшивать, то они будутъ имѣть равный вѣсъ, а если онъ возьметъ равные объемы руды различнаго состава, то такого равенства во вѣсѣ не будетъ. Онъ узналъ отношеніе между вѣсомъ и объемомъ чугуна или лучше сказать, онъ узналъ, что чугунъ есть тѣло, у котораго каждый единица объема равняется такой-то

единицѣ вѣса; онъ могъ это узнать именно потому, что чугунъ болѣе простое тѣло, чѣмъ составная руда. Теперь онъ видитъ сплавъ, который, прибавившись на известную единицу объема, прибавился настолько во вѣсѣ, на сколько имѣетъ такая единица объема, — чугуна. Человекъ говоритъ, что это потому, что въ этотъ сплавъ влилъ чугунъ. Дѣйствительно такъ и оказывается. По этому ему кажется, что онъ узналъ причину, хотя въ сущности онъ причины не узналъ, а угадалъ фактъ, о которомъ ему достаточно много известно. Замѣтивъ, что съ упрощеніемъ явленій для него облегчается возможность угадывать, какъ онъ выражается, причинамъ, онъ вѣсьмъ своимъ усердіемъ устремляется къ упрощенію явленій т. е. къ анализу. Въ химіи напр. онъ получаетъ такіа простыя тѣла какъ кислородъ, сера и т. д. Если известныя ихъ соединенія не даютъ ему всегда тѣхъ же результатовъ, онъ стремится къ дальнѣйшему упрощенію, пока не начинаютъ получаться тождественныя результаты. Ясно, что если бы ему удалось такъ упростить два явления, что вся ихъ суть была бы также для него доступна, какъ доступна для него вся суть понятій четыре и два, то ихъ совокупленіе также неизменно и неизбѣжно давало бы одинъ и тотъ же результатъ, какъ соединеніе четырехъ и двухъ неизменно и неизбѣжно даетъ шесть, но видъ эта неизменность и неизбѣжность зависла бы не, отъ какихъ нибудь, неизменныхъ и неизбѣжныхъ законовъ природы, а отъ полноты его пониманія; четыре и два не потому даютъ шесть, и ничего другаго дать не могутъ, что они причина появленія шести, или что тутъ существуетъ какой нибудь неизменный законъ природы, а потому что они заключаютъ въ себѣ точно также какъ и шесть, понятіе о шести единицахъ и что это понятіе составляетъ все, что они въ себѣ заключаютъ. Такимъ образомъ человекъ упрощая явленія достигалъ болѣе полного ихъ пониманія; если же ему казалось, что онъ при этомъ постигалъ причины явленій и какіе то неизменные законы природы, то это происходило только отъ того, что онъ не умѣлъ хороненько понять, что онъ дѣлаетъ и отъ чего съ упрощеніемъ явленій происходитъ болѣе совпаденіе ихъ результатовъ. Сравнивая явленія, человекъ постоянно отбрасывалъ то, въ чемъ они различались и сооставлялъ то, въ чемъ они были сходны; такимъ образомъ онъ получалъ ряды сходствъ, которые дѣлались все болѣе постоянными, — это давало ему путь къ вышеупомянутому упрощенію. При этомъ оказывались такіа ностоянства, которыхъ появленіе было уже совершенно непонятно. Человекъ находилъ напр. что химическіе тѣла соединялись другъ съ другомъ всегда только въ известныхъ, определенныхъ пропорціяхъ, насѣкомыя проходили всегда тѣ же метаморфозы; растеніе

давало сѣмя, отъ котораго происходило всегда тоже растеніе. При иррациональномъ и трезвомъ взглядѣ на дѣло не было, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что человекѣтъ разсѣивая вѣздѣ и всюду явленія, которыя обнаруживали между собою постоянное сходство, наконецъ нашель цѣлые дѣнные ряды такихъ явленій. Удивительно было только те легкомысліе, съ которымъ онѣ провозглашались ихъ вѣчными и неизмѣнными законами природы и усвоивались на этомъ. Не то должно, было бы, познать человека въ этихъ явленіяхъ, что въ нихъ обнаруживается постоянство, мудро ли въ безчисленной массѣ фактовъ найти ряды постоянно сходныхъ, если въ теченіи вѣковъ все научные труженники будутъ употреблять все свое время на отысканіе такихъ постоянно сходныхъ явленій. А то должно было всего болѣе поражать человека, что отыскивая эти постоянныя сходства онѣ совершенно и вполнѣ не понималъ какимъ образомъ они являлись; слѣдовательно, онѣ не только не имѣли ни малѣйшаго права провозглашать ихъ извѣстными ему, вѣчно неизмѣнными законами природы, но онѣ должны были прежде всего заявить, что онѣ открыли постоянства въ явленіяхъ поразительными тѣмъ, что они совершенно для него непонятны. Непонятность сходства должна была бы указывать ученымъ непонятность явленій, а не существованіе въ нихъ какихъ то вѣчныхъ законовъ природы. Эти будто бы вѣчные законы непрерывно оказывались вовсе не вѣчными; оказывался случай, гдѣ повторявшееся явленіе не повторялось; оказывалось, конечно, что это отъ того, что оно не вполнѣ было понято, а отсюда оказывалось опять таки, что о вѣчно неизмѣнныхъ законахъ природы нельзя говорить до тѣхъ поръ, пока не достигнуто полное пониманія, а если достигнуто полное пониманіе, то будетъ передъ нами то совпаденіе явленія съ понятіемъ, о которомъ мы говорили выше, а не вѣчно-неизмѣнный законъ природы. Истинный выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ исторіи научныхъ наблюденій и опытовъ заключается не въ томъ, что существуютъ вѣчно неизмѣнные законы природы, а вотъ въ чемъ: хотя въ нашихъ понятіяхъ о природѣ мы и не можемъ достигнуть до такой полной ясности, въ какой способны идеальныя понятія, напр., вычисленія математики, которыя вѣчно безусловно совпадаютъ, но упрощая понятія мы можемъ достигать болѣе полного пониманія, и о степени этой полноты мы можемъ судить по степени тождественности и постоянства, съ которыми повторяется явленіе каждый разъ, когда мы его наблюдаемъ. Ученые видѣли громадное преимущество въ состояствѣ такъ называемыхъ законовъ природы надъ постоянствомъ, проявляющимся напр. въ одномъ и томъ же названіи растенія, потому что первое, будто бы,

объясняло причины явленій, а послѣднее нѣтъ. Между тѣмъ вышеизложенное показываетъ намъ, что этого преимущества вовсе не существуетъ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою одинаково непонятную, постоянную совокупность ряда явленій, и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы одинаково нескладливо можемъ встрѣтить отступленіе. Истинное, но, все таки, только практическое преимущество постоянства, имѣли только явленія по степени своего распространенія. Если мы носѣтъ всего этого сравнимъ взглядъ на явленія природы, какъ на выраженіе мыслей, принадлежащихъ высшимъ существамъ, или высшему существу и взгляды на нихъ какъ на проявленіе механическихъ силъ, дѣйствующихъ во вѣчно неизмѣннымъ законамъ, то мы къ крайнему нашему удивленію убѣдимся, что этотъ носѣдній взглядъ въ существѣ своемъ не имѣетъ никакого преимущества передъ предыдущимъ, хотя онъ и является намъ въ видѣ научнаго вывода, между тѣмъ какъ первый есть результатъ не научнаго мышленія. Въ немъ лежитъ такая же незрѣлость и недоуманность, онъ даже не устраняетъ необходимости перехода къ субъективной идеѣ завершенія мировоззрѣнія, потому что если прежняя идея порождаетъ вопросъ: кому же принадлежатъ мысли, порождавшія все явленія, то теперь возбуждался такой же: кѣмъ даны эти вѣчно неизмѣнные законы природы? Прежній вопросъ имѣлъ въ себѣ даже нѣчто несравненно болѣе соответствующее человѣческому наблюденію, чѣмъ новѣйшій. Люди искали общечеловѣческаго мировоззрѣнія для того, чтобы понять какъ и для чего они должны жить, чтобы установить на этотъ предметъ взглядъ прямо вытекающій изъ общечеловѣческихъ впечатлѣній и который по этому самому, могъ бы сдѣлаться для всѣхъ ихъ общимъ. Общій взглядъ долженъ былъ бы, конечно, объединить ихъ всѣхъ въ одномъ общемъ стремленіи. И при прежнемъ и при новомъ пониманіи, источникомъ нравственныхъ воззрѣній, дѣлались всего чаще субъективныя идеи религіи. И то и другое пониманіе не давали рѣшительно никакой точки опоры для предпочтенія между религиозно-нравственными идеями мормонства, католичества, магаметанства, скопчества, туговъ и т. д. Рядомъ съ субъективными идеями религіи, при нихъ существовали столь же субъективныя философскія идеи въ родѣ утилитаризма, которыя по своей плоскостности и холодности стояли неизмѣримо ниже наиболѣе возвышенныхъ чувствъ и идей, создававшихся по временамъ религиознымъ энтузіазмомъ. Эти философскія идеи опять таки не имѣли никакой связи и никакимъ образомъ не вытекали изъ изводовъ науки на природу. Не если значеніе двухъ вышеупомянутыхъ взглядовъ на природу было въ сущности одинаково, то судьба ихъ была

вовсе не одинакова. Первый взгляд был взглядом людей мало думающих, он львиво составил и львиво держался, проходили тысячелетия, а он оставался неприкосновенным; второй был взглядом людей мыслящих и умяющих цинить значение мысли; не прошло и нисколько столетий, а существенные его недостатки были уже до того замечены, что он начал подвергаться разложению. Началось хаотическое, неумное брожение, которое в одно и тоже время указывало его несостоятельность и не в силах было его уничтожить и замкнуть другим. Так напр. явилось сомнение в том, что все явления в природе порождаются механическими силами и механическим силам противопоставлены были физиологические, — противопоставление плоское и близорукое. Между понятиями о том, что явления природы порождаются механическими силами и мыслями высших существ, есть действительная противоположность, глубокий антагонизм, в котором отразился столь же глубокий антагонизм между наукой и религией, антагонизм, о котором мы можем глубже сожалеть, но который составлял къ несчастью несомнительный факт, но являющаяся противоположность между механической и физиологической силой есть нечто иное как недоразумение. По мнению ученых, которые ее создают, физиологическая сила — есть сила действующая исключительно по вичным, неизменным законам природы т. е. механическая; вдь в этомъ то и заключается понятие о механической силе, что она сама действовать не может, а слдуетъ только вчно неизменным законамъ природы. Если раздлать силы на отдлы, так, что физиологическая сила будетъ составлять одинъ изъ этихъ отдловъ, то другими отдлами будутъ силы психологическая, химическая, физическая и все эти силы, отъ первой до послдней, будутъ механическими если только признавать, что онъ действуют по вчно неизменнымъ законамъ природы. Идея, подобная только что приведенной, создавалась специалистами, до того привычными рассматривать предметы вблизи и сосредоточиваться на мельчайшихъ подробностяхъ, что они обнаруживали поразительную неумность, когда нужно было ставить себя на такую точку зрния, съ которой обозрвалось все поле человеческихъ понятий и впечатлений и длались изъ нихъ общи выводы. Подобный специалистъ, конечно, не могъ выполнить такую задачу и все таки онъ вызывалъ все болше настоящую потребность выполнения, потому что разясняемыми имъ частностями онъ повсемьсто подтачивалъ и разрушалъ и старую и новую основныя мысли мировоззрений и показывалъ невозможность держаться ни той, ни другой. Это прямо вызывало появление такого философа какъ Гартманъ, которого глубокая мысль положила бы основной камень нового здания.

Гартманъ возстаетъ противъ идеи, что явления природы суть порождение механическихъ силъ; онъ длаетъ совершенно правильное заключение, что если во всехъ явленияхъ природы проявляется мысль, то это можетъ быть только потому, что она во нихъ действительно заключается. Исходя отсюда онъ строитъ свое мировоззрение слдующимъ образомъ. Существуетъ способность представления, это высшая ступень способности понимания, но именно въ слдствие этой своей полноты и законченности она сознаетъ бесплодность проявления. Эта способность безъ воли иметъ, однако же другую сторону, волю безъ понимания, бессознательную волю. Воля хочетъ осуществления блаженства и стремится проявиться, такъ сказать, стремится существовать, чтобы блаженствовать; но такъ какъ воля и понимание составляютъ двѣ стороны одного и того же цлага, то она не можетъ иначе проявиться, какъ осуществивъ въ тоже время мысль т. е., понятие. И вотъ начинается эта работа проявления воли, осуществляющей мысли; вызывается къ существованю неорганическая природа, создаются комбинации силъ въ бесчисленномъ разнообразии и каждая комбинация есть нечто иное какъ мысль, вызванная къ существованю — волей. Мысль и воля составляютъ тутъ каждый разъ двѣ противоположныя стороны точно также, какъ въ наэлектризованномъ предмете положительный и отрицательный полюсы. Разлагайте явление на сколько угодно частей, въ каждой части будетъ и сторона мысли и сторона воли, точно также какъ если вы раздлите наэлектризованный предметъ на части, то въ каждой части будетъ и положительное и отрицательное электричество. Мысль не можетъ быть бессознательной; по этому мысль, которая осуществляется волей, вполне понимаетъ сама себя, она знаетъ и свое начало и свой конецъ и весь свой объектъ. Когда мы ее наблюдаемъ мы замечаемъ проявление этого свойства и по этому мысли, проявляющияся вмьстѣ съ бессознательной волей кажутся намъ ясно-видимыми, т. е. предвидимыми те, чего предметъ или особь, изъ которыхъ онъ проявляется никакъ предвидеть не можетъ. Вездѣ въ бессознательной и мертвой природѣ проявляется такая гармония и предусмотрительность мыслей, которая доказываетъ, что все это проявление единой, вполне сознательной мысли и не можетъ быть объяснено иначе. Неорганические тла вообще, люди, животные, растения, въ своихъ инстинктивныхъ и бессознательныхъ проявленияхъ, обнаруживаютъ такая мысли и показываютъ такую предусмотрительность, которая ни какимъ образомъ не можетъ быть объяснена ихъ собственнымъ сознательнымъ мышлениемъ; существование всего этого, по мнению Гартмана, понятно только тогда, когда объяснять дло такъ, какъ онъ его объясняетъ. Такимъ образомъ мысль вынуждаемая бессозна-

тальной волей проявляется, хотя и понимает бесплодность этих проявлений, сознает, что усилия воли напрасны, что она этим путем никогда не может достигнуть блаженства. Но мысль проявляется все так потому, что она не имеет воли и не может сопротивляться. И вот, чтобы открыть себя путь к прекращению этих безплодных усилий, она создает мысль, ощущения неудовольствия, или идею организма. Порождая организм, воля переживает идею неудовольствия самим собою и своей мыслью. Желать осуществления своего неудовольствия нельзя, потому почему воля в организм не остается желать осуществления мысли, а желать ее существования без осуществления. Целью этого желания является, из появляющихся таким образом неосуществленных мыслей, выберь такой, которого осуществление было бы желательно, составляло бы благо. Но делать выбор между мыслями с тем, чтобы осуществить одну из них для достижения какой либо цели, значит поступать сознательно, и таким образом на место бессознательной воли, которая только осуществляла мысль сама некая, что она делает, является сознательная. Эта сознательная воля в организмах опять принимается за старое свое дело осуществления мыслей, с целью достижения блаженства, но теперь она, как сознательная, понимает те мысли, которыми блаженство не достигается; все далее направляясь по этому пути, обнимая все шире сферу мысли, она все более убеждается, что осуществление мыслей не ведет к блаженству. Обняв всю сферу мысли, воля наконец вынуждена будет убедиться, что никакая мысль не может дать блаженство через свое осуществление, она поймет бесплодность осуществления, а вместе с тем и бесплодность существования осуществленного ею мира. Вместе с этим понимаем, в ней конечно, должно родиться и желание к его уничтожению. Таким путем мысль достигает той цели, которой она не могла достигнуть по неизменной воли и несомноспособности сопротивляться воле бессознательной. Она делает волю сознательной; сознательная же воля все яснее понимает бесплодность осуществления мысли, уничтожает осуществленное и уничтожает его до конца.

Совершенно справедливо, что существенный недостаток взгляда на явления природы, как на порождение механических сил, управляемых вечно неизменными законами, заключается в том, что он слишком поверхностно и легкомысленно относится к тому обстоятельству, что все они представляют собою бесконечное разнообразие несомытного порождения мыслей. Совершенно справедливо, что введение понятия о вечно неизменных законах природы не только не заключает в себя усовершенствования в научного понимания, что все явления природы

порождаются мыслями высших существ, но оно вводит понятие о действиях мысли в природу в вид еще более несовершенном. Реалист, признавая идею божества или божество чисто субъективной, такую, которая никаким образом не составляет вывода из наблюдения, не может быть ими ни установлена, ни исправлена, ни опровергнута; идею, которой нужно верить, а не выводить ее путем научных умозаключений, — прямо показали этим, как хорошо он постиг существование ошибки в понимании в научном и уродливость научного. Гармония, не только не умеет поставить себя на ту точку зрения, с которой ошибка в научного взгляда выясняется, а научный надеет сам собою, но стоит именно на том уровне, с которого разъяснение невозможно и потому, не смотря на замечательные мощные усилия ума, создает только новую уродливость и притом такую, которая не расширяет даже пути к устранению старой. Масса фактов, собранных наукой, дает нам возможность с одной стороны оценить достоинство тех мыслей, которая проявляются в явлениях природы, а с другой указать научный прием для объяснения их происхождения. Рассмотрение этих мыслей с точки зрения научных фактов показывает, что они не только не заключают в себя того высокого совершенства, которое в них предполагает вы — научное мышление, но что напротив они отличаются бесконечно разнообразной степенью несовершенства. При том, эти степени несовершенства таковы, что если их сопоставлять со степенью несовершенства в сложении тель, из которых они исходят, то само собою навязывается заключение, что они не могут принадлежать никому иному, кроме самых этих тель. Вместе с тем выясняется и психологическая причина, почему в научный человек в этих мыслях должен был видеть высокую степень совершенства, а мир представлялся ему бесконечно хитро задуманной машиной. Более внимательное рассмотрение окружающих нас явлений не только не показывает нам гармонии в мироздании, но убеждает нас в отсутствии этой гармонии. Должно впечатление такой гармонии, на поверхностного наблюдателя, производился только через обнаруживаемую частями материи силу сопротивления по отношению к своему уничтожению; силу сопротивления столь великую, что наблюдение над ней породило понятие о неуничтожаемости материи. Рассмотрение хода мышления обнаруживаемого тлами в природу показывает, что все это мышление направлено к созданию этой недостающей гармонии, посредством увеличения взаимной впечатлительности, а через это и взаимного понимания. Это общее направление мышления в природу дает нам исходную точку зрения, для создания идеи

человѣческой нравственности. Выведенное из сопротивленія матеріи, ложное заключеніе о гармоніи въ природѣ, повеле людей къ безпродѣльной противурѣчивости во всемъ ихъ міровоззрѣніи. Сегодня они поспу видятъ гармонію, завтра они точно также всюду видятъ борьбу и этотъ послѣдній выводъ съ неотразимой силой навязывается имъ ихъ впечатлѣніями. Гартмана это обстоятельство не наводитъ на благія мысли. Онъ сначала совѣдаетъ понятіе о бессознательной волѣ, проявляющей сознательную мысль, и не думаетъ о томъ, что это понятіе столь же уродливое, какъ и понятіе о законахъ природы, можетъ быть только чисто субъективнымъ. Онъ совершенно основательно и согласно съ наблюденіемъ, признаетъ всякую мысль сознательной; совершенно основательно у него также и то, что воля можетъ осуществлять только мысль, но непосредственное наблюденіе показываетъ намъ только такую волю, которая сознательно осуществлять присущую ей мысль. Гартманъ изъ наблюденія показываетъ намъ только сознательную волю, которая осуществляя свою мысль, въ тоже время, но его мнѣнію, бессознательно осуществляет и совершенно постороннюю для нея мысль. Что воля, осуществляя свою мысль, можетъ сдѣлаться при этомъ бессознательнымъ орудіемъ чужой мысли, какъ напр. обманутый человѣкъ, это всякому извѣстно, но вѣдь тогда эта мысль будетъ составлять другую сторону своей собственной сознательной воли, (воли обманывающаго), а вовсе не той, которая ее осуществляетъ бессознательно. Идея бессознательной воли остается у Гартмана величій субъективной идеи и сверхъ того такой, которая опровергается вездѣ, гдѣ можно непосредственно наблюдать волю. Эту бессознательную волю, Гартманъ заставляетъ осуществлять мысль, будто бы, вѣчно единую и влюцій себя понимающую, а между тѣмъ онъ заикается съ того, что создаваемое этой мыслью существованіе матеріи, борьбу двухъ силъ, изъ которыхъ одной присуща одна мысль отталкиванія, а другой одна мысль притяжанія. Во всехъ своихъ частяхъ единая и послѣдовательная мысль должна бы давать намъ отсутствіе противурѣчія, а не повсемѣтное противурѣчье самой съ собою. Начиная отсюда, вы, въ идеѣ Гартмана встрѣчаетесь повсемѣстно съ тѣмъ же хаосомъ, съ которымъ вы встрѣчаетесь у всехъ людей, утверждающихъ существованіе гармоніи въ природѣ, они повсемѣстно и неизмѣнно вводятъ идею борьбы и имъ кажется, что это нисколько не противурѣчитъ тому, когда они утверждаютъ, что міръ есть существованіе повсемѣстной и неизмѣнной гармоніи, единой, вѣчно-послѣдовательной гармонической мысли. Вотъ почему идея Гартмана, не можетъ дать никакой точки зрѣнія для созиданія не только общечеловѣческой, но даже какой либо идеи нравственности.

Общечеловѣческое міровоззрѣніе не идущее далѣе выводовъ изъ впечатлѣній не покажетъ вамъ суть міра, какъ показываетъ вамъ Гартманъ, соорудая сполу субъективную идею, но оно разъяснитъ вамъ окружающее міровое движеніе на столько, что вы получите сознательную исходящую точку для созиданія себѣ нравственныхъ идей.

IV.

Невозможность существования механической силы.

Гартманъ заявляетъ себя врагомъ механическаго мировоззрѣнія. Онъ даже прямо этия выраженія обозначаетъ своего врага. Противъ него направлена вся его книга, противъ него онъ продолжаетъ ратовать и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Каково же должно быть ваше удивленіе, если прочтаетъ эту книгу вы найдете, что онъ не только не опровергаетъ и не уничтожаетъ основныхъ элементовъ этого мировоззрѣнія, но прямо признаетъ ихъ. Не смотря на всю философскую глубину своего ума онъ не видитъ никакого противурѣчія между признаніемъ основныхъ понятій и борьбою противъ выводовъ изъ нихъ, онъ, по видимому, полагаетъ, что можно признать послышки и отвергать, логически правильное, изъ нихъ заключеніе или лучше сказать, опровергая механическое мировоззрѣніе, онъ вовсе не знаетъ, въ чемъ заключаются основные его элементы. Онъ признаетъ оба основныхъ элемента механическаго мировоззрѣнія и механическую силу и законы природы. Дѣйствіе законовъ природы онъ не опровергаетъ ни для одной области, признавъ ихъ, онъ, не дасть себѣ даже труда говорить объ нихъ; въ теченіе своего изложенія, онъ, постоянно упоминаетъ понятіе «закона», какъ истину, которая сама собою разумѣется. Онъ совсѣмъ не думаетъ о томъ, что если представлять себѣ силу, дѣйствующую по законамъ природы, то она этимъ самымъ превращается въ механическую силу. Въ этомъ случаѣ все равно, какая это будетъ сила: психическая, физиологическая, химическая, физическая,—всякая обращается въ механическую. Личь только Гартманъ, однажды, признавъ существованіе закона, его книга уже не опровергаетъ механической теоріи, а подтверждаетъ ее, она обращается въ такое же описание явленія какъ любой, признающей законы природы, учебникъ физики. Правда, что онъ не до такой степени не логиченъ, чтобы заявить торжественно въ самомъ началѣ, что его всеобъемлющая мысль и бессознательная и сознательная воля, дѣйствуютъ по законамъ природы;

но когда онъ говоритъ объ отдѣльныхъ ихъ проявленіяхъ, онъ неоднократно упоминаетъ объ нихъ, какъ о происходящихъ по закону и такимъ образомъ признаетъ, свою всеобъемлющую мысль и волю, силами механическими или лучше сказать впадаетъ въ противурѣчіе, показывающее, что онъ не можетъ въ чемъ тутъ существо дѣлать. Если Гартманъ мнѣ скажетъ, что это законъ, данный его всеобъемлющей мыслию, то я его спрошу, кому онъ данъ?—Воля? Въ такомъ случаѣ воля будетъ только другое слово для выраженія понятія механической силы, но мысль не можетъ его дать волю, потому что по его понятію, воля распоряжается мыслию, а не мысль волею; еще менѣе можетъ его дать бессознательная воля, потому что законъ есть мысль, а эта воли не мыслить. Если Гартманъ мнѣ скажетъ, что подъ словомъ законъ онъ вовсе не понимаетъ законъ данный и выполняемый, а просто хотѣвъ выразить постоянство въ проявленіи известной мысли, то я ему скажу, что это съ его стороны непростительный и показывающій непониманіе своего дѣла, способъ выраженія; если онъ беретса опровергать механическое мировоззрѣніе, то онъ долженъ дать, что понятіа: механическая сила и законъ природы, служить ему основами, а потому онъ долженъ ихъ основательно опровергнуть, а не перенимать эти выраженія у механическаго мировоззрѣнія, придавая имъ даже безъ всякаго объясненія свой собственный, искаженный смыслъ.

Начнемъ съ понятія о механической силѣ и зададимъ себѣ въпросъ: существуетъ ли дѣйствительно въ природѣ такое явленіе, какъ механическая сила и составляетъ ли это понятіе дѣйствительно правильный выводъ изъ вѣчатлѣнній?—Гартманъ не только не опровергаетъ этого понятія, но своей страстью ставить себя выше вѣчатлѣнній, своей наклонностью къ субъективнымъ взглядамъ и гипотезамъ, онъ лишаетъ себя возможности такого опроверженія. Чтобы открыть себѣ путь къ нему мы ставимъ себя прямо на ту точку зрѣнія, съ которой смотритъ на явленія материалиста и защитникъ механическаго мировоззрѣнія. Что такое механическая сила? Это сила мертвая, сила которая сама въ себѣ не можетъ произвести никакой перемѣны. Однажды, въ началѣ времени, ей далъ импульсъ въ видѣ вѣчно неизмѣннаго закона природы и черезъ этотъ импульсъ произошли и происходятъ до сихъ поръ все явленія видимаго міра. Законодатель, давшій этотъ толчекъ стоять уже совершенно въ сторонѣ, онъ ничего не изымаетъ, ничего не исправляетъ; въ мірѣ происходитъ безконечно разнообразное движеніе, но все это движеніе есть ничто иное какъ послѣдствіе первоначальнаго, неизмѣнно дѣйствующаго толчка. Посмотримъ, согласно ли такое представленіе съ

нашими впечатлѣніями. Представьте себѣ въ пространствѣ (см. въ прилож. фиг. 1) двѣ матеріальныя точки A и B . Точка A получила импульсъ въ направленіи AD . Въ слѣдствіе этого она двигается въ этомъ направленіи, въ ней явилась сила, производящая это движеніе. Эта сила мертвая, механическая, не способная произвести въ себѣ никакого измѣненія; она вѣчно будетъ дѣйствовать одинаково и иначе дѣйствовать не можетъ. Въ то же время точка B получила импульсъ въ направленіи BC , и въ ней явилась точно такая же сила. Въ F , эти двѣ точки столкнулись. Что должно теперь произойти, если эти двѣ силы механическія т. е. не способныя произвести въ себѣ никакой перемѣны? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: точки A и B должны продолжать двигаться въ прежнемъ направленіи. Вѣдь это силы механическія, не способныя произвести сами въ себѣ какую бы то ни было перемѣну, а слѣдовательно и не способны перемѣнить направленіе. Въ качествѣ слѣпыхъ, мертвыхъ силъ, онѣ могутъ продолжать двигаться въ прежнемъ направленіи, и только. Вы мнѣ скажете, что столкнувшись онѣ представляютъ другъ другу препятствіе въ дальнѣйшемъ движеніи. Я вамъ отвѣчу, что это понятіе о препятствіи вы взяли изъ наблюденія, а это—то наблюденіе именно и опровергаетъ ваше понятіе о механической силѣ. Если эти силы мертвыя и механическія, то слѣдовательно онѣ неспособны получать никакого впечатлѣнія; то обстоятельство, что дальнѣйшее ихъ движеніе встрѣило препятствіе, никакимъ образомъ не можетъ повліять на ихъ стремленіе; тѣмъ оно было, тѣмъ оно и останется. Такъ какъ эти силы мертвыя, ничего не принимающія въ разсчетъ и такъ какъ онѣ, сверхъ того, вѣчно неизмѣнныя, ибо данный имъ толчекъ составляетъ ихъ вѣчно неизмѣнный законъ, то слѣдовательно отъ препятствія онѣ не могутъ ни измѣниться, ни уменьшиться и еще того менѣе перестать существовать,—точка A должна продолжать двигаться съ неизмѣнною скоростью въ направленіи къ D , а точка B въ направленіи къ C . Теперь представьте себѣ другое положеніе: точка A неподвижна, неподвижность эта есть дѣйствіе механической силы, удерживающей ее въ такомъ состояніи; точка B , устремляется на нее, чтобы породить въ ней движеніе. Такъ какъ точка A удерживается въ неподвижномъ состояніи механической силой, т. е. такой силой, которая сама въ себѣ не можетъ произвести никакой перемѣны, то слѣдовательно эта сила будетъ представлять неодолимое препятствіе натиску точки B , до тѣхъ поръ, пока она будетъ существовать. Если мы теперь сравнимъ силу натиска точки B , съ силой сопротивленія точки A , то мы увидимъ, что это не только не различныя, но совершенно тождественныя силы. Чтобы это понять, представьте себѣ дѣла

нѣсколько иначе. A двигается къ точкѣ B , съ силою, равной половинѣ терпѣншей силы движенія точки B , а точка B двигается ей на встрѣчу также съ половиною данной теперь силою—онѣ столкнулись. Чтобы оказать противодѣйствіе этому натиску, претиводѣйствующая сила должна быть совершенно тождественна съ той, которая необходима силѣ неподвижнаго A , чтобы остановить односторонній натискъ точки B . Послѣ этого представьте себѣ, что не точка B стремится породить въ точкѣ A движеніе, а законодатель міра, разъ навсегда породившій вѣчно неизмѣнныя законы, пореждаетъ движеніе точки A , т. е. замѣняетъ въ этомъ случаѣ B ; для этого, та механическая сила точки A , которая способна была оказать немянутой точкѣ B противудѣйствіе въ произведеніи въ точкѣ A движенія, должна или не существовать или быть уничтоженной. Такъ какъ законъ природы явился разъ навсегда, то слѣдовательно и сила сопротивленія въ точкѣ A , съ позволеніемъ движенія не существуетъ безвозвратно. А такъ какъ въ точкѣ столкновенія F , точка B дѣлаетъ тоже самое, что она сдѣлала бы выше, чтобы неподвижную точку A привести въ движеніе, то она теперь, за несуществованіемъ въ точкѣ A механической силы сопротивленія, уже и не можетъ встрѣтить такого сопротивленія. Тоже можно примѣнить и къ точкѣ B . Не способныя оказывать одна другой въ точкѣ F сопротивленіе, точки A и B должны продолжать свой путь безпрепятственно. Какъ скоро вы представляете себѣ силы механическія, то картина движенія должна неизбѣжно быть такой, каково она изображена здѣсь. Такое понятіе о движеніи противурѣчитъ однакоже нашему наблюденію до конца; вы можете дать какой вамъ угодно простеръ предположенію о невѣрности и ошибкѣ въ нашемъ наблюденіи, и все таки эта картина будетъ вполнѣ противурѣчить и тому, что останется. Между тѣмъ это, противурѣчающее понятію о механической двигательной силѣ, движеніе, составляетъ неизбѣжную сторону всѣхъ происходящихъ въ пространствѣ явленій. Весь занимающій пространство міръ, на сколько онъ только подчиняется нашему наблюденію, представляетъ собою картину непрерывнаго движенія во всѣхъ своихъ частяхъ. Путемъ движенія происходятъ всѣ физическія, химическія и физиологическія явленія, двигательная сила представляется намъ стороной неизбѣжно присутствующей всякой силѣ. Все это даетъ намъ право сказать: среди силъ, дѣйствующихъ въ пространствѣ, механической силы не существуетъ, или ясны,—силы, которыми обладаетъ матерія не могутъ быть механическія силы; это отрицательное заключеніе составляетъ *безуловную истину*. При неизбѣжномъ несовершенствѣ нашихъ знаній, доказательство невозможности существованія механической силы, составляетъ, краснорѣ-

ный камень для опровержения механического мировоззрения. Без помощи этого доказательства, никакая аргументация не может быть достаточно убедительной и вот тому причина: для того, чтобы достигнуть строго научного и полного понимания явлений природы, мы должны довести их до такой простоты, чтобы в них не оставалось ничего кроме того, что мы понимаем. Но если бы мы этого достигли, то явления стали бы давать всегда те результаты, которые наводят нас теперь на мысль о законах природы т. е. результаты эти неизменно совпадали бы с нашими предположениями. При полном знании, это однакоже, не стало бы сбивать нас с толку, потому что мы понимали бы, как все это происходит. Теперь же, когда мы только приближаемся к необходимому пониманию, напрягая все силы на разыскание таких явлений, — которые представлялись бы нам неизменно тождественными, потому что это неизменное тождество предмета есть единственный признак, по которому мы можем судить о том, что мы понимаем его во всем его существъ; — мы все чаще наталкиваемся на такие постоянные в явлениях, которых мы вовсе не понимаем и о которых мы только знаем, что они повторяются или с неизменной совмещенностью или с неизменной последовательностью. Если мы, замѣтив это постоянное, подставим гипотезу силы его производящей, и эту силу назовем механической, потому что явление повторяется единообразно, то, конечно, у нас должно являться все больше механических сил и наука должна убеждаться, что все силы механические и никогда не может разочароваться в этом. Разнообразия в явлениях, будут относиться на счет того, что они еще не разъяснены, а единообразие будет доказывать существование механической силы. Правда, что понятие о механической силе возможно, только, совместно с понятием о вѣчно-неизменных законах природы, которое служит ему необходимым дополнением и которое составляет идею не только ясно субъективную, но даже прямо нелѣпую. То объяснение, которое мы можем дать, основываясь на выводах из впечатлѣній, представляет, по недостаточности наших свѣдѣній о явлениях, такого рода неполноту, которая требует глубокого убеждения в невозможности существования механической силы, для того, чтобы мы могли на нем остановиться и в него углубиться. Вот, почему мы должны как можно внимательнее рассмотреть дедуцию, приводящую нас къ заключению, что невозможность существования механической силы составляет безусловную истину. Мыслители, для которых движение составляет воплощение механической силы, находят только два источника появления этой силы: первый — это вѣшний толчек, дѣ-

ствующий непосредственно, а не через пространство, а второй — сила дѣйствующая через пространство. Силу, движения порождаемую толчком, мы уже рассмотрѣли. Намъ остается только сказать, что происхождение механической силы движения из толчка, не только не оправдывается, но опровергается наблюдениемъ. Наблюдение показывает намъ, что сила движения может проявиться в материальной точкѣ вследствие толчка, но для произведена этой толчка другая толкающая, *материальная* точка, оставляетъ неизбѣжное условіе. Мы не можемъ представить себѣ производящую толчекъ безпространственную силу, несопряженную ни съ какой матеріей, потому что мы не имѣемъ ни одного наблюденія, въ которомъ бы намъ представлялось такое явленіе. Но способность силы дѣйствовать на силу, доказывается несомнѣннымъ наблюдениемъ, а способность силы дѣйствовать изъ одной материальной точки на другую через пространство, указывается непосредственнымъ впечатлѣніемъ. Это непосредственное пониманіе до сихъ поръ еще не опровергнуто и гипотеза, что сила не можетъ дѣйствовать на матерію через пространство не можетъ почитаться доказанною. Поэтому рассмотримъ теперь понятіе о механической силѣ, разъ навсегда, въ неизмѣнномъ видѣ существующей въ материальной точкѣ и заключающейся въ томъ, что она порождаетъ силу движения другой материальной точки. Какова можетъ быть эта сила? Точка *A*, (см. въ прилож. фиг. 2), имѣетъ механическую силу, притягивающую точку *B* и производящую въ ней через это механическую силу движения. Если сила эта вышла за предѣлы *A*, чтобы дѣйствовать через пространство, то она вышла разомъ вся, потому что если бы въ *A* осталась какая либо часть ея въ бездѣйствіи, то она должна была бы остаться бездѣйствующею т. е. уничтоженною навсегда, такъ какъ это сила механическая, и какъ мертвая, не можетъ произвести сама въ себѣ переменъ. Если существовала въ точкѣ *A*, или *B*, или въ какой либо третьей точкѣ *C* — сила, притягивающая движение *B*, то и она, какъ механическая т. е. мертвая и вѣчно неизмѣнная, должна была бы проявляться вся разомъ и для того, чтобы точка *B* могла двинуться, она должна была бы быть вся разомъ и на всегда уничтожена. Теперь *B* двигается, движение это должно быть равновѣрное, потому что, какъ сказано было выше, притягательная сила разомъ вся и безъ остатка должна была превратиться въ силу движения. Двигаясь, она дошла до *A*, а такъ какъ *A* не имѣетъ уже силы сопротивленія, то она должна пройти сквозь и продолжать движение вѣчно. Если мы притягательную силу точки *A*, представите себѣ какъ заключающуюся въ томъ, что она въ каждую единицу времени порождаетъ въ *B* силу движения *D*, то ре-

зультат будет точно также безусловно противорѣчить нашимъ впечатлѣніямъ. Тогда *B* прибѣдетъ въ точку *A*, съ силою движенія *D*, умноженной, по закону равномерно ускорительнаго движенія. Не продолжать движенія *B*, конечно, не можетъ, потому что сила, въ ней дѣйствующая, есть—механическая, т. е. вѣчно неизмѣнная. Совершивъ такую несогласную съ нашими впечатлѣніями вещь, какъ пройдетъ сквозь пространственную точку, *B* встрѣчаетъ теперь препятствіе дальнѣйшему своему шествію, въ притягательной силѣ *A*, которая порождаетъ съ этой единицы времени въ *B*, силу движенія въ обратномъ направленіи. Слѣдовательно, она не можетъ двинуться на уничтоженіе притягательную силу *A* и ея порожденій, а уничтожить эту силу она не можетъ потому, что эта сила, какъ механическая, вѣчно неизмѣнна. Это опять-таки показываетъ безусловное противорѣчіе понятія механической силы, со всѣми нашими впечатлѣніями и доказываетъ, что невозможность существованія механической силы,—есть безусловная истина. Скажемъ еще одно слово о гипотезѣ, которая представляетъ себѣ явленія міра, порожденные механическими силами, которая вѣчно переходитъ изъ одной матеріи въ другую, никогда не уничтожаясь и не уменьшаясь. Точка *A* (см. въ прилож. фиг. 3), находится надъ поверхностью земли, на нее дѣйствуетъ сила земнаго тяготѣнія; эта сила заключается въ томъ, что она въ каждую единицу времени, порождаетъ въ *A*, силу динаться съ известною скоростью; но такъ какъ эта сила встрѣчаетъ противодѣйствіе въ томъ предметѣ, на которомъ точка *A* лежитъ, то она и уничтожается въ теченіи всѣхъ тѣхъ единицъ времени, пока она лежитъ. Послѣ этого какъ же можно сказать, что сила не уничтожается. Вы тутъ прямо видите, что она уничтожается. Вы скажете, это сила потенциальная. Неправда, она вовсе не потенциальная, она дѣйствующая,—только за невозможностью производить движеніе, она производитъ давленіе. Чтобы продолжать оставаться, что эта механическая, а слѣдовательно мертвая, вѣчно неизмѣнная сила, которая не можетъ сама въ себѣ произвести никакой перемѣны, ни уменьшиться, ни увеличиться, ни народиться, ни уничтожиться, вамъ остается сказать, что сила притяженія, обнаруживаясь въ давленіи, какъ механическая, остается неизмѣнной, а потому давленіе точки *A*, постоянно неизмѣнно. Прекрасно, но если точка *A* не встрѣчаетъ силы противодѣйствія и падаетъ на землю, то сила, происходящая отъ притяженія не остается постоянной, а въ каждую единицу времени увеличивается или уменьшается; слѣдовательно, опять таки, никакъ нельзя сказать, что она неспособна ни увеличиваться, ни уменьшаться, ни уничтожаться, а вѣчно остается неизмѣнной. Еслибы это была механи-

ческая сила, неизмѣнно истекающая изъ земли въ точку *A*, то она должна бы накопляться тамъ и при существованіи препятствія, давленіе *A* должно было бы постоянно увеличиваться; еслибы это была сила не истекающая, не накопляющаяся, а только неизмѣнно дѣйствующая, то она должна была бы оставаться такою и во время движенія и не могла бы накопляться. Точка *A* упала и ударилась о точку *B*, на поверхности земли. Почему она остановилась? Вы говорите: ее остановила сила противудѣйствія, или центробѣжная сила, точки *B*. По вашему, центробѣжная сила точки *B*, это сила механическая, т. е. мертвая, неизмѣнная и притомъ такая, которая способна выходить за предѣлы точки *B*, и между точками *A* и *B*, не произвести даже химическаго соединенія. Если она можетъ остановить точку *A* на известномъ разстояніи, то почему же она не остановила ее въ самомъ началѣ ея движенія? Потому что она уменьшается съ разстояніемъ, скажете вы мнѣ и на такомъ разстояніи, на которомъ была точка *A*, сила точки *B* была слишкомъ мала. Неужели?—Какъ это наивно!—Вы слѣдовательно, представляете себѣ механическую силу точки *B*, въ видѣ чего-то пространственнаго,—это будетъ та же матерія, которая окутываетъ точку *B*, все болѣе густыми слоями? Сравните, однакоже, это матеріальное представленіе механической силы съ тѣмъ, что происходитъ въ *A*. Вы говорите, что силы центростремительная и центробѣжная уменьшаются съ разстояніемъ, т. е. вы представляете себѣ ихъ пространственными, матеріей, окутывающей точку все болѣе рѣдкими слоями, и вотъ вы видите ту же самую центростремительную механическую силу, которая во время движенія точки *A*, постепенно разрастается въ этой точкѣ, на томъ же самомъ пространствѣ и способна разрости до безконечности, она вамъ является силой безусловно безпространственной. Какъ вы не представляете себѣ эту механическую силу, она у васъ всегда выйдетъ въ одно и то же время и предѣльной и безпредѣльной, и пространственной, и безпространственной, т. е. она будетъ заключать въ себѣ такое противурѣчіе, которое будетъ доказывать безусловную невѣрность такого пониманія,—сказывать, что объясненія явленій природы существованіемъ механическихъ, т. е. неизмѣнныхъ силъ, безусловно ложное. Если матерія не уничтожаема, то сила сопротивленія точки *B*, въ центрѣ, должна быть безвѣчна, но безконечное не можетъ уменьшаться пропорціонально. Я спрашиваю какъ велика будетъ эта сила на разстояніи единицы пространства отъ центра, вы скажете, напримѣръ, *безконечно*—*A*, но вычлота какое вамъ угодно число изъ безконечнаго, вы не можете получить разности и тѣмъ прямо обнаруживается нелѣпость такого пониманія. Далѣе: какаѣ это механическая сила,

которая проявляется в точке A , в то время, когда она приходит в соприкосновение с точкой B ? Это сила давления. Вы говорите, уничтожаясь в A , она переходит в теплоту. Но ведь сила давления уничтожается в A не только в момент прикосновения этой точки с B , но в течение всего времени, такъ что A будетъ лежать и давить на B , и по-этому она не будетъ нарастать, какъ карстала во время паденія, а останется постоянной;—почему же постоянно уничтожающаяся сила не переходитъ в теплоту и не создаетъ вокругъ себя постоянно возрастающую теплоту? Вы скажете, сила давления точки A на точку B , простирающаяся отъ таетія земли не есть постоянно уничтожающаяся, а просто постоянная сила, которая и дѣйствуетъ непрерывно и единообразно; въ теплоту переходитъ не эта сила, а только та, которая явилась во время паденія A ; но ведь эта сила была постоянно возрастающая; если она перешла въ теплоту, то и теплота должна быть постоянно возрастающая. Въ теплотѣ точки A , происшедшей отъ удара вы видите силу ослаб-вающую по ширѣ своего распространенія и самое большее, что вы можете въ ней найти,—это неизмѣнность въ своемъ размѣрѣ. Если между силой удара точки A въ точкѣ B и количествомъ развивающейся при этомъ теплоты есть пропорціональность, то развѣ это значить, что сила удара точки A , перешла въ теплоту? Если вы будете бросать вертикально вверхъ тѣла, то между единицами времени, которая они пролетятъ, пространствомъ и количествомъ утраченной во время полета силы будутъ также извѣстные отношенія, но развѣ это значить, что сила превратилась въ время, а время въ пространство? Утверждающіе, что механическая сила не утрачивается, говорятъ такъ: если вы бросите ядро съ извѣстной силой вертикально вверхъ, то сила движенія будетъ убывать и наконецъ, ядро достигнетъ точки, на которой оно остановится, но это не значить, что сила уничтожилась, а она обратилась въ положеніе неподвижности; если теперь тѣло будетъ падать, то оно приобрететъ опять всю ту силу, которую утратило и при ударѣ о землю эта сила перейдетъ въ теплоту. Представьте себѣ, (см. въ прилож. фиг. 4), что вслѣдствіе химическихъ причинъ, земля разлетится и перемѣстится на другую сторону брошенной точки A , въ тотъ самый моментъ, когда она остановилась, такъ что A очутится лежащею на земной поверхности; утратилась такимъ образомъ брошенная A сила, или нѣтъ? Какую силу положенія она доставила этой точкѣ, какую возможность возвратиться къ прежней своей силѣ и перейти въ теплоту? Ведь химическія силы, произведшія этотъ переворотъ, существовали совершенно независимо отъ силы, брошенной точкѣ A и могли произвести его не измѣнивъ положенія этой точки. Если этотъ примѣръ вамъ кажется

искусственнымъ, то вы можете его безъ малѣйшаго труда замѣнить дѣйствительнымъ опытомъ; возьмите магнитъ, къ которому пристали желѣзные опилки; вскинувъ любой, годной для этого силой, опилки и искусно повернувъ магнитъ, въ тотъ самый моментъ, когда опилки остановились въ своемъ полетѣ и нагрѣны летѣть внизъ, вы получите подобный же результатъ. Кромѣ несогласія понятія о существованіи будто бы механической силы, съ явленіями дѣйствительности, кромѣ несогласія этихъ явленій съ понятіемъ о томъ, что сила будто бы не можетъ ни уменьшиться, ни увеличиться, ни уничтожиться,—изложенное выше показываетъ еще нелѣпость представленія о силѣ, какъ о чемъ-то существующемъ независимо отъ матеріи и способномъ переходить изъ одной матеріи въ другую. Это вынуждаетъ насъ сдѣлать первый шагъ къ правильному пониманію тѣхъ явленій, въ которыхъ обнаруживается то, что мы называемъ силой. Мы начинаемъ убѣждаться, что эти явленія невозможно разумно объяснить, если не видѣть въ нихъ самостоятельной дѣятельности матеріи, вызываемой впечатлѣніями. Вы убѣждаетесь, что движеніе есть способность присущая самой матеріи, но дѣятельность этой способности вызывается не иначе, какъ впечатлѣніями. Картина такъ называемаго механическаго движенія будетъ тогда въ слѣдующемъ родѣ. Въ частицѣ веревки, растяжимаго двумя тяжестями, о которой я говорилъ выше, впечатлѣнія будутъ заключены въ дѣйстви на нее двухъ тяжестей, сдѣланныхъ съ собою частями и притяженія земли, влекущее ее прямо внизъ. Когда, наконецъ, впечатлѣніе одной изъ тяжестей возьметъ верхъ, надъ сдѣланнымъ съ одной изъ частицъ,—частица отрывается. Если вы будете представлять себѣ силу отрывающую часть механической силой, порождаемой въ частицѣ дѣйствіемъ тяжести, то явленіе будетъ объясняться весьма плохо. Прежде всего дѣйствовали двѣ равныя тяжести, т. е. двѣ равныя силы взаимно уничтожились въ частицѣ, стремленіе частицы двигаться должно быть равно нулю или разности тяжестей; какъ бы ни были велики тяжести, но если ихъ разность ничтожна, веревка не должна разорваться. Слѣдовательно, это не силы выдвѣрающіяся въ частицу и взаимно уничтожающія въ ней свое дѣйствіе, а это впечатлѣнія, изъ которыхъ каждое побуждаетъ частицу не только двинуться въ своемъ направленіи, но и разорвать связь съ сосѣдною частицею, чтобы открыть себѣ путь къ этому движенію. Такъ какъ послѣднее побужденіе не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствіемъ второй тяжести, то вторая тяжесть несколько не противодѣйствуетъ ему; если бы каждая тяжесть порождала силу а не впечатлѣніе, то она должна была бы породить одну силу, для противодѣйствія тяжести и другую силу,

для уничтожения сцепления. Если бы тяжесть действовала только с одной стороны, то вы видели бы, что сцепление частицы с обидей ее стороны, слабеет тяжести; действительное же тяжести разорвало бы сцепление и с другой стороны; сила, ею порожденная, от движения еще увеличилась, потому что движение равномерное ускорительное, следовательно это сила должна была бы разорвать сцепление, ивнющей известное положение частицы и с другой стороны; одним словом, часть веревки должна была бы из твердого превратиться в газообразное состояние. Если же вы вовсе не будете утверждать, что тяжесть породила в частицах силу, а будете утверждать только, что тяжесть производила впечатление, то явление объясняется совершенно достаточно. Как скоро тяжесть упала на землю, впечатление мгновенно превратилось, а вместе с тем превратилось и побуждение частицы проявлять прежнюю силу стремления и одолеть сцепление. Если частица проявила собственную свою силу, но только вызванную к деятельности впечатлением, то этим объясняется как и то, что сила не проявилась мгновенно, а тяжесть висела ивн некоторое время прежде чем веревка разорвалась, так и то, что она не прекратила своего действия мгновенно с прекращением впечатления. Въ примѣрѣ точек *A* и *B*, сталкивающихся съ *F*, необходимо такого понимания проявляется еще отчетливѣе. Результатом столкновения будетъ переиѣна движения и тутъ уже вы ясно видите, что точки переиѣнили движение подъ взаимнымъ другъ на друга впечатлениемъ, а не то, что сила изъ *A* перешла въ *B*, а изъ *B*—въ *A*. Действуя саблго и механически, онѣ должны были бы уничтожить другъ друга, продолжая двигаться въ прежнемъ направленіи, но ради самосохраненія, онѣ устроили компромисъ и замѣнили прежнее свое движение—новымъ явлениемъ. Если единица вещества обладаетъ собственной силой и впечатлительностью, то для васъ исчезаютъ тѣ затрудненія, которая составляли неразрѣшимую задачу для физиковъ и астрономовъ, начиная съ Ньютона. Имъ казалось невыполнимымъ, что сила можетъ действовать черезъ пространство и въ то же время совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ она можетъ действовать черезъ сопркосновение. Действительно, представляя себѣ точку мертвой, вы никакъ не можете себѣ уяснить, почему въ ней можетъ произойти переиѣна отъ того, что другая точка не ударитъ или она ударится обо что нибудь; представляя себѣ силу свойствомъ матеріи, а матерію невпечатлительной, вы никакъ не можете понять, какимъ образомъ сила можетъ действовать черезъ пространство. Но вотъ вы представляете себѣ материальную единицу какъ вещество, ивнющее собственную свою силу, силу экспансивности или движения; если

эта экспансивность находитъ себѣ предѣлъ, то, чрезъ эту силу, единица обладаетъ произволомъ надъ собою, такъ какъ она обладаетъ впечатлительностью, и мало этого, она ищетъ впечатлѣнія и экспансируется для этого. Тогда явления будутъ лишаться своей непонятности; но вы должны, только, опасаться коренныхъ ошибокъ теоретиковъ механической силы. Вы не должны стараться дѣлать это понятие слишкомъ осязательнымъ и еще того менѣе превращать его въ гипотезу, которая будто выражаетъ собою всю суть дѣла. Понятіе свое вы должны считать существующимъ, только на столько, на сколько существуютъ тѣ факты, которыми оно вызвано; оно уживается со всѣми гипотезами, на сколько эти гипотезы составляютъ логически правильные выводы изъ фактовъ. Выше мы говорили все о точкахъ, теперь мы заговоримъ о единицахъ, отъ идеальнаго, схематическаго понятія мы перешли къ реальному, а стараясь составить себѣ уже реальное понятіе, мы отбрасываемъ понятіе о точкѣ и замѣняемъ его понятіемъ *единица*; эта наша единица; не есть даже *математическая и реальная единица*, въ томъ смыслѣ какъ каждая изъ лошадей есть единица. Факты указываютъ дѣлительность матеріи, но равны или не равны тѣ единицы, которымъ присущи вышеуказанныя особенности,—объ этомъ мы не можемъ вывести заключенія изъ фактовъ, а потому мы и оставляемъ это обстоятельство неразрѣшеннымъ. Если мы будемъ такимъ образомъ толковать происходящее въ единицѣ вещества, то намъ нѣтъ надобности доходить до того математическаго абсурда, до котораго неизбѣжно доходитъ всякая теорія механической силы. Если эта единица получаетъ впечатление давления, то это объясняется теперь прямо ее экспансивностью, если она оказываетъ ему сопротивление, то это есть дѣйствіе вызванное впечатлениемъ къ деятельности ее силъ; съ усиленіемъ давления, конечно, и сопротивление увеличивается, не будетъ ли оно безконечно, на этотъ вопросъ мы не отвѣчаемъ, потому что нѣтъ достаточныхъ фактовъ для такого отвѣта; однакоже и то обстоятельство, что матерія оказывалась не уничтожаемой вполнѣ, согласно съ нашимъ понятіемъ, а, такъ, какъ сила нашей единицы обладаетъ произволомъ, то она можетъ до известнаго предѣла оказывать конечное, а потомъ и безконечное сопротивление. Если же предполагать силу сопротивления механическою, т. е., лишеною произвола надъ собою, то безконечность сопротивления будетъ въ одно и тоже время и неизбѣжнымъ и невозможнымъ ее послѣдствіемъ. Неизбѣжностью будетъ слѣдовать изъ понятія о ее вѣчности, а невозможностью изъ того, что возрастаніе механическаго сопротивления именно потому, что оно возрастаетъ по закону, можетъ быть только постепенное, а постепенность невозможна тамъ, гдѣ

последнюю степеню составляет безконечность; безконечность не может быть степеню и не может имѣть никакихъ предъидущихъ степеней. Если возрастание сопротивленія давленій дастъ отношеніе, между единицами разстоянія и степенями сопротивленія, то оно не можетъ быть безконечнымъ въ центрѣ и слѣдовательно матерія уничтожается, если же оно его не дастъ, то это есть указаніе на произволъ въ дѣйствіи силы, а слѣдовательно, указаніе на то, что она не механическая; всякое измѣненіе въ дѣйствіи, при той же побудительной причинѣ, есть произволъ; если на единицу давленія отвѣчала единица сопротивленія и вдругъ на единицу давленія стала отвѣчать безконечность сопротивленія, то это произвольное дѣйствіе силы сопротивленія. Далѣе обращаясь къ явленіямъ отношеній, между прекратившимся движеніемъ и прошедшею отсюда теплою, нельзя не находить всѣ явленія этихъ отношеній крайне интересными, но они менѣе всего указываютъ на какую-нибудь силу, которая переходитъ изъ одного предмета въ другой. Два химическихъ тѣла находятся рядомъ въ такомъ положеніи, что они не могутъ соединиться; но условіе измѣняется, происходитъ взрывъ и соединеніе сопровождается развитіемъ теплоты. Говорятъ сила положенія, или напряженія, превратилась въ движеніе, а движеніе въ теплоту. Но развѣ положеніе есть сила. Въ Берлинѣ существуетъ библиотека, а рядомъ молодой человѣкъ одаренный знаніями и способностями—вотъ вамъ положеніе. Молодой человѣкъ получилъ возможность посѣщать библиотеку, его занятія будутъ соответствовать движенію. Ихъ результатомъ была книга, которая породила волненіе въ странѣ,—движеніе перешло въ теплоту. Вотъ вамъ аналогическое явленіе, но вы тутъ ясно видите, что сила лежать только въ головахъ молодого человѣка и въ головахъ тѣхъ, кто его будетъ читать и что о положеніи и о прочемъ, можно говорить, только какъ объ обстановкѣ, а вовсе не какъ о силѣ. Выше доказано, что сила заключается только въ химическихъ тѣлахъ; положеніе, движеніе, теплота суть не силы и не нуть, но второму идетъ одна и та же сила, а положеніе—есть обстановка, движеніе—теплота проявленія, которыми сопровождается дѣйствіе силъ, вызванное впечатлѣніемъ тѣлъ другъ на друга. Если бы химическія тѣла утратили ту внутреннюю силу, которая даетъ имъ способность соединяться, то вы ясно увидали бы, что положеніе не есть сила. О напряженіи же, въ вышеупомянутомъ случаѣ даже нельзя и говорить, тутъ было положеніе, какъ въ примѣрѣ юности и библиотеки, а вовсе не напряженіе. Перейдемъ теперь къ точкѣ *A*, находящейся въ глубинѣ тяготѣйшаго земли. Если тяготѣйшаго есть ничто иное какъ впечатлѣніе, побуждающее точку *A* проявить свою силу движенія или давленія, то картина будетъ

слѣдующая: точка *A* получаетъ впечатлѣніе и производитъ напряженіе силы съ цѣлью двинуться, но напряженіе это встрѣчаетъ полное противодѣйствіе, весь размѣръ желанія двинуться парализуется противоположнымъ впечатлѣніемъ, порождающимъ противоположное, столь же сильное, желаніе не двигаться; въ слѣдующій моментъ новое впечатлѣніе и новое проявляющееся желаніе, парализующееся точно такимъ же впечатлѣніемъ и желаніемъ остаются на мѣстѣ. Но вотъ противодѣйствіе устранено, тѣло, подъ вліяніемъ впечатлѣнія, проявляетъ свою силу и двигается; въ слѣдующій моментъ новое впечатлѣніе, которое показываетъ точкѣ, что этимъ своимъ движеніемъ она еще не достигла цѣли и опять недостаточное противодѣйствіе этому движенію; сила побуждается къ новому напряженію и движеніе усиливается,—въ результатѣ выходитъ равномерно ускорительное движеніе. Но если вы хотите это равномерно ускорительное движеніе объяснить дѣйствіемъ механической силъ, то вы должны сказать, что притяженіе создастъ рядъ толчковъ, производящихъ это движеніе. Если же притяженіе даетъ толчекъ, то слѣдовательно оно даетъ его и тогда, когда точка *A* лежитъ на другой точкѣ. Вамъ придется представлять себѣ дѣло такъ: отъ этого толчка точка *A* двинется на безконечно малое разстояніе къ центру земли и отбрасывается толчкомъ лежащей внизу точки по направленію къ старому мѣсту, этикъ, однако же, парализуется толчекъ притяженія слѣдующаго момента, и такъ въ слѣдующій моментъ притяженіе не будетъ дѣйствовать, точка, лежащая на грани, гдѣ притяженіе земли уравновѣшивается притяженіемъ солнца, не будетъ находиться подъ вліяніемъ притяженія земли и двинется къ солнцу, а за ней двинутся всѣ точки, лежація на разстояніи между нею и центромъ земли. То же самое произойдетъ на всей линіи, гдѣ притяженіе земли парализуется притяженіемъ небесныхъ тѣлъ. Результатомъ должна быть такая неправильность въ передвиженіи матеріи, которая не будетъ поддаваться никакимъ вычисленіямъ. Какъ бы искусно вы не сложили теорію толчковъ, но дѣло черезъ это сдѣлается не яснѣе, а только запутаннѣе и непонятнѣе, вы только все далѣе будете нагружаться въ область гипотезъ и все сильнѣе уверяетесь убѣжденіе въ невозможности достигнуть этимъ путемъ достовѣрности. Если вы признаете силы—механическими, то видя разнообразіе ихъ проявленій вамъ остается сказать, что онѣ постоянно управляются законами природы. Законъ есть мысль и не можетъ быть ничѣмъ другимъ кромѣ мысли. Кромѣ того, онъ есть произволъ законодателя; необходимость дополнить понятіе о механической силѣ, понятіемъ о законѣ природы, прямо показываетъ намъ, что мы никакъ не можемъ усилить себѣ явленій природы не прибѣгая къ

понятию о произволѣ; законодатель или не законодатель, а кто-нибудь долженъ быть держателемъ этого произвола. Въ чемъ же можетъ заключаться это управленіе закона? Въ томъ, что онъ внушаетъ, передаетъ механической силѣ свою мысль; но вѣдь внушить, передать мысль можно только тому, кто способенъ мыслить. Если механическая сила способна мыслить, то гдѣ те наблюденіе, изъ котораго взято, что механическая сила получаетъ свои мысли отъ какого-то вѣчно неизмѣннаго закона? Разумный выводъ можетъ быть только тотъ, что это ея собственная мысль порожденная впечатлѣніемъ. Не мыслящее существо не можетъ имѣть мысли, а всякая мысль мыслящаго существа будетъ его собственною мыслию; если она воспринята извнѣ, то это будетъ только впечатлѣніе, облегчающее ея появленіе. Если мы будемъ представлять себѣ силу не мыслящую, то намъ останется утверждать, что самый законъ есть осуществитель своей мысли, но тогда силы уже не будетъ, а законъ будетъ силой, и каждый законъ будетъ особо мыслящее и дѣйствующее существо. У насъ будетъ нѣкое понятіе, бесчисленнаго множества мыслящихъ существъ, изъ которыхъ каждое будетъ проявлять вѣчно и неизмѣнно одну и ту же мысль. Если мы будемъ представлять себѣ божество держателемъ всѣхъ этихъ мыслей, то это божество и будетъ единственной силой въ природѣ, и мы будемъ имѣть понятіе о божествѣ, которое вѣчно и неизмѣнно повторять тѣ же самыя мысли; такое представленіе о мыслящемъ существѣ до конца противорѣчитъ всему, что даетъ намъ наблюденіе. Намъ не трудно послѣ всего этого сказать, откуда произошло нѣкое ученіе о механической силѣ, управленіи вѣчно неизмѣнными законами. Люди науки, не смотря на всю силу своего ума, не оказались не только болѣе, но даже менѣе последовательными. Замѣтивъ постоянное повтореніе множества явленій столь же непонятныхъ, какъ и разнообразіе въ нихъ, они ударились увидѣть въ этомъ постоянствѣ—законы, и такъ какъ они считали для себя унизительнымъ применити къ понятіямъ, презираемой ими толпы, объ управленіи и законодательствѣ божества, то законы эти, не ихъ мнѣнію, давала природа и притомъ еще вѣчные и неизмѣнные. Люди науки должны были бы подумать о томъ, что если они утверждаютъ какое-нибудь понятіе, то они должны взять его изъ наблюденія, а какое наблюденіе могло доказать существованіе мифическаго законодателя природы, способной давать законы вымыслуемому существу—механической силѣ. Не если для насъ теперь ясна нѣлпость и понятія, о механической силѣ и понятія о законахъ природы, то вовсе еще не можетъ быть ясно понятіе, о единицахъ матеріи, обладающихъ способностью давать и получать впечатлѣнія, обладающихъ силой производить

въ себѣ перемѣну и движеніе по своему произволу и на основаніи порождаемыхъ впечатлѣніями мыслей, которыя принимались за законы природы. Это явленіе мы должны уяснить себѣ путемъ наблюденія и придерживаясь при нашихъ выводахъ тѣхъ правилъ, о которыхъ мы говорили выше, какъ о необходимыхъ условіяхъ для созиданія общечеловѣческихъ понятій.

V.

Мыслительный процесс.

Если мы зададим себе задачу отыскать такое положение, где мы могли бы наблюдать ту внутреннюю силу, которая действует в единицу материи во время каждой перемблы, происходящей с нею или через нее, то мы напрасно будем обращать наши взоры во все стороны, — такого положения нигде не окажется. Всюду мы будем видеть только впечатленье и проявление. Что на единицу материи производится в нашем случае, только впечатленье и что вытекающее отсюда проявление, есть проявление ее собственной силы, в этом мы можем убедиться. Наблюдение нам дает возможность отличать входящее, от производящего только впечатленье. Входящее исчезает в то время, когда оно входит и может быть восстановлено, если окажется благоприятна для этого обстоятельства. Если мы видим как огонь зажигает свечу и при этом сам не терпит от этого никакого изменения, то не нужно быть ученым, чтобы понять, что мы имеем тут дело только с впечатленьем. Рассмотрение горения показывает нам вхождение и мы видим, что кислород входит или соединяется с горящим телом, но за то он исчезает, может быть восстановлен и до своего восстановления очень ясно заявляет о своем существовании в новой форме. Самое понятие входит, выражает исчезновение в одном мѣстѣ и появление в другом; то же выражает и понятие зародать. Поэтому слова, входит или зародать вовсе не годятся для объясненія стимула материальной единицы обнаруживающей перемблу в тѣх ее проявлениях, о которых мы говоримъ здѣсь. Послѣ этого намъ остается еще одинъ способъ понимать дело, если мы хотимъ считать проявление вещественной единицы проявлениемъ не ее собственной, а подѣлствованной на нея силы. Наблюдение показываетъ намъ только перемѣняющееся, а не увеличивающееся и не уменьшающееся вещество, но можетъ быть относительно силы это не такъ, можетъ быть она способна сохраниться въ одной единицѣ веще-

ства и въ то же время появиться въ другой. Несостоятельность такого взгляда на силу вполне обнаруживается изъ вышеизложеннаго; когда мы рассматривали дѣйствіе тяжести на единицу веревки, то мы увидели, что никакой новой силы въ этой единицѣ не появилось, а явился только стимулъ, порождаемый впечатлѣніемъ, который и исчезъ вмѣстѣ съ впечатлѣніемъ. Съ исчезновениемъ этого стимула и вызванныхъ имъ проявленій никакой новой силы не осталось. Примеромъ съ тѣломъ брошеннымъ вверхъ и останавливающимся въ моментъ перемищенія земли на другую его сторону мы показывали, что и потенціальной силы тутъ никакой не остается и что все явленіе объясняется проявленіемъ внутренней силы дѣйствующей подъ разными впечатлѣніями, а не появленіемъ ея извнѣ. Съ образованіемъ новаго химическаго тѣла, точно также не создается никакой новой потенціальной силы, а является только новое, состоящее дѣйствующее впечатлѣніе и вызываемое имъ проявленіе внутренней силы прекращается съ прекращеніемъ впечатлѣнія; никакой новой потенціальной силы этимъ не создается. Вы можете сколько угодно разъ подвергнуть тѣло этому впечатлѣнію, создавая химическое соединеніе и потомъ восстанавливать его; каждый разъ оно будетъ отвѣчать на впечатлѣніе тѣмъ же проявленіемъ своей силы и никакой новой потенціальной силы въ немъ не окажется. Не удивившись, что тѣло проявляетъ собственную свою силу, дѣйствуя подъ вліяніемъ стимула силы впечатлѣнія, мы продолжаемъ однакоже оставаться въ полной неизвѣстности на счетъ того процесса, путемъ котораго внутренняя сила доходитъ отъ стимула къ проявленію. Такъ какъ единственнымъ осоволеніемъ для нашихъ понятій о внѣшнемъ мірѣ служатъ намъ наши впечатлѣнія, а наше впечатлѣніе уже потому должно быть неизбежно внѣшнимъ проявленіемъ производящаго его тѣла, что оно ощущается нами внутри насъ, а следовательно внѣ его, то следовательно внутренний процессъ, предшествующій внѣшнему проявленію и не можетъ сдѣлаться предметомъ непосредственнаго нашего наблюденія. Не смотря на это, мы, все-таки, не можемъ составить себѣ объ немъ общечеловѣческаго понятія иначе, какъ путемъ наблюденія. Есть только одинъ случай, гдѣ мы можемъ дѣлать наблюденіе надъ внутреннимъ міромъ вещества—это наблюденіе надъ самимъ собою. Только тутъ мы видимъ весь ходъ процесса начиная отъ впечатлѣнія и кончая проявленіемъ. Съ перваго взгляда это должно назваться слишкомъ недостаточнымъ для созиданія какихъ-либо общечеловѣческихъ понятій о внутреннихъ процессахъ внѣшнихъ предметовъ. Однакоже стоитъ внимательнѣе выкинуть въ дело, чтобы убедиться, что это вовсе не такъ. Какія мы имѣемъ средства составлять себѣ понятіе о пространствѣ. Въ сущности

оно дается намъ только совокупнымъ дѣйствіемъ осязанія и вѣрнія. Я могу измѣрять пространство только на расстояніи протяженія моей руки и почти исключительно одно линейное протяженіе посредствомъ движенія моего тѣла. А между тѣмъ человекъ измѣрляетъ разстояніе между его глазами и отдаленнѣйшими изъ звѣздъ и понятія о пространствѣ, такимъ образомъ составляемья, суть несомнѣнно общечеловѣчскія. Если мы также внимательно будемъ вникать въ явленія, какъ мы вникаемъ, чтобы открыть себѣ путь для измѣренія пространства, то мы создадимъ себѣ ариаднину нить, съ помощью которой мы можемъ получать понятія о внутренней жизни единицы вещества, не смотря на то, что мы непосредственно можемъ наблюдать эту жизнь только въ самихъ себѣ. Я не могу наблюдать этой жизни въ другомъ человекѣ, однако я говорю, что этотъ человекъ думаетъ; наблюденіе надъ внутреннимъ міромъ даетъ мнѣ возможность создать вполнѣ общечеловѣчскія понятія и о внутреннемъ мірѣ другаго человека. Эти понятія я создаю себѣ путемъ сравненія нашихъ проявленій; если я буду идти этимъ путемъ съ достаточнымъ вниманіемъ все даѣе, то окажется, что возможно составлять себѣ общечеловѣчское понятіе и о внутреннемъ мірѣ елиничья неорганизованнаго вещества. Первый поворотъ въ нашихъ мысляхъ, произведенный этимъ путемъ, заключается въ слѣдующемъ: когда человекъ поверхностно наблюдаетъ природу, онъ видитъ, что ударъ одного вещества о другое вещество произзавидитъ движенія; въ то же время онъ видитъ, что сколько бы онъ не напрягалъ свою мысль и свою волю онъ не можетъ произвести того же движенія безъ помощи удара вещества объ вещество. Онъ до такой степени привыкаетъ къ этому наблюденію, что ему кажется непереложной истиной, что матерія непосредственнымъ дѣйствіемъ можетъ произвести движеніе въ другой матеріи и создать въ ней силу необходимую для такого движенія; но отвлеченная сила не можетъ этого сдѣлать. Привычка къ подобному мышленію такъ укореняется, что даже великіе физики и астрономы начинаютъ утверждать, что сила не можетъ дѣйствовать черезъ пространство; привычка породила въ нихъ неодолимую потребность непременно представлять себѣ ударъ вещества объ вещество прежде, чѣмъ начнется движеніе. При болѣе глубокомъ разсмотрѣніи дѣла, нѣтъ, однакоже, дѣлается непонятнымъ и то, какимъ образомъ ударъ матеріи можетъ породить силу движенія. Теперь они по прежнему не могутъ признавать ни того, что сила можетъ дѣйствовать черезъ пространство, ни того, что ударъ можетъ произвести движеніе; вопросъ сдѣлался не разрешимымъ и виситъ въ воздухѣ. Вы представляли себѣ до сихъ поръ душу человѣческую чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ человѣческаго тѣла, и вълѣдствіе этого стали представлять себѣ

силу чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ вещества, это понятіе явилось у людей тѣмъ же путемъ, какъ понятіе о царѣ управляющемъ и дающимъ законы превратилось въ понятіе объ управляющемъ и дающемъ законы божествѣ, а это послѣднее понятіе превратилось у людей науки въ понятіе о мистическомъ существѣ, природѣ, налагающей законы немыслимой механической силѣ. Но вотъ вы наконецъ убѣдились въ желѣности понятія о силѣ, какъ о чѣмъ-то переходящемъ изъ одного вещества въ другое и палили, что сила составляетъ принадлежность самаго вещества, такъ что вещество можетъ проявлять только собственную свою, ему присущую силу въ слѣдствіе внѣшнихъ стимуловъ и впечатлѣній. Теперь, когда у васъ родилась потребность понять внутренние процессы этой силы, вы обращаетесь къ наблюденію надъ собою какъ къ единственному средству наблюдать эти процессы и къ крайнему вашему удивленію вы теперь только замѣчаете то, что вы могли бы замѣтить уже очень давно, а именно, что движеніе матеріи въ васъ производитъ ваша мысль и ваша воля т. е. сила присущая веществу вашего тѣла. Чѣмъ тщательнѣе вы будете повѣрять вамъ наблюденіе, тѣмъ болѣе вы будете убѣждаться, что окончательнымъ источникомъ тѣхъ движеній вашего вещества, которыми осуществляется ваша мысль и ваша воля есть ничто иное, какъ именно эта мысль и эта воля. Изъ впечатлѣній рождаются у васъ мысль и воля; воля рождается не вдругъ изъ мысли, и вы видите какъ ваша мысль не рѣдко дѣлаетъ рядъ предположеній на счетъ движеній въ разныхъ направленияхъ и выбираетъ одно, на которомъ сосредоточивается воля къ его осуществленію. Пока мысль не сдѣлала выбора и не сосредоточила на немъ воли, предполагаемое движеніе вашего вещества не совершается. Если она рѣшилась и начала движеніе а потомъ передумала то и движеніе измѣняется именно такъ, какъ она передумала. Вы стоите на распутии трехъ дорогъ и рѣшили идти на право, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ передумали, поворачиваете и идете на лѣво. Это убѣждаетъ васъ, что законы бы ни были дальнѣйшіе способности въ этомъ движеніи, но первый его источникъ это ваша мысль и воля. Мускулы ваши сократились подъ вліяніемъ движенія въ вашихъ нервахъ. Въ существованіи этого движенія вы убѣждаетесь наблюдая сопровождающій его электрическій токъ и т. д. Но если вы будете восходить по этому движенію къ его источнику, то вы дойдете до мысли и воли, и увидите, что причина почему это движеніе началось—есть мысль и воля. Если бы мысль и воля тутъ не двинули, то и движенія бы не было, если бы онѣ двинули не тѣ а другіе нервные узлы и нити, то и движеніе произошло бы другое. Впечатлѣніе также производится путемъ движенія, но вы убѣждаетесь, что это

последнее движение никаким образом нельзя считать простым движением того нервного вещества, движение которого обнаружилось действительным. Если бы мысль и воля изменили только направление того движения, которое кончилось впечатлительным, то и тогда онъ были бы такой же двигательной силой, какою вы представляете себя материальным толчком; но онъ были гораздо больше, чѣмъ это. Ваше движение заключается въ томъ, что вы идете гулять; конечно мысль этого движения вытекла изъ понятий произведенныхъ впечатлительными: о хорошей погодѣ, объ удовольствіи гулять въ хорошую погоду, о пути по которому вы намерены идти. Но впечатлѣнія, которыми созданы всё эти понятія, до такой степени отдѣлены и не связаны съ вашимъ теперешнимъ дѣйствіемъ, что вамъ и мысль не можетъ придти считать это продолженіемъ размаха тѣхъ движений, которыми порождены эти впечатлѣнія. Вы видите ясно, что зачатокъ и источникъ вашего движения—есть ваша мысль идти гулять; она должна сначала двигать часть вашего вещества, чтобы затѣмъ изъ этого протекло все дѣйствіе. Когда вы думали о томъ, можете ли ваша мысль и ваша воля сдвинуть горы, вамъ казалось, что мысль и воля не могутъ двигать матеріи. Теперь вамъ дѣлается яснымъ, что ваша мысль и ваша воля только потому не могутъ сдвинуть горы, что эта мысль для нихъ ничто внѣшнее. Сила можетъ двигать только ту единицу вещества, которой она принадлежитъ. Когда вы представляли себя самого себя какъ какое то нераздѣльное вещество дѣло, въ которомъ сидитъ ваша мысль или ваша воля, вы опять таки не могли понять, что мысль и воля могутъ двигать матерію, потому что вамъ тѣло часто сопротивлялось вашей мысли и вашей волѣ и порою по отношенію къ этому тѣлу оказывались столь же бессильными, какъ и по отношенію къ внѣшнимъ горамъ. Но вотъ вы начали изучать какъ происходитъ движение въ вашемъ тѣлѣ и вы убѣдились, что это есть сложный результатъ движений отдѣльныхъ единицъ вещества; переходя обратнымъ порядкомъ отъ одной единицы къ другой, вы уже ясно понимаете, что та единица, съ которой началось движение могла быть двинута только мыслью и волей; а такъ какъ вы теперь знаете, что сила можетъ двигать только ту вещественную единицу, къ которой она принадлежитъ, а на сосѣднюю можетъ производить только впечатлѣніе, то вамъ уже легко себя представить, что рядъ единицъ, участвующихъ въ движениіи можетъ и не дать на впечатлѣніе ожидаемаго отвѣта, и въ такомъ случаѣ мысль и воля могутъ оказываться столь же бессильными по отношенію къ нимъ, какъ и къ внѣшнимъ горамъ. Наблюдая природу вы истинно видѣли, что единица вещества, не имѣющая никакихъ органовъ

движенія, остается неподвижной пока она не получитъ внѣшняго толчка и отсюда вы заключили, что она сама себя двигать не можетъ. Теперь, разсматривая подробно какъ происходитъ движение органическаго тѣла, вы видите, что оно начинается движениемъ, порожденнымъ въ единицѣ вещества не внѣшнимъ толчкомъ а внутреннею мыслью и волею и что это движение сообщается другимъ единицамъ, въ которыхъ вы видите ничто иное какъ такую же механическую силу какъ и въ любомъ неорганическомъ тѣлѣ; онъ точно также какъ и это тѣло не имѣютъ органовъ движения, а между тѣмъ производятъ движение иногда прямо противоположное и иногда не продолжающее направление толчка; производятъ они его не толчкомъ а напр. впечатлѣніемъ на мускулы, приводящимъ его къ сокращенію. Тутъ въ вашей памяти возрождаются безчисленныя химическія явленія въ неорганическихъ тѣлахъ, химическія реакціи, видимость, волосность, образование газовъ, жидкихъ и твердыхъ тѣлъ, различныя превращенія паровъ, различныя тѣла подъ вліяніемъ температуры и т. п. явленія, которая или вовсе не объясняются толчками или объясняются только съ помощью самыхъ искусственныхъ натяжекъ. Какая безплодная работа прибѣгать къ этимъ искусственнымъ хитросплетеніямъ, когда въ концѣ оная таки дѣлается совершенно неопытнымъ и необъяснимо наблюдаемъ, какимъ образомъ толчокъ можетъ двинуть тѣло. Наблюденіе показываетъ, что не только непосредственное соприкосновеніе двухъ единицъ вещества, но даже достаточное ихъ сближеніе приводитъ одно къ сдвигу; отсюда вытекаетъ, что при толчкѣ непосредственнаго соприкосновенія даже итѣтъ, а движение въ тѣлѣ порождается внутреннею центробѣжною силою, которая отбрасываетъ его отъ влетающаго на него тѣла и производитъ такимъ образомъ его движение. Вы приходите, слѣдовательно, къ убѣжденію, что и въ случаѣ толчка движение производится не толкающимъ тѣломъ а внутренней силой отскакивающаго. Вы все таки пришли къ тому выводу, что тѣло производитъ движение само съ собой, собственной силой и притомъ не имѣя никакихъ органовъ движения. Сравнивая движение, произведенное центробѣжною силой подъ впечатлѣніемъ толчка съ движениемъ произведеннымъ мыслью и волею, вы убѣждаетесь, что движение можетъ быть произведено въ единицѣ вещества не только центробѣжною, но и другими совершенно на нее не похожими силами. Вы пришли къ понятію прямо противоположному вашему старымъ взглядамъ; прежде вамъ казалось немисланнымъ движение единицы вещества, порождаемое одной внутренней силой, безъ помощи органовъ движений, теперь вы убѣдились, что всякое движение зарождается исключительно

одной внутренней силой. Через это ваш интерес крайне возрастает; вы хотите понять, от чего вещество вам кажется таким неспособным производить движение по собственному побуждению, что это за сила которая в нем действует, и эта сила вам кажется в рывком контраст с живую силу вашей мысли и в то же время оказывается невозможным чтобы она была мертвой, механической силой. Чтобы разгадать эту загадку обратимся к внимательному рассмотрению той внутренней силы, которую мы можем наблюдать в себе самих, и которая, как мы убедились, производит движение вещества и сравним ее проявления с проявлениями других двигательных сил. Рассматривая происходящий в вас внутренний процесс, который кончается движением, вы видите, что он начинается внешними впечатлениями; сравнение этих впечатлений дает вам понятия, из понятий этих у вас вырабатывается мысль известного действия; эта мысль может остаться в вас бездейственной, но может и не остаться; если она не остается бездейственной а производит движение вещества вашего тела, то вы называете этот акт проявлением воли. Вам нужно захотеть, чтобы ваша мысль перешла в движение, но вам нужно также захотеть и то, чтобы она не переходила в движение, вам нужно захотеть и то, чтобы ваша мысль продолжала развиваться и слагать понятия, независимая от воли. Знать в этом процесс составляете одно впечатление, вы его получаете совершенно независимо от вашего желания; вам его называет другая единица вещества посредством проявления своей силы, точно также как и вы, производя движение, называете впечатление внешней для вас единицы вещества. Далее вы наблюдаете, что вы можете продолжать или прекращать развитие мысли но вы вовсе не можете мыслить и проявить мысли в беспредельном количестве в данное время; общий ваш вывод будет следовательно таков: весь внутренний процесс, начинающийся в вас от впечатления и кончающийся движением, есть процесс мысли, заключающей в себя силу но своему усмотрению развиваться или не развиваться, переходить в движение или не переходить, но эта ее сила есть предельная, а не безпредельная. Впечатление не зависит от вас, но за то и не есть впечатление а опять таки от деятельности вашей мысли зависит перейти оно или не перейти в ней процесса движения. Ваша мысль должна обратить на него внимание, должна начать процесс его отщипки, чтобы впечатление оказалось порождающим дальнейшее движение. Мы наблюдаем в себе массу впечатлений, которая остается для движения мысли совершенно без всяких последствий. Мы видим, что самые сильные впечатления могут оста-

ваться без малейшего внимания и не производить никакого ощущения, в то время когда замечаются самые неуловимые впечатления; в отчаянном бою застрельщик не слышит грохота пушек, не чувствует что он ранен, хотя рана смертельная и замечает совершенно неуловимое движение травы, указывающее, где скрывается его противник. Эти наблюдения показывают нам, что весь внутренний процесс, начинающийся впечатлением и кончающийся проявлением или действием, сосредоточивается в мысли, ипущей предельную силу и неограниченное самообладание. Мысль эта определяет впечатления ощущением, которое находится у ней точно также в распоряжении, как ход ее развития и проявления. Наблюдение над нашими субъективными мышлениями усложняется тем, что оно не есть деятельность какой нибудь отдельной единицы нашего вещества, а только общий результат процесса мышления нескольких единиц, которая относится друг к другу как сообщаемы взаимно несколькими людьми мысли; каждая из этих сообщаемых мыслей будет уже впечатлением для другого; отсюда происходит явление, которое мы называем борьбой мысли и борьбой страстей, и которое внутри человека представляет аналогическое явление с происходящим общением между несколькими людьми, поставленными в неизбежную необходимость действовать и проявляться сообща как один человек. Об этой сложности явления мы будем говорить ниже, а теперь мы отренарировали, единицы отдельный внутренний процесс силы, производящей движение; он сосредоточился у вас на мысли, а потому мы и назовем его мыслительным процессом. Наблюдение показало нам, что в этом мыслительном процессе впечатление шире мышления, мышление шире осуществляемой действием мысли или просто—мысль шире действия. Obviously вместо слова *мысление* употребляют в этих случаях слово *воля*. Мысль действия, которая осуществлялась, называть проявлением воли; неосуществившуюся—желанием. Гартман понимает, что мысль и воля суть две стороны того же самого явления, но он делает из них два отдельных существа, между которыми по его мнению происходит даже борьба. Такое понимание показывает однакоже, что он не достаточно уяснил себе явление. Гартман смышал отвлеченное понятие о мысли с процессом мышления, переходящем в единицу моего вещества; я могу сказать напр.: у меня и у вас явилась одна мысль, и могу говорить о той же мысли, явившейся у многих людей, но всякий понимает, что этим я не хочу сказать, что мысль есть какое нибудь отдельное существо, способное появляться в разное время у разных людей или одновременно

у многих. Говоря точно я должен был бы сказать: у меня и у вас обнаружилось проявление мысли, тождественное по своей внешней форме, я говорю тут не о мысли а только о внешней форме, о внешней очертании мысли точно также как я говорю не об отдельной силе в растении, а только о внешней его форме, когда я говорю, что она круглая или высокая и т. д. Если я хочу дать понятие о процессѣ развития этого растения я могу сказать, что одна сторона его заключается в изменении формы или что этот процесс развития есть сила, которая обнаруживается передь нашимъ наблюдениемъ въ видѣ измѣняющейся формы, точно также какъ я сказалъ, что внутренний процессъ, начинающийся въ насъ отъ впечатлѣнія и кончающийся дѣйствиемъ, есть сила, которая обнаруживается передь нашимъ наблюдениемъ въ видѣ мысли. Безслѣвно и обичайно было бы дѣлать изъ формы растения отдельное существо и говорить, что форма борется съ развивающей силой въ растении, или что развивающая сила борется съ формой; точно также негѣно и обичайно говорить, что воля борется съ мыслью или что мысль борется съ волею, во время происходящаго въ насъ мыслительнаго процесса. По отношенію къ процессу, начинающемуся въ насъ впечатлѣниемъ и кончающемуся дѣйствиемъ, моему наблюдению не представляется ничего кромѣ мысли, ночертающей свой матеріалъ изъ ощущенія и притомъ моему наблюдению представляется что сила, производящая весь процессъ, можетъ обратить или не обратить впечатлѣніе въ ощущение; дать или не дать мысли дальнѣйшее движеніе, проявить или не проявить ея въ дѣйствіи. Во всемъ этомъ я вижу только одну силу, для которой ощущение, мысль и дѣйствіе служатъ лишь оболочкой и внешней формой; если я говорю: мысль распоряжается ощущениемъ, собою и дѣйствиемъ или воля распоряжается ощущениемъ, мыслью и дѣйствиемъ, то смыслъ этихъ трехъ фразъ совершенно тождественный; произнесенны мною три слова: воля, мысль и сила выражаютъ здѣсь вполнѣ одно и тоже понятіе. Если кажется, что упомянутыя три фразы пѣютъ не тождественный смыслъ, то только потому, что я выражаюсь по необходимости не точно, потому что не могу найти въ языкѣ выраженія, которое бы выражало вполнѣ то понятіе, которое мнѣ нужно и притомъ только одно это понятіе. Слово сила выражаетъ его вполнѣ, но оно выражаетъ больше, чѣмъ мнѣ нужно, оно не составляетъ спеціального термина для выраженія моего понятія; слова мысль, воля специализируютъ его сравнительно съ словомъ сила, но за то они выражаютъ его съ одной стороны не вполнѣ а съ другой выражаютъ больше. Остается

одно—употреблять неудобно по своей длинѣ выраженіе: ощущающая, мыслящая и движущая сила. Въ сущности это будетъ тоже что воля, не подъ словомъ воля мы привыкли разумѣть одно двигательное начало, отвлеченное отъ его формы, точно также какъ подъ словомъ сила матерія мы привыкли разумѣть одно двигательное начало въ матеріи и замѣнять лужное намъ понятіе словомъ воля точно также неудобно, какъ замѣнять слово вещество—словомъ сила; однакоже говорить о борьбѣ вещества съ своей силой было бы точно также негѣно, какъ говорить о борьбѣ мысли съ волею. Но если я, въ видѣ выхода изъ помянутаго затрудненія, употреблю слова мысль и воля, то я не долженъ позволять этому обстоятельству до такой степени сбивать себя съ толку, чтобы превращать въ процессъ, начинающимся впечатлѣниемъ и кончающимся дѣйствиемъ, мысль и волю въ два отдельныхъ существа, способныхъ бороться другъ съ другомъ, завладѣвать другъ другомъ, желать повлѣять другъ на друга и т. д. Когда мы читаемъ у какого нибудь историка: «тогда-то у такого-то племени явилась мысль сдѣлать то-то»; тогда мы очень хорошо понимаемъ, что эта мысль не есть какое нибудь существо способное желать, стремиться, бороться и что олицетворить его можно только въ сказкѣ. Если бы Гартманъ постоянно имѣлъ это передь глазами, онъ бы не могъ сдѣлать изъ мысли существо и положить борьбу этого существа съ волею въ основаніе своей философіи. Онъ бы постигъ, что понятія ощущение, мысль дѣйствіе заключаютъ въ себѣ, такъ сказать, только описание внешней вида процесса, производимаго въ насъ одной и той же силой, а слово воля выражаетъ только способность этой силы продолжать или превращать процессъ; такъ что съ одной стороны эти внѣшнія формы никогда не могутъ быть есебыми существами, способными стремиться или желать, а съ другой не можетъ быть рѣчи ни о какой борьбѣ между ними и волею. Дѣлая изъ мысли и воли два отдельныхъ существа Гартманъ говоритъ, что мысль всегда сознательна, а воля можетъ быть сознательной и бессознательной, но это, конечно, можно сказать только при синоэтомъ олицетвореніи мысли и воли. У людей, не имѣющихъ посвященнаго въ тайны физиологии, встрѣчается не достаточно ленина и обичайныя выраженія какъ напр.: борьба духа съ плотью; эти выраженія въ устахъ произносившихъ ихъ были удовлетворительны для своей цѣли; они не имѣли намѣренія изучать физиологию а хотѣли быть доступными для людей неразвитыхъ; но Гартману, который показатъ такое глубокое умное разграничиваніе дѣятельность различныхъ частей организма, никакъ не слѣдовало бы затемнять снова то, что онъ выясняетъ и говорить о такихъ вещахъ какъ борьба мысли съ волей, сознательной воли съ бессозна-

тельной волей вместо того, чтобы говорить о борьбе одних частей организма с другими. Выяснив как мы понимаем дѣло, мы можем продолжать называть мыслительнымъ процессомъ весь процессъ, начинающийся впечатлѣніемъ и кончающийся движениемъ единицы нашего вещества, которая сообщаетъ другимъ его единицамъ первый импульсъ къ совокупному проявленію, называемому дѣйствіемъ. Описывая особенности этого процесса, мы будемъ тѣмъ самымъ описывать особенности силы его производящей.

Если вы никогда не вязавши чулки вздумаете приняться за эту работу, вы скоро увидите, что для того чтобы ее успѣшно окончить вамъ нужно вступить въ ходъ соображеніе, нужно—мыслить. Если вы, даже не покушаясь вязать, взглянете на чулокъ и сравните его съ другими порожденіями ума человеческого, вы прямо говорите: чулокъ есть произведение мысли. Если бы вы захотѣли узнать исторію происхожденія чулка, то вы пришли бы къ заключенію, что культура человеческая должна была достигнуть довольно высокой степени развитія, чтобы создать такое произведение мысли. Но вотъ передъ вами женщина, которая живетъ тѣмъ, что вязетъ чулки; она говоритъ съ вами, садится, ходитъ, думаетъ о совершенно другихъ предметахъ; на находящійся у нея въ рукахъ чулокъ не обращаетъ даже не малѣйшаго вниманія, а между тѣмъ пальцы работаютъ, чулокъ вязется съ удивительною быстротою, отчетливостію и правильностію. Человѣкъ превратился здѣсь въ машину воспящаете вы, это не человеческая работа, это произведение механической силы, это механический трудъ. Вы сравниваете это проявленіе рукъ человѣческихъ съ проявленіями механической силы и сходство васъ поражаетъ. Тысячи лѣтъ миліоны людей вяжутъ чулки, совершенно точно также и чѣмъ болѣе они въ этомъ упражняются, тѣмъ отчетливѣе и единообразнѣе совершается работа. Вы невольно начинаете думать, что работа такъ называемой механической силы есть тоже самое, не только дѣдовское до еще большей степени отчетливости и единообразія. Если вы за тѣмъ начинаете наблюдать какимъ образомъ въ вязаньи чулка, человѣкъ доходитъ до того, что его работа начинаетъ походить какъ двѣ капли воды на работу мертвой механической силы, то вы видите, что ему сначала нужно было вымѣрять и обдумывать каждое движеніе, внимательно слѣдить за его линіею чтобы движенія слѣдовали другъ за другомъ такъ, какъ этого нужно для успѣха работы; чѣмъ чаще онъ повторялъ работу, тѣмъ болѣе онъ приучался прямо ощущать мѣру этихъ движеній и такъ какъ онъ тѣмъ рѣже выходилъ изъ мѣры, то онъ тѣмъ скорѣе могъ производить одно движеніе за другимъ. Такимъ образомъ вы понимаете,

что большая быстрота движеній произошла не отъ того, что тутъ превратилась работа мысли, замѣнилась чѣмъ нибудь другимъ, какой нибудь механической силой, а только отъ того, что въ мыслительномъ своемъ процессѣ вы научились прямо узнавать настоящую мѣру ощущенія; наконецъ способность узнать мѣру ощущенія и соразмѣрять съ нимъ движеніе у васъ такъ изощрилась, что она требуетъ отъ васъ самую ничтожную долю вниманія и напряженія. Теперь, глядя на ваше вязаніе и не замѣчая, чтобы эта работа требовала отъ васъ какого нибудь въ себѣ вниманія, одинъ скажетъ, что вы вязете механически, другой—что вы вязете инстинктивно, третій, что вы вязете бессознательно. послѣ этого вамъ невольно приходитъ въ голову мысль о происхожденіи понятій: механическая сила, инстинктъ, бессознательное дѣйствіе и о гартмановской бессознательной волѣ, осуществляющей мысль. Вы начинаете догадываться, что во всѣхъ этихъ случаяхъ вы имѣете передъ собою только крайне упрощенный и потому съ необыкновеннымъ единообразіемъ, быстротой и точностію повторяющійся мыслительный процессъ. Движеніе вязанія чулка сложное; если вы будете раздѣлять его на составныя части и восходить въ источникъ каждой, вы дойдете до единицы вашего вещества, которая даетъ ему первый импульсъ путемъ мыслительнаго процесса. Эта единица вашего вещества, въ концѣ концовъ, есть также не имѣющее никакихъ органовъ движенія вещество какъ и всякое другое; также какъ и у всякаго другаго вещества, единственный источникъ его движенія есть собственная его сила; теперь уже вамъ вовсе не дѣло если вы представляете себѣ что внутренняя работа, которая кончается движениемъ во всякомъ другомъ веществѣ, состоитъ изъ мыслительнаго процесса, что такъ называемая механическая сила есть въ сущности такая же мыслящая сила. Это заключеніе вамъ кажется одинаково еще слишкомъ смѣльнымъ. вы не останавливаетесь на немъ а только рѣшаетесь не пренебрегать имъ и ближе рассмотреть его. Если вы будете наблюдать какъ человѣкъ гребетъ, какъ онъ учится грести, какъ гребетъ старый перевозчикъ или рыбакъ и сравнивать этотъ трудъ съ вязаніемъ чулка, то вы найдете повтореніе того же явленія, тотъ же путь превращенія труда, посылаго на сабѣ явные слѣды мысли въ трудъ механической, инстинктивной, въ извѣстныхъ размѣрахъ даже бессознательный, трудъ, въ которомъ дѣятельность мысли дѣлается уже совершенно неудовимою и все-таки обнаруживается несомнѣнно при достаточно внимательномъ наблюдѣніи. Опять-таки миліоны людей въ теченіе тысячъ лѣтъ гребутъ, т. е. проявляютъ этотъ родъ мысли совершенно одинаковымъ образомъ. Чѣмъ болѣе вы будете дѣлать подобныхъ сравненій и чѣмъ чаще вы будете сопо-

ставлять их съ дѣйствиємъ механическихъ силъ въ неорганической природѣ, тѣмъ болѣе вы будете привыкать смотрѣть на дѣйствія механическихъ силъ какъ на проявленія мысли. Вы будете замѣчать, что проявленія механическихъ силъ, при внимательномъ ихъ разсмотрѣннн, оказываются вовсе не такими простыми, какъ они написаны въ книгахъ. Вы, конечно, можете установить отношеніе между размахомъ тяжести и разрывомъ проволоки и можете сказать: это законъ природы; но вѣдь вы можете установить отношеніе между силой, проявляемой гребцомъ и движеніемъ лодки, однакоже черезъ это проявленіе гребца не перестанетъ быть проявленіемъ мысли. Разрывъ проволоки послѣдуетъ, но вѣдь не внезапно,—и тутъ и тамъ есть сторона, проявляющая то отсутствіе безусловной внезапности, которая характеризуетъ внутреннюю работу мысли. Чѣмъ болѣе будетъ тяжесть, чѣмъ несомнѣннѣе будетъ те обстоятельство, что ея впечатлѣннѣе значительнѣе впечатлѣннн снвлѣннн, тѣмъ скорѣе послѣдуетъ разрывъ; точно также какъ мысль тѣмъ быстрѣе перейдетъ въ движеніе, чѣмъ несомнѣннѣе будетъ впечатлѣннѣе, побуждающее къ этому движенію. Далѣе, когда вы наблюдаете какъ человѣкъ учится ходить, вы видите тутъ ту же самую работу мысли, которую вы замѣчаете когда кто нибудь учится вязать чулокъ или грести. Курсъ ученнн тутъ продолжается даже долѣе,—ребенокъ разставляетъ ноги когда стоитъ и долго не можетъ достигнуть того, чтобы стоять и ходить такъ свободно, увѣренно и силѣе какъ взрослый человѣкъ. Вы тутъ самымъ отчетливымъ образомъ можете наблюдать работу мысли, которая все отчетливѣе дѣлаетъ свои сравненнн и все съ болѣею точностью научается соразмѣрять ощущеннн съ движеніемъ. Эти наблюденнн приводятъ васъ къ несомнѣнному убѣжденню, что каждый шагъ человѣка точно также есть проявленнн мысли, какъ первый его шагъ. Между тѣмъ люди ходятъ одинаково съ тѣхъ воръ какъ существуетъ человѣчество; шагъ кажется дѣйствиємъ вполнѣ механическимъ, инстинктивнымъ и безсознательнымъ; рутина мысли тутъ достигаетъ уже такихъ размаховъ, что вы вполнѣ понимаете возможность для нея и такой рутинности, и такого однообразнн, какое вы видите въ проявленннхъ такъ называемой механической силы, и если вы затѣмъ подумаете о томъ, что все въ природѣ носитъ на себѣ печать мысли, только однообразно проявляющейся, то вы уже и не будете сомнѣваться что внутренний процессъ, оканчивающійся проявленіемъ такъ называемой механической силы, есть процессъ мыслительный. Этотъ путь основное убѣжденнн уже получается, остается только его разработать. Теперь для насъ понятнн какимъ образомъ человѣкъ перестаетъ замѣчать существованнн мысли.

тельного процесса съ возрастаніемъ быстроты, внезапности и однообразнн дѣйствнн: «Увидавъ огонь выстрѣла Ричардъ нисколько не думая, мгновенно перескочилъ черезъ ровъ и спасся этимъ и отъ смертельной пули и отъ дальнѣйшаго преслѣдованнн врага»; читаете вы. Писавшему эти строки кажется, что Ричардъ поступилъ инстинктивно, механически, самъ не зная, что онъ дѣлаетъ т. е. безсознательно; но если вы херешнн наблюдатель, то вамъ будетъ ясно, что прыжку предшествовалъ довольно сложный мыслительный процессъ, но вслѣдствіе силы впечатлѣннн онъ совершился съ такимъ напряженннмъ и такъ быстро, что чрезъ послѣдовавшую за нимъ реакцію даже воспоминаннн о немъ утратилось. Гартманъ вполнѣ раздѣляетъ ходячнн ложный взглядъ на мыслительный процессъ; но въ то же время онъ слишкомъ внимательный наблюдатель, чтобы не видѣть, что въ этихъ внезапныхъ и однообразныхъ проявленннхъ обнаруживается такая же мысль, какъ и въ результатахъ медленнаго и нерѣшительнаго мышленнн, въ которыхъ существованнн процесса навязывается даже и самому невнимательному наблюдателю. Это наводитъ его на мысль о существованнн безсознательнаго проявленнн мысли. Онъ явно совершенно не думаетъ о томъ, что тотъ мыслительный процессъ, который онъ называетъ сознательнымъ, можетъ соотратиться до мгновенной внезапности въ проявленнн; онъ постоянно говоритъ о продолжительности, какъ о необходимомъ признакѣ сознательнаго мышленнн и противопоставляетъ ему внезапность безсознательнаго. Въ то же время онъ опять такъ достаточно глубокий мыслитель, чтобы понять, что мысль не можетъ быть безсознательной, а потому онъ приписываетъ безсознательность волѣ. О неправоильности отдѣльнаго олицетвореннн мысли и воли мы уже говорили и такимъ образомъ передъ нами постепенно все яснѣе обозначаются тѣ причинн, по которымъ Гартманъ желая уйти отъ Сциллы механическаго мировоззрѣннн кончалъ въ омутъ безсознательной воли. Если мы припомнимъ какинъ образомъ человѣкъ учится даже такимъ весьма несложнымъ вещамъ какъ вязать чулокъ, грести, ходить, то мы легко убѣдимся, что созиданнн новой мысли требуетъ времени, а между тѣмъ единица вещества, организмъ и проч. вѣчно находится въ такомъ положеннн какъ человѣкъ въ толгѣ: напоръ, усиленный дѣйствиємъ массы, дѣлается неудержимымъ,—или немедленнн ствѣтъ или погибеть. Это вызываетъ въ мыслительномъ процессѣ дѣйствнн, основанное на выводѣ изъ возможно меньшаго числа ощущеннн, лашъ бы оно было быстрее и удовлетворяло первой потребности; отсюда возникаютъ эмпиричеснн понятнн, эмпиричеснн образъ дѣйствнн, которыя и составляютъ главную массу человеческихъ понятнн и дѣйствнн. Разъ

оказавшись годными къ дѣлу они повторяются миллионами людей и, въ теченіи тысячелѣтій, изъ нихъ создается неодолимая рутина; новыя понятія и дѣйствія, созданныя на основаніи болѣе глубокаго разсмотрѣнія ощущеній, порождаются и распространяются чрезвычайно медленно. Отсюда являются повторенія, которыя для насъ, на первый взглядъ, совершенно немотивированы: вы видите ясно, что то же самое можно было сдѣлать иначе, часто даже лучше, откуда же это упорное и бессмысленное повтореніе? Вы забываете, что вы только потому видите возможность и разнообразіе и улучшенія, что у васъ есть время обдумать, недостаточная масса ощущеній и достаточная сила способности, чтобы понять и путь разнообразія и путь улучшенія. Жизнь же не ждетъ, она не сараниваетъ собраны ли и сгруппированы ощущенія, развиты ли способности, она напираетъ и требуетъ немедленнаго дѣйствія и вотъ является эта въѣзвѣчная рутина, которая вѣчно носитъ на себѣ печать бездѣлности и такъ глупа въ своемъ единообразіи. Чѣмъ ниже способности, впечатлительность и развитіе челоуѣка, тѣмъ болѣе вы видите его въ рукахъ у этой рутины. Чѣмъ неразвѣтвѣ массы, тѣмъ болѣе вся ихъ жизнь и вся ихъ дѣятельность регулируется неизмѣнными обычаями, которыя получаютъ неотрицательную силу въ душахъ людей; укореняясь обычай переходитъ наконецъ въ инстинктъ и сливается съ нимъ. Если отъ людей вы переходите къ еще менѣе впечатлительнымъ существамъ, къ животнымъ, обычай дѣлается еще болѣе неизмѣннымъ, еще чаще переходитъ въ инстинктъ; поверхностному наблюдателю кажется уже что все тутъ дѣлается инстинктивно. Рутинная иррациональность инстинктовъ и обычаятъ, тупое слѣдованіе имъ и въ такихъ обстоятельствахъ, для которыхъ дѣйствіе совершенно не годится побуждаетъ наблюдателя отрывать въ нихъ существованіе мышленія. Но съ другой стороны изъ этой самой неизмѣнности вытекаетъ то, что все окружающее начинаетъ къ нимъ примыкаться, какъ въ явленіи, на повтореніе котораго всегда можно рассчитывать. Отсюда выводить, что чрезъ это самое тупое единообразіе между ними и окружающимъ является извѣстная гармонія. Подмѣчая сегодня слѣпое тупоуміе этихъ дѣйствій, наблюдатель отказываетъ имъ въ подкладкѣ мыслительнаго процесса, а подмѣчая завтра ихъ гармонію съ окружающимъ, онъ приходитъ въ восторгъ и дѣлаетъ столь же ошибочное заключеніе, приписывая имъ необыкновенную глубину мысли и пониманія. Такъ какъ устанавливающаяся такимъ образомъ гармонія между дѣйствіемъ и его обстановкой возрастаетъ соразмѣрно со степенью единообразія, съ которымъ оно повторяется, а степень этого единообразія возрастаетъ съ уменьшеніемъ впечатлительности и мыслительной способности дѣйствующаго

существа, то отсюда и выходитъ у наблюдателей наклонность все въ большихъ размѣрахъ приписывать самому существу тупоумную сторону дѣйствія, а ту, которая кажется мудрою, гармоническою другому, высшему существу. Кажущаяся мудрость обычая приписывается мудрости предковъ а тупоуміе дѣйствій, вытекающихъ изъ обычая—тупоумію и неразвитости современниковъ; мудрость инстинкта относится на счетъ мудрости, виновнаго его такого или другаго высшаго существа или по Гартману предвѣчной мысли, а нелѣпости инстинктивныхъ дѣйствій относятся на счетъ глупости животнаго. Слѣдя за постепеннымъ уменьшеніемъ впечатлительности мы дойдемъ и до неорганической природы и теперь намъ будетъ уже совершенно ясно та постепенность, въ которой возрастаютъ рутинность и единообразіе съ уменьшеніемъ впечатлительности и мыслительной силы; то обстоятельство, что явленія неорганической природы выражаютъ собою мысли, которыя повторяются въ поразительно большихъ размѣрахъ и съ поразительной неизмѣнностью, будетъ казаться намъ уже естественнымъ послѣдствіемъ мышленія столь мало развитыхъ единицъ вещества. Для насъ будетъ совершенно понятно и то, почему люди съ одной стороны никакъ не могли видѣть въ нихъ мысленія единицы—повтореніе было слишкомъ тупоумно; а съ другой, почему они въ этихъ же самыхъ явленіяхъ мыслей видѣли такую необыкновенную мудрость и приписывали ихъ богатъ,—откуда все эти сантиментальные возгласы о гармоніи въ природѣ и т. д. Когда послѣдствія проявленій были скверныя, это относилось даже не на счетъ глупости проявившихся единицъ вещества, какъ въ инстинктахъ животныхъ, а на счетъ случайности; единицы вещества казались болѣе чѣмъ глупыми, онѣ были ослѣдствіемъ отсутствія мысли,—мертвой механической силой. Представленіе о необычайной мыслительной силѣ перодичнаго всегъ эти мудрая проявленія мыслителя было, конечно, въ рѣзкомъ контрастѣ съ безконечно тупоумнымъ единообразіемъ проявленій; необычайная мыслительная сила, одаренная громадною впечатлительностью, должна была бы отличаться крайнимъ разнообразіемъ и быстрымъ совершенствованіемъ своихъ проявленій; но люди не вдумывались такъ глубоко въ дѣло, чтобы до этого додуматься. Не додумался до этого и Гартманъ; рутинное возрѣніе имѣло на него слишкомъ большое вліяніе и у него весь неорганическій миръ есть проявленіе одной, великой, гармонической мысли. Ему не приходитъ въ голову, что такая мысль никакъ не могла бы проявляться съ тѣмъ слѣпымъ и безконечно тупоумнымъ безразличіемъ и единообразіемъ, на которое мы ватаквиваемся повсюду въ неорганической природѣ, и которое носитъ на себѣ несомнѣтельный печать крайне ограниченной впечатлительности и умственной силы.

VI.

Происхождение религиозного инстинкта из мыслительного процесса.

Потребность укрепить мышление породило еще другой факт. Сделав однажды вывод из впечатлений, человек не потерял этого процесса а при дальнейшем мышлении пользовался созданным уже понятием не выходя в него. Подобными понятиями, делаясь исходной точкой для дальнейшего мышления, деревенские и становились такими же рутинными как и эмпирические действия. Наконец они уже не выработывались а просто передавались от одного человека к другому и из поколения в поколение. Их накапливается такое множество, что они дают случай молодому поколению быть более прогрессивным чем их отцы, не смотря на меньшую опытность и силу, только не тому, что вступая к жизни сначала им приходится пересматривать и проверять понятия, которые у родителей уже утвердились раз и навсегда. Исходя от множества понятий, процесс возникновения которых уже совершенно утратился из памяти людей, для них часто окончательно невозможно достигнуть, каким путем они дошли до последних своих выводов и действий. Эти выводы кажутся им теперь основанными на чем то совершенно другом а не на мышлении, они их называют то инстинктами, то природными идеями, аксиомами, априорическими суждениями и т. д. Между тем, процесс мышления человеческого не есть исключительный продукт одной какой либо единицы его вещества, а есть сложный продукт многих, производящих друг на друга впечатлительные единицы его тела; это впечатлительные отражается в других подобных единицах ощущением; чрез это самые понятия могут превращаться в ощущения. Это окончательно сбивает человека со толку; теперь ему кажется уже, что он действует вовсе не на основании созданных из впечатлений понятий, а на основании ощущений, совершенно непонятного для него происхождения, независимых от него инстинктов, чувств и страстей. Из такого сцепления обратившихся в рутину заключений и чувств, в

человеке создается такое дело, которое ему также трудно разобрать и понять как и устройство своего тела. Сближение этого явления внало в заблуждение и Гартмана наравне с большинством людей, оно даже ему первое основание к его идею о существовании бессознательной воли. Он видит в человеческих действиях не только проявления сознательного мышления, но и осуществление мыслей вовсе человеку не принадлежащих а принадлежащих той предвечной мысли, которая осуществляется бессознательной волею. Эти бессознательно осуществляемые человеком мысли, по его мнению, существенно отличаются от выводов, созданных самим человеком из впечатлений, своим ясновидением. Мы в них видим предусмотрительность, к которой данный человек совершенно не способен и проявления знания, которое ему не доступно. Если мы будем делать наблюдения над своим собственным мыслительным процессом т. е. единственных непосредственных наблюдений, которые мы можем сделать по отношению к нему, то мы убедимся, что в известном смысле можно сказать, что нам случается осуществлять чужую мысль, не каким образом?— Эта мысль никогда не входит в нас, а действует на нас только как впечатление; наравне с другими впечатлениями она составляет материал, из которого мы создаем уже собственную свою мысль и эта последняя осуществляется: она осуществляется тем же самым путем, которым в человеке осуществляется и вся прочая выработавшаяся в нем мысли т. е. тем путем, который Гартман называет путем сознательной воли. Вследствие того, что мы говорили выше, мысли наши, имеющие подобное происхождение могут быть и сознательно выработанными и явившимися в нас такими путями, о которых нам очень трудно дать себе отчет; но те обстоятельства, что чужая мысль может будто бы войти в нас и осуществиться особой, независимой от нас бессознательной волей, безусловно отвергается всяким правильным наблюдением. Даже сам Гартман никогда бы не стал этого утверждать, если бы дело представлялось ему с этой точки зрения; но так как он никогда не думал о том, что значит выражение: «мы имеем одну и ту же мысль», и до какой степени подобное выражение означает олицетворению мысли и превращению ее в особое существо, способное переходить из тела в тело; то олицетворяя мысль он впадал в ту же ошибку, в которую впадал естествоиспытатель, олицетворявший силу и представлявший себе ее как нечто способное переходить из тела в тело. Ему стало казаться, что посторонняя мысль может забираться в вас и хозяйничать со пошью бессознательной воли. Так как Гартман лучше других понимает,

что человеческий организм состоит из отдельных друг от друга единиц, то ему, в особенности при его большой глубине и проникаемости, легче других было понять как тут делаются дела, если бы он также усердно ознакомился с науками, говорящими о действиях человека, как он познакомился с некоторыми отраслями естественных наук. Но ему явно не хватает того впечатления, которое производит история человека и которая изображает перед нами в настоящем всё эти понятия о ясновидении и об инстинктах человеческих. Стремление к ясновидению вы встречаете уже на очень низкой степени человеческого развития. Оно произошло в нем не какиминибудь сверхъестественными путями а самыми понятными путями мыслительного процесса. Та форма, в которой проявляется это стремление у дикаря и даже просто у необразованного человека, всего яснее показывает нам, что в основании тут лежит не какойнибудь непонятный истинный а эмпирическое мышление т. е. именно самый обыкновенный род мыслительного процесса. Чем более необразован человек, тем более он видит недостаточность своих знаний для успеха в жизни; эти беспрерывные заключения порождают в нем слишком известный каждому подавляющий и уничтожающий страх перед будущим. По этому чужое знание, чужая способность освободить себя от этих опасностей имеют для него необыкновенную привлекательность. Если такой развитый человек как Гартманн не может проследить в себе как у него являются мысли; если он мог остаться при убеждении, что самые глубокие и верные его мысли вытекают к нему извне, суть порождения действующей в нем предвечной мысли, то дикарю происхождение громадного большинства его мыслей совершенно непонятно, — ему кажется, что он их просто угадывает; способность угадывать верную мысль, хитрость, смелость, кажутся ему наиболее привлекательными качествами. Все сказания, сказки, легенды исторические и мифологические заключают в себя сколько восхищение способностью угадывать, находчивости. Так как рациональность есть путь, которым безграмотный человек может достигнуть очень немногое, то она вовсе и не дается, а архивив, которым ищется угадывание есть успех. Воображение дикаря наполняется картинками необычайных успехов; мифологические, легендарные и сказочные герои делают постоянно вещи безприветвенные, безжалостные, неразумные, но догадливые, способность угадывать и успехи чрезвычайны. Пророчество, как высшая способность угадывать занимает первую ступень, хитрость вторую, рациональность и нравственность самую не видную. Таким образом на первый план выступают

субъективные идеи, но господство субъективных идей и господство авторитета неизбежно связанные вещи. Обладание пророчества может делаться источником власти, всё сильные умы стараются воспользоваться этим оружием и это делается существенным предоступлением для развития рациональности. Однакоже уже на самых низких ступенях развития мы видим борьбу рациональности с этим поверхностным мышлением. Борьба эта сначала способствует более уверенному чем истребление понятий о ясновидении: скептицизм самое естественное проявление мыслительной способности, угадывание сегодня поражает и увлекает дикаря, а завтра он относится к нему скептически; опасность для авторитета, пророческая из такого настроения, заставляет сильных смелиться и упорно укреплять веру в ясновидение. От этого история понятий о ясновидении в процесс развития человечества получает особенную окраску. В сущности оно укрепляется, и только на самых высших уровнях развития, и то только в очень слабой степени, оно начинает разрушаться; в тоже время наиболее грубые его формы постепенно исчезают и замещаются более утонченными, с которыми борьба гораздо труднее. Дикарь, который всего ближе подходит к зверю, живет одиноко, всегда молчит, имеет мало суеверий; суеверия развиваются у людей когда ум их делается деятельнее через стремление к общности; более живые сношения, большая деятельность ума порождают и стремление развивать в своей среде искусство угадывать. Когда является домогающийся и приходящий в экстаз пророк, это уже есть ступень развития суеверия. Это признак, что выдающаяся личность делает уже большие усилия, чтобы путем суеверия приобрести авторитет. За тем с мужчиною состязается в первых привадах женщина и может в качестве пророчицы стоять во главе людей. По мере развития людей домогающийся и приходящий в экстаз пророк начинает отступать на второй план, но вера в ясновидение является все таки более уверенной, — это уже первостепенное орудие для управления людьми. Начальник племени пророк также основывает свою власть на обладании сверхъестественной силой, но он пророчит уже с достоинством и считается домогающимся пророка ниже себя. На низких степенях культуры мы видим уже как религия отделяется от суеверия и суеверие опускается вниз. Мы видим борьбу родоначальника с своим родом; когда умственное движение в роду ожилается, он чувствует потребность заткнуть глотки беспокойных критиков, но оказывается, что это не так же легко, не легко ему также заставить верить в своей авторитет. Его власть подвержена величайшим колебаниям: то он может убить человека

за непризнанную вину, то он не может рассчитывать и на самое ничтожное повиновение. Он очень хорошо чувствует, что его человеческая слабость, сопоставленная с баснословными преданиями о необычайных качествах и подвигах несуществующих уже родоначальников, постоянно срысывает с него ореол. Да и не он один, все чувствуют потребность в существовании власти, она чувствуется с увеличением населения и там, где люди могут долго жить без всякой власти, охраняемые только мягкостью своих нравов и некоторыми обычаями. Ничто не может быть естественнее в этих случаях мысли забыть авторитет личный, авторитетом иного существа. Следя за распространением и укрощением понятия о яснovidии и воображаемых яснovidящих существах, нам, для понимания, как оно произошло из мыслительного процесса, нужно ясно себе представлять психическое настроение дикаго человека. В борьбе с природой, дикими зверями и прочее, окружающие его люди могут относиться к нему враждебно и пожалуй больше других отягчить его положение, не могут значительно облегчить его, если они к нему расположены и будут действовать с ним за одно; но за то облегчение это могут доставить ему они один; кровью людей, развѣ еще собака, но какая разница между помощью человека и собаки. Вот почему мысль о союзе с людьми поселает в человеке восторг; он очень много готов сдѣлать, чтобы поддержать расположение к себе людей и жить с ними в братствѣ, он готов действовать такъ даже не одинъ разъ а постоянно. Чтобы доставить людямъ удовольствіе онъ пляшетъ и кричалется передъ ними до изнуренія, собирающее за это аллодисменты дикарь или дикарка пріобрѣтаютъ страсть къ нимъ и мучатъ себя безвозмездно, ради похвалы. Человекъ мучитъ себя, украсилъ свою особу; чтобы показать свою преданность обществу уродуетъ себя и отрубаетъ себѣ члены. До сихъ поръ мы еще ясно можемъ видѣть происхождение подобныхъ явленій изъ самыхъ понятныхъ эгоистическихъ расуждений. Но эти явления сопровождаются восторгомъ, мысль о созиданіи союза вмѣсто невыносимо-тягостнаго, неопредѣленнаго или враждебнаго отношенія производитъ восторгъ и въ дашемъ впечатлѣніе и въ воспринимующихъ его. Восторгъ какъ чувство необыкновеннаго благостоянія самъ по себѣ есть крайнее удовольствіе. Человекъ ищетъ этого удовольствія уже ради его самаго и чтобы его произвести въ себѣ готовъ привыкнуть себѣ большее зло. Подъ влияніемъ такихъ впечатлѣній человекъ доходитъ до самоотверженія: въ бою готовъ отдать свою жизнь за общество, въ плѣну готовъ позволить себя замучить до смерти героически защищая своихъ. Преданность обществу и готовность переносить страда-

нія ради тѣхъ благъ, которыя доставляетъ союзъ, превращаются въ рутинныя представленія о необходимости приносить жертвы для общества и о прелестяхъ самоотверженія, которыхъ порожденіе путемъ мыслительнаго процесса на первый взглядъ уже совершенно не понятно. Дѣйствительно до тѣхъ поръ, пока мы не освоились со способностью мыслительныхъ процессовъ обращаться въ такую бессмысленную рутину, что они, въ неорганической природѣ, кажутся намъ неизлечимыми законами, до тѣхъ поръ какъ очень трудно будетъ понять происхождение самоотверженныхъ чувствъ изъ мыслительныхъ процессовъ. Но когда мы это поймемъ, тогда мы увидимъ какъ человекъ облагораживался путемъ этой же самой рутины. Увлекаемый къ самоотверженнымъ поступкамъ этой же самой привычкой мыслить известнымъ образомъ черезъ постоянное явно-пальсное и ничего не стоящее восхваленіе прелести самоотверженія, въ то время, когда оно не требуетъ отъ него никакихъ жертвъ, онъ сталъ понимать достоинство жизни, руководящейся не только однимъ грубо эгоистическими побужденіями. Люди внушая другъ другу восторженные чувства, въ то же время существеннѣйшимъ образомъ охладжали ихъ. Эта способность охладжаться и переходить къ совершенно другимъ чувствамъ показываетъ намъ еще яснѣе, какъ даже эти чувства перешедшія въ истинныя, совершенно ясно облачаютъ печать своего происхожденія отъ мыслительнаго процесса, который, будучи единственнымъ ихъ источникомъ, никогда не утрачиваетъ способности видоизмѣнять и даже уничтожать ихъ наравнѣ со всеми другими ощущеніями. Такъ какъ потребность установляетъ союзъ между людьми, по причинѣ очевидной пользы отъ этого для каждой отдѣльной личности, неизлѣнно продолжаетъ существовать а взаимныя дѣйствія дикарей легко порождаютъ взаимную, навсегда расталивающую людей ненависть или отвращеніе, то всегда существуетъ потребность приискуплять къ взаимной угодливости новыми, связывающими чувства, которыя едятъвали бы ненависть и отвращеніе. Для этого люди переносятъ уже укоренившіяся въ нихъ привычки угодливости и самоотверженія на возбуждаемыя существа. Это дѣлается для нихъ возможнымъ черезъ вышеописанный путь сказки, легенды и мифа. Нужно только убѣдить человека, что это воображаемое существо живетъ и дѣйствуетъ, что оно относительно его можетъ играть такую же роль, какъ и живые люди и изъ воображаемаго существа можно сдѣлать гораздо лучшее связывающее начало, чѣмъ изъ живаго. Все вызывающее негодованіе или презрѣніе можно отнести на счетъ людей, дѣйствующихъ именемъ воображаемаго существа, а все внушающее уваженіе или повиновеніе на счетъ самаго этого существа; и дѣйствительно мы видимъ,

что всего долее сохраняется и всего выше возрастает авторитет отсутствующих царей и богов. Таким образом мы видим, что развитие религиозных чувств находится в самой осязательной и тесной связи с развитием организации и потребности в организации. Прежде всего вы видите, что религиозные понятия основываются на всех родах заключений и на всех чувствах, способных сдѣлаться достаточно сильными, чтобы служить имъ мочвою. Всё понятиемъ вывести религію или религиозный инстинктъ изъ одного какого-нибудь ряда заключений или изъ одного какого-нибудь чувства оказывалось и всегда будетъ оказываться односторонними и неудовлетворительными. Лишь только путемъ постепенныхъ повтореній достигали того, что человекъ начиналъ вѣрять въ возможность существованія воображаемой силы и воображаемого существа, всякій существующій и воображаемый предметъ могъ дѣлаться предметомъ обожанія и дѣйствительно мы видимъ, что обожаніе оказывается разнороднѣйшимъ предметомъ; ни уваженіе предковъ, ни обожаніе героевъ, сила природы, ни обожаніе силы вредныхъ или полезныхъ явленій, животныхъ или людей, не сосредоточиваютъ на себѣ обожанія исключительно. Такъ какъ религія произошла изъ стремленія къ организаци, которое чувствовало недостаточность живыхъ авторитетовъ и убожество дополнять ихъ воображаемыми, на которыхъ путемъ легендарныхъ и мифическихъ сказаній переносились самоотверженные чувства, возникшія изъ стремленія заручиться привязанностью людей, — то собственно предметъ обожанія сдѣлался уже безразличнымъ, — всё одинаково могли быть разукрашены мифами и легендами. Для порожденія самоотверженныхъ чувствъ привязанности, вѣрности, преданности достаточно имѣть способность думать и понимать пользу и осуществимость союза съ другимъ существомъ; животное способно къ такому пониманію, можетъ смущать на себѣ и пользу и осуществимость союза, поэтому у него и самоотверженные чувства проявляются также какъ у человека. Но для того, чтобы путемъ искусственного восхваленія другъ другу воображаемого существа перенести на него рутину этихъ чувствъ и еще въ болѣе высокой степени, чѣмъ по отношенію къ людямъ, нужна рѣчь, постоянно повторяемые рассказы о воображаемыхъ наказаніяхъ и благодѣяніяхъ, легенды, мифы. Если въ человекѣ и оказывается возможнымъ породить понятіе о воображаемомъ существѣ и побудить обратить къ нему свои самоотверженные чувства, то все-таки невозможно вложить эти чувства въ него извнѣ; онъ только воспринимаетъ впечатлѣнія, но остается самостоятельно мыслящимъ существомъ. Отсюда происходило затрудненіе организаторовъ заставить людей сосредоточивать свои религиозныя чувства именно на тѣхъ

существомъ, на которыхъ это было желательно. Человекъ поддавался всякимъ впечатлѣніямъ достаточно сильнымъ и эффективнымъ: кудесникъ, колдунъ представляли существенную конкуренцію организующимся властямъ; амулетъ, талисманъ, — общему божеству. Для превращенія религиознаго чувства изъ мыслительнаго процесса главныхъ путей два: съ одной стороны напораніе на человека энергическимъ и настоятельнымъ общественнымъ мнѣніемъ, и — уданіе всего, что могло бы наводить человека на другія мысли. Рѣское преимущество объединенія религіи перешло навязываемъ свесей съ неотразимой убѣдительностію обнаруживается при сравненіи образа дѣйствія евреевъ съ образомъ дѣйствія азычниковъ. Сравненіе евреевъ съ азычниками показываетъ намъ также какъ необходимо было во времена первыхъ цивилизацій присоединить религію къ другимъ орудіямъ централизаціи. Евреи могли дѣлать завоеванія, но никогда не могли создать сколько нибудь обширнаго и прочнаго государства. Религиозное чувство къ чему нибудъ создается обращеніемъ въ рутину извѣстныхъ повѣстій и перенесеніемъ на нихъ опытъ таки въ рутину обратившихся чувствъ самоотверженія. Не именно по этому оно и раздѣляло участь всѣхъ обратившихся въ рутину идей и чувствъ, — оно истоянно переживало цѣль, для которой оно было создано. Централизованное общество развивалось на части, погибало а религія оставалась; такимъ образомъ религія, возникавшая преимущественно изъ потребностей политической организаци, отдѣлялась отъ этой организаци. Сначала мы видимъ, что глава семейства, рода, общины былъ и служителемъ религіи, а потомъ духовенство начинаетъ уже составлять отдѣльные роды *), отдѣльное сословіе. Глава духовенства не слѣзается съ высшей организацией, а состоитъ въ ней только звѣно. Дѣлается конкуренція между мѣстными религиозными и другія самоотверженныя чувства: обожаніе героини, преданіи родовымъ и наследственнымъ властямъ, роду, отечеству. Успѣшностью ихъ дѣйствія на людей опредѣляется и ихъ значеніе въ государствахъ. Глада на работу этой конкуренціи вы истоянно видите,

*) У насъ до сихъ поръ о первобытномъ родѣ имѣютъ самое невѣрное и смѣшное понятіе. Полагаютъ, что подъ словомъ родъ разумѣли въ древности союзъ родственниковъ, тогда какъ подъ этимъ словомъ разумѣли великаго рода автономнаго и имѣющаго внутреннюю самостоятельную организаци единицу. Человекъ говорилъ: «я рода русскаго», вмѣсто того, чтобы сказать, я принадлежу къ государству русскому — «боринъ съ родомъ», «патриціи съ родомъ», вмѣсто того, чтобы сказать — «воякѣстными»; «родъ марбу», «родъ браминовъ», вмѣсто сословія — словомъ родъ отличалась естественно создававшаяся отъ искусственной единицы.

взгляды и чувства отразились на взглядах и чувствах браминов еще сильнее, чем взгляды и чувства гересев на древних военных сословиях. Аскеты выдвинули и специализировали религиозное чувство из всей той смеси, от которой оно произошло; из рутинных самоотвержений всякого рода, они выдвинули специально религиозное самоотвержение и поставили его выше других, они выдвинули религию и из области организаторской политики и из области суеверия; в том же виде, в котором мы его встречаем в нашей среде, религиозное чувство было создано аскетами. Только там, где влияние аскетизма было преобладающим в области религии и выработался религиозный инстинкт и глубокая религиозность, как мы ее понимаем. Аскеты выработали наиболее глубокая и возвышенная нравственная идея, они сдвинули из религии норму жизни и нравственности и устремились на то, чтобы дать ей высшее место в мировоззрении людей. Религиозные учения наиболее развиты и наиболее развились религиозное чувство всё происходит от аскетов. Аскетизм был источником религий в Индии, в Египте, он породил буддизм, пророки были аскетами евреев. Только аскеты поставили религиозное чувство на такую высоту, что божество стало неизмеримо выше царей земных, что воздавать царям божеския почести стало считаться святотатством и преступлением; религия, порождаемая аскетами вышла прямо из философского мышления, их мысль была субъективная, мы можем сознавать преимущества общечеловеческой мысли перед субъективной, но ни в каком случае нельзя утверждать, чтобы субъективная мысль была чем нибудь другим, а не порождением мыслительного процесса. Таким образом, религиозный инстинкт представляет нам весьма интересный образец инстинкта, которого происхождение путем мыслительного процесса можно проследить сь большою ясностью.

VII.

Происхождение родительских инстинктов из мыслительного процесса.

Понятие о возможности ясновидения не только не исчезло, но сохранилось даже в наиболее проникательных и светлых личностях нашей цивилизации и продолжает вводить их в заблуждение, как в самые древние времена самых ограниченных дикарей. Никто не будет спорить у Линкольна права называться одною из самых светлых личностей нашего времени, однакоже Линкольн вврил самъ. В день своей смерти, на светъ, онъ рассказавъ, что выдвль сонъ, некоторый предсказываетъ ему важное и счастливое происшествие; онъ утверждалъ на этомъ основали что получитъ известие о побѣдѣ Шермана надъ Дженстономъ и дѣлалъ распоряженія на случай такого известія и на случай если югъ впадетъ покориться. Однакоже ясновидіе до такой степени обмануло его, что вѣсто счастливаго происшества съ нимъ случилась смерть. Причина такой упорной вѣры въ ясновидіе понимается каждымъ очень ясно, — это страхъ передъ будущимъ и желаніе угадать его. Однакоже исторія этой вѣры есть исторія постепеннаго и весьма сумественнаго упадка. Еще во время грековъ и римлянъ шюя и гадатели составляли официальное учрежденіе, безъ слова которыхъ власти не могли дѣйствовать. Греческая исторія повѣствуетъ впрочемъ и о томъ, что ясновидіе обманывало; известно likewise предсказаніе, которое погубило греческій флотъ подъ Сиракузами, во известю также какъ все тутъ свалено было не на обманчивость ясновидіа а на несловность жреца. Съ того времени ясновидіе до такой степени дискредитировало себя, что и христіанская и магометанская религии отнесли его уже въ область недовольтельнаго суеверія, порождения языческаго невежества и это не смотря на то, что самъ Магометъ вврил самъ, въ средніе вѣка. Въ настоящее время, въ магометанскомъ мірѣ, астрологія и ясновидіе играютъ еще весьма видную роль, въ частной жизни они

руководят еще человека во его поступках, но они утратили уже свой официальный и принудительный характер. Люди начинают смотреть на свою приверженность к гадам как на слабость и на малодушие, приблизительно также, как они смотрят на сладострастие, алчность, страсть к вину и другие пороки; они постоянно им предаются, даже отстаивают энергически свою перочность от подавления и все таки сознают, что это неправильный образ действия. В цивилизованной Европѣ гады и ясновидіе уже вовсе перестало быть руководителем в жизни, оно возбуждает интересъ въ обширныхъ разѣрахъ, но служитъ уже забавой а не руководителемъ. Причина такого постепеннаго упадка понятія о ясновидіи, причина почему, продолжая забавляться ясновидіемъ, мы уже вовсе не страшимся ясновидящихъ и ихъ власти надъ нами а относимся къ нимъ равнодушно очень помята, да и самый вопросъ о ясновидіи какъ нельзя болѣе ноемъ. Только черезъ неуміе его поставить можетъ происходить, что даже такіе глубокіе умы какъ Гартманъ сбиваются на немъ. Почему я называю какое нибудь явленіе ясновидіемъ? Потому что я его не понимаю. Если я его не понимаю, могу я отличить въ этой области ложь отъ истины, вѣрно отъ обмана умышленнаго или неумышленнаго? Не могу. Чѣмъ отличается это явленіе отъ всѣхъ другихъ явленій, которыя я не понимаю? Ничѣмъ. Великіе знаютъ, что въ жизни, но самыя разнообразныя причинамъ, человека стараются направить къ извѣстному образу действия угрожая ему непонятными для него опасностями или пѣния его непонятными для него хершими послѣдствіями. Что сдѣлаетъ человекъ, если онъ подъ давленіемъ такихъ непонятныхъ угрозъ и обольщеній сдѣлаетъ вредную для себя и для другихъ вещь? Онъ покажетъ слабость. Ясновидіе для насъ не отличается рѣшительно ничѣмъ отъ бесчисленныхъ другихъ непонятныхъ явленій, неизвѣстное черезъ него не дѣлается для насъ болѣе извѣстнымъ ни на полволоса. По отношенію къ этому явленію единственный правильный образъ действийъ точно тотъ же какъ и по отношенію ко всему прочему неизвѣстному: я долженъ его разъяснить, а если я его разъясню, то оно перестанетъ быть ясновидіемъ, а будетъ такимъ же общечеловѣческимъ понятіемъ какъ и всякое другое. Если взглянуть на барометръ ученый предскажетъ мнѣ грозу, то это будетъ для меня ясновидіемъ только до тѣхъ поръ, пока я не понимаю, какъ онъ это сдѣлалъ и такъ всякое ясновидіе. Именно по этому ясновидіе и не можетъ составлять признаннаго въ наукѣ понятія. До тѣхъ поръ пока какое нибудь явленіе не разъяснено оно и не можетъ входить въ составъ общечеловѣческихъ и научныхъ понятій. Ясновидіе только

потому и только до тѣхъ поръ ясновидіе пока оно не разъяснено. Если въ этой области оказывается явленіе, по отношенію къ которому я могу отличать ложь отъ истины, то оно точнѣе же извлекается изъ сферы ясновидіи и переходитъ въ сферу общечеловѣческихъ или научныхъ понятій. Не именно потому, что я во всей сферѣ ясновидіи не могу отличать ложь отъ истины, а не могу и убѣдиться научнымъ путемъ что ясновидіе существуетъ. Чтобы сказать съ научной увѣренностью о какомъ нибудь явленіи—это ясновидіе, т. е. безусловно истинное предвидіе или предсказаніе, я долженъ знать его такъ, какъ я ничего знать не могу, я долженъ знать процессъ его появленія гораздо глубже, чѣмъ я знаю напр. процессъ предсказанія бури по барометру, потому что это предсказаніе для меня весьма условная а вовсе не безусловная истина, даже гораздо глубже, чѣмъ процессъ вычисленія движенія небесныхъ тѣлъ, потому что и тутъ я знаю по опыту, что возможны ошибки. А между тѣмъ я потому называю явленіе ясновидіемъ, что а его не понимаю; не только съ научной, но ни съ какой увѣренностью объ немъ говорить не могу. Вводитъ въ науку понятіе о ясновидіи какъ дѣлаетъ Гартманъ, это значить въ конецъ не понимать, что такое наука и что такое научное понятіе. Философія Гартмана представляетъ намъ къ несчастью примѣръ неотрашимой убѣдительности, показывающей, что можно быть весьма глубокимъ мыслителемъ и все таки не понимать, что такое наука и что такое научное понятіе. Спиритизмъ напр. течно такое же непонятное явленіе какъ и вслкій фокусъ; какъ и бесчисленное множество другихъ, онъ можетъ начать заслуживать вниманія только тогда, когда бы онъ началъ получать научное разъясненіе, подобно фокусу, за которыми скрывалось бы неизвѣстное въ наукѣ физическое или химическое явленіе, а до тѣхъ поръ шумъ производимый изъ за него будетъ объясняться только слабостью человѣческой заглядывать въ будущее и такими путями, на которыхъ человекъ не можетъ отличать ложь отъ истины. Мало того, что Гартманъ вводитъ въ науку понятіе во всѣхъ отношеніяхъ не научное, онъ обращается съ нимъ съ такой легковѣсностью, необдуманностью и небрежностью, что остается только удивляться до какой степени серьезный человекъ можетъ быть ослабленъ предвзятымъ мнѣніемъ. Для него оказывается возможнымъ находить ясновидіе въ такихъ явленіяхъ, къ которымъ стоить отнести хотя сколько нибудь внимательно, чтобы убѣдиться прямо въ противоположномъ. Излишне слѣдить за нимъ во всѣхъ подробностяхъ его аргументаціи, это потребовало бы слишкомъ много мѣста и безплодно употребленнаго времени. Мы обратимъ вниманіе только на нѣкоторыя явленія, кото-

рым и Гартманъ придаетъ перлостепенное значеніе. Большое значеніе для своего понятія о ясновидѣніи Гартманъ придаетъ явленіямъ, которыя сопровождается любовью и преодоленіе расы. Мы не будемъ говорить здѣсь о физиологической сторонѣ, о томъ какъ дѣлается клеточка, какъ изъ этого происходитъ образование организмовъ и ихъ размноженіе, объ этомъ мы будемъ говорить ниже, когда мы будемъ говорить вообще о физиологическихъ отравленіяхъ. Здѣсь мы замѣтимъ только что это физиологическое отравленіе, на сколько оно совершается безъ вѣдома, мыслящаго и дѣйствующаго человѣка, точно также какъ и всякое другое физиологическое отравленіе, не впадаетъ въ него никакой мысли, ни ясновидящей, ни неясновидящей, ни безсознательной, ни сознательной, а производить впечатлѣніе; точно такое же впечатлѣніе какъ всякое другое, внѣшнее и внутреннее впечатлѣніе. Это впечатлѣніе мыслительный процессъ превращаетъ въ ощущеніе, которое даетъ ему возможность измѣрять и специализировать его, когда онъ найдетъ нужнымъ какъ имъ работать. Ощущеніе составляетъ отъ него впечатлѣнія; это ощущеніе на столько же въ рукахъ у мыслительнаго процесса какъ и всякое другое; въ извѣстныхъ предѣлахъ онъ можетъ отвѣчать и не отвѣчать имъ на впечатлѣніе, онъ дѣлаетъ изъ него, какъ и изъ всякаго другаго, пріятное и непріятное ощущеніе. Какъ и во всѣхъ другихъ ощущеніяхъ, онъ въ этомъ случаѣ руководствуется настоятельностью впечатлѣнія и удобствомъ, съ которымъ онъ можетъ дѣйствіемъ помогать нормальности хода физиологическаго отравленія. Но и то и другое ощущеніе обращается въ рутину и въ извѣстныхъ рядахъ случаетъ уже перестать соответствовать своему назначенію. Мы имѣемъ самую несомнѣнную и бесчисленную доказательства происхожденія изъ мыслительнаго процесса тѣхъ взглядовъ и чувствъ, которыя обезпечили размноженіе рода человѣческаго. Это обстоятельство доказывается гораздо легче, чѣмъ происхожденіе изъ мыслительнаго процесса религіозныхъ чувствъ. Чѣмъ разрозненнѣе дикари, тѣмъ выгодае каждому изъ нихъ имѣть большее семейство, а многочисленный родъ составляетъ еще большее преимущество; даже и въ наши дни большое семейство для русскаго крестьянина источникъ благосостоянія. Но физиологическія потребности и вытекающіе изъ нихъ инстинкты были совершенно недостаточны для размноженія семейства и рода. Вотъ почему уже на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія, люди стараются создать у себя такіе обычай, также общественное мнѣніе, которое бы присовокупило къ физиологическимъ инстанткамъ рутинныя чувства и понятія, обезпечивающія размноженіе рода человѣческаго. Но это, сначала, именно

по крайней неудовлетворительности физиологической стороны дѣла, удается имъ очень плохо и только мало по малу они въ этомъ успѣваютъ. Физиологически условія таковы, что для того, чтобы дѣло шло успѣшно нужна большая солидарность въ семействѣ и предумоуслительность въ его членатъ, а это можетъ быть произведено только мыслительнымъ процессомъ и производится съ трудомъ. Мужъ смотритъ за женою, навазаніями и угрозами заставляетъ ее ходить за дѣтми, бьетъ ее за недосмотръ и даже убиваетъ если онъ умретъ, но за то онъ на нее взваливаетъ всѣ тягости и самъ ничего не хочетъ дѣлать; родъ смотритъ за мужчиной и дѣйствуетъ на него своимъ вліаніемъ. Всюкій желаетъ многочисленности и могущества рода, но всѣ тягости онъ старается взвалить на другихъ, а самъ воспользоваться только выгодами. Дѣла очень плохо идетъ на ладъ, население не размножается и часто убываетъ. Всѣ единодушно стараются въ обществѣ прививать, укоренять и обращать въ глубокое вѣдрившуюся рутину самоотверженныя семейныя чувства и все-таки дѣло совсѣмъ не удовлетворительно, — тысячилѣтія проходятъ, а семейства не размножаются. Постоянно толкуютъ о священныхъ узакъ семейства, о священной власти родительской и относительно женщинъ дѣйствительно достигаютъ замѣчательныхъ результатовъ. Съ нелепою она воспитывается въ идеѣ почитанія семейства и старшихъ и до смерти не выходитъ изъ повиновенія. Изъ юности въ некоемъ всѣ ея чувства, всѣ ея взгляды неизменно формируются въ одномъ направленіи. Жена простаго человѣка она должна воспитывать для наго дѣтей охотно, съ любовью; только тогда она можетъ рассчитывать на милость и привязанность съ его стороны; жена знатнаго, — она должна восхитаться ими, обожать ихъ и ставить выше себя, это пледъ ея великодушнаго востеленія; въ гаремѣ она прислуживаетъ своимъ дѣтямъ, она рабыня, служанка, а ели потомки ея господина. Богатый человѣкъ сначала требуетъ этихъ чувствъ отъ своихъ женъ для того, чтобы имѣть большой родъ, затѣмъ, когда оказывается, что всѣ пріемы дикарей и гаремнаго человѣка оказываются неудовлетворительными для созданія такихъ семейныхъ нравовъ, изъ которыхъ возникли бы могущественныя общества, тогда создается и утверждается идея единоженства: родовая гордость видоизмѣняется, бѣдный человѣкъ по прежнему воспитываетъ дѣтей для выгоды, а богатый ради продолженія рода. Но съ единоженствомъ у богатаго человѣка является любовница, естественная соперница жены; богатая женщина старается поставить самую рѣзкую грань между собою и любовницею и эту рѣзкую отличительную черту составляетъ или ея аристократическій тонъ или ея семейныя добродѣтели. Теперь Гартманъ беретъ женщину изъ образованнаго круга, воспи-

танную въ той средѣ, гдѣ семейная добродѣтель служитъ источникомъ и матеріальнаго обозначенія и почетнаго положенія женщины и замѣчаетъ, что легко найти женщину, способную остроумно критиковать Софюла и Шекспира и которая восхищается, что ея ребенокъ произнесъ А. Еще бы ей не восхищаться: когда она была раба и въ величайшемъ презрѣніи, если она имѣла возможность хотя сколько-нибудь приобрести уваженія, то только въ качествѣ воспитательницы молодого поклажня, будущей силы рода; когда она была гаремная женщина, она опять была раба и лишь только ея прелесть начинала увядать, она могла спасти себя отъ крайняго предѣла нужды и угнетенія счастливыми своими соперницами только на томъ основаніи, что она мать дѣтей своего поклажня. Когда желаніе создать изъ себя могущественную, оживленную мужественнымъ духомъ общину побудило мужчинъ въ учрежденію моногаміи, она въ качествѣ римской матроны и проч., стала пользоваться неслыханнымъ до той поры почетомъ, какъ воставица и воспитательница гражданъ, украшенныхъ всеми республиканскими добродѣтелями. Для того, чтобы дать ей тѣ возвышенныя чувства, которыя необходимы для такого воспитанія, настаивали на высшей степени выгодной для ней строгости нравовъ. Въ эти времена люди поняли общественное значеніе подобныхъ возрѣвій, они развивались и все болѣе уверялись въ многогачическихъ обществахъ. Если бы женщины были въ полномъ смыслѣ слова классія дуры, то и тогда бы онѣ поняли какъ необходимо для нихъ восхищаться когда ихъ ребенокъ произнеситъ А, и прекратили бы идею материнской любви въ рутинное чувство и въ истиннѣ. Однакоже, если бы Гартманъ сзубилъ отнестись къ этому предмету хотя сколько-нибудь научнымъ образомъ, то онъ именно тутъ и увидѣлъ бы, что нѣтъ никакой природы, никакой предвѣчной и ясновидящей мысли, которая дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи въ человѣкѣ. Оказывается, что мать и отецъ не только не имѣютъ неодолимаго природнаго стремленія воспитывать и сохранять жизнь своихъ дѣтей, но что вся дѣятельность, которая нужна для этого воспитанія и сохраненія жизни крайне для нихъ непріятна и отяготительна. Не смотря на полновѣсныя причины, которыя имѣетъ образованная мать, она старается дѣлать тутъ только столько, сколько неизбежно, чтобы вышнимъ видомъ материнской любви сохранить на себѣ ореолъ семейныхъ добродѣтелей. Всю дѣятельность воспитанія, она, по примѣру отца, слихиваетъ съ себя: кормитъ ребенка ея кормилица, смотритъ за нимъ нянька, учатъ учителя. Если она какую-нибудь изъ этихъ обязанностей снова принимаетъ на себя, то это дѣлается или подъ влияніемъ окружающаго е. общественнаго мнѣнія или собственнаго мышленія, а вовсе не подчиняясь

неудержимому инстинктивному стремленію; опытъ показываетъ тутъ напротивъ необходимость одождать инстинктивное отвращеніе. Родители стремятся сдѣлать изъ дѣтей для себя забаву, или предметъ тщеславія и даже въ инстинктивныхъ заботы носить на себѣ очевидную печать своего происхожденія изъ давленія общественнаго мнѣнія, подобно нашимъ куцямъ они не даютъ своимъ дѣтямъ никакого воспитанія и систематически портятъ ихъ изъ тщеславія, пока на нихъ общественное мнѣніе не произведетъ давленія. Тогда они ихъ учатъ согласно требованіямъ этого мнѣнія, но выходятъ изъ себя, сердятся на нихъ и начинаютъ ихъ ненавидѣть; если дѣтямъ такъ мучительно приобретать ловкость и знанія, требуемые обществомъ, что они уверенно и рѣшительно отъ этого отказываются. Помните маюраты, мучительныя лишенія, взваливаемыя аристократами на своихъ дочерей. Все это мученіе дѣтей сопровождается совершенно искреннимъ увѣреніемъ въ любви, которое возможно, однакоже, только потому, что той приращенной любви, о которой мы толкуемъ именно и нѣтъ. Это мученіе прекращается опять—таки, или общественнымъ мнѣніемъ, или собственнымъ мышленіемъ и мы видимъ, что образованные родители, воспитывающіе дѣтей ради собственнаго счастья этихъ дѣтей, составляютъ самое рѣдкое исключеніе. Если бы Гартманъ правильно смотрѣлъ на вещи, то ему не трудно было бы убѣдиться, что этоть крикъ о родительскихъ инстинктахъ и ихъ восхваленіе, съ оставленіемъ безъ вниманія всѣхъ противурѣчающихъ явленій, порождѣн былъ именно ихъ отсутствіемъ и сильной потребностью ихъ создать; точно также какъ по той же причинѣ кричали о чудотворной силѣ идола и достигали полной увѣренности въ ея существованіи, наперекоръ бьющей въ глаза истинѣ. Мы видимъ въ животномъ царствѣ постепенно развивающемся явленіи родительскихъ инстинктовъ. Сначала нѣтъ и саба какой-нибудь заботливости о потомствѣ,—не только вновь рожившееся животное, но и яйцо снесенное и оплодотворенное оставляется на произволъ судьбы безъ всякаго дальнѣйшаго вниманія. Даже болыная рыба бѣтъ своихъ дѣтей и совершенно неспособна отличить ихъ отъ другой представляющейся ей пищи, однакоже дѣло кончается тѣмъ, что напр. птица выводитъ, кормитъ, защищаетъ и учитъ своего дѣтенюша. Наблюдать нуть, которымъ развивается этоть инстинктъ и указать источникъ, откуда онъ происходитъ для насъ чрезвычайно трудно, потому что въ наблюденія надъ животными крайне сложившимъ, нѣтъ ничего легче впадать тутъ въ ошибки и нѣтъ ничего труднѣе ихъ исправленія. Но вотъ мы видимъ и въ человѣкѣ постепенное развитіе этихъ инстинктовъ; мы видимъ, что у дикарей они до такой степени не удовлетворяютъ своему назначенію, что даже въ

самых благоприятных условиях, на данном пространстве, может жить только самое ничтожное число людей и за темъ они постепенно такъ развиваются, что даже, въ весьма неблагоприятныхъ условияхъ можетъ развиться поразительно густое население. Такъ какъ дѣлать набоуденіе надъ людьми для насъ неизмѣримо легче, чѣмъ надъ животными, то наука, конечно, должна употребить все свои усилія, чтобы тутъ вполнѣ выяснитъ дѣя; только тогда она можетъ надѣяться открыть себѣ путь въ разъясненію развитія этихъ инстинктовъ и у животныхъ. Но если она съ гартмановскимъ фатализмомъ будетъ относить все въ предвѣчной и ясновидящей мысли, то она, конечно, будетъ закрывать, а не открывать себѣ этотъ путь. Наблюдая это развитіе у людей мы прямо видимъ происхождение и развитіе этихъ инстинктовъ изъ мыслительнаго процесса и путемъ развитія самой мысли. Мы видимъ тѣсную связь между развитіемъ этихъ мыслей, чувствъ и инстинктовъ, которыми обеспечиваются благоприятные условия для человеческой жизни вообще. Мы видимъ, какъ изъ болѣе гуманныхъ идей, вообще, происходятъ болѣе гуманныя чувства, а съ тѣмъ вмѣстѣ развиваются и родительскіе инстинкты. Нанерекоръ чувствительнымъ мечтамъ о родительскихъ и семейныхъ инстинктахъ, дикарь смотритъ на жену какъ на свою скотину, а на дѣтей какъ на приплодъ отъ своего скота, онъ имъ торгуетъ какъ собственностью, они на равнѣ со скотомъ слушаютъ даже деньгами; если онъ не можетъ выгодно продавать своихъ дочерей, онъ ихъ безцеремонно зарываетъ въ землю живыми и такимъ образомъ уверяется обычай, привязывающій воспитаніе дѣтей родителямъ. Прогрессъ гуманности въ этихъ дѣтямъ прямо соответствуетъ прогрессу гуманности вообще, но и до сихъ поръ родители обучаютъ дѣтей только тогда, когда они, напр. въ сельскомъ быту, могутъ эксплуатировать это обученіе для себя въ видѣ дароваго, крѣпостнаго труда; вместо того, чтобы обучать ремеслу, отецъ уже отдаетъ своего ребенка въ кабалу, а съ фабричнаго старается получать оброкъ. Человѣкъ долженъ пользоваться большимъ извѣсткомъ для того, чтобы однимъ влияніемъ общественнаго мнѣнія можно было его побудить обучать на свой счетъ своихъ дѣтей; чтобы распространить образованіе, общество должно на себя принимать издержки обученія. Такъ какъ самоотверженные родительскіе и семейные чувства и инстинкты, тамъ гдѣ они касались старое дѣла кормленія, а не новаго дѣла обученія дѣтей, укоренились несравненно болѣе продолжительной практикой, то кормленіе дѣтей родителями идетъ успѣшнѣе, чѣмъ кормленіе въ общественныхъ пріютахъ, однакоже воспитаніе въ пріютахъ все таки вообще лучше, чѣмъ воспитаніе роди-

телей дикарей, потому что гуманные инстинкты симпатіи къ чужому ребенку теперь болѣе развиты, чѣмъ инстинкты симпатіи къ своему дѣтиску у дикаря, хотя они у него и родительскіе. Черезъ глубоко укоренивную идею, порожденную въ совершенно другой области, родительскіе инстинкты могутъ получить такое развитіе, что они начинаютъ дѣйствовать удовлетворительно въ самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ и наоборотъ. Барри размышлялись и воспитывали здоровую и красивую расу, не смотря на то, что они начиная съ египетскаго плѣна, всюду и всегда подвергались тяжкимъ гоненіямъ и очень не долго жили счастливо. Этою они обязаны тому обстоятельству, что при глубокой преданности своему религіи они учились изъ нея смотрѣть на воспитаніе многочисленнаго потомства, какъ на высокую добродѣтель. Сколько подобныхъ же плодотворныхъ и здоровыхъ родовъ погибли въ это время, не смотря на несравненно болѣе благоприятные обстоятельства. Противупоставьте еврейскіе богатые и могущественные христіанскіе и буддистскіе монастыри и подумайте возможно ли было бы такое явленіе монастырской жизни, возможно ли было бы релігіозно-нравственное преслѣдованіе физиологическихъ половыхъ отклоненій, если бы въ людяхъ существовалъ ясновидящій, родительскій инстинктъ и вы поймете, что чувства и инстинкты человека выработываются изъ впечатлѣній и опыта, путемъ мышленія, а не впадаютъ въ него. Гартманъ указываетъ на состояніе влюбленности, которые доходятъ до страсти, вовсе не думая о будущихъ дѣтяхъ, — какъ на доказательство безозаботности и ясновидящаго инстинкта. Это состояніе дѣйствительно поучительно, но оно говоритъ за Гартмана на столько же, на сколько мужество и оравизмъ. Оно показываетъ, что впечатлѣніе, презвѣдимо на человѣка физиологической потребностью, не только не побуждаетъ его дѣйствовать въ направленіи къ обезпеченію размноженія расы, но даже не возбуждаетъ мысли объ этомъ. Влюбленная дѣвушка будетъ противиться самымъ энергичнымъ образомъ благоприятнымъ условиямъ для размноженія расы, разстроитъ самый удобный для этого бракъ съ нею, останется безплодной дѣвушкой, или соединится съ своимъ любовникомъ при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Теперь мы имѣемъ краткое объясненіе происхожденія изъ мысли другаго существеннѣйшаго изъ человеческихъ инстинктовъ. Этотъ предметъ такъ новъ, что требуетъ гораздо болѣе обстоятельности; въ несчастіе недостатокъ мѣста мнѣ не позволяетъ удовлетворить этому требованію. Если бы не недостатокъ мѣста, то не трудно было бы показать читателю какъ мыслительный процессъ порождаетъ и подавляетъ даже такіе инстинкты, какъ чувство самосохраненія. По той же самой причинѣ я не могу слѣдить за разъясненіями Гартмана

о проявлениях ясновидящей мысли и бессознательного в человекѣ. Я обращаю внимание читателя только на то, что въ своемъ изложении, онъ неизменно указываетъ на непонятные для насъ душевные и умственные наши движения и считаетъ это доказательствомъ существованія въ насъ бессознательнаго, не совершенно забываетъ при этомъ, что это бессознательное должно быть по его теоріи въ то же время ясновидящимъ, а между тѣмъ оно оказывается чаще въ высшей степени близорукимъ и глупымъ. Если бы онъ понималъ происхождение нашихъ ощущений и чувствъ, изъ мыслительнаго процесса и зналъ, что источникъ нашихъ мыслей и нашихъ движений никогда не можетъ быть для насъ вполне ясенъ, а часто окончательно для насъ непонятенъ, — потому что ради неизбежнаго въ жизненной дѣятельности ускоренія нашихъ заключеній, мы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ безъ всякаго анализа исходимъ отъ массы укороившихся въ насъ рутинныхъ чувствъ и понятій; наконецъ, если бы онъ зналъ, что понятие обращается въ чувство только путемъ рутинъ и что по этому составивъ себѣ совершенно правильное понятіе о томъ, какъ бы намъ слѣдовало чувствовать, мы можемъ все таки преодолѣть чувствовать по прежнему, пока у насъ не явится новой замѣляющей прежние рутинны, то для него просто невозможно было бы написать главы о бессознательномъ въ чувствѣ, въ характерѣ и нравственности, въ изначномъ, въ языкѣ, въ мышленіи и проч. Тогда бы онъ понималъ почему всѣ эти проявления въ однихъ случаяхъ несутъ на себѣ печать непонятной глубины и здравости, а за то въ другихъ оказываются гораздо ниже и глупѣе тѣхъ сознательныхъ заключеній, надъ которыми берутъ верхъ и наконецъ иногда, какъ и всякая слѣпая рутина, могутъ быть совершенно бессмысленными. Въ человѣческихъ проявленіяхъ для насъ, конечно, есть много совершенно непонятнаго, но каждый разъ когда это непонятное дѣлается для насъ достаточно понятнымъ мы видимъ и происхождение его отъ мыслительнаго процесса. Пока же это непонятное остается для насъ непонятнымъ, или непонятнымъ промахомъ или непонятнымъ угадываніемъ, мы, конечно, не можемъ объ немъ сдѣлать никакого научнаго заключенія. Фразу: «я этого не понимаю» — человекъ только по крайнему легкомыслію можетъ замѣнить фразою: «это происходитъ изъ предвѣчной, ясновидящей и бессознательной мысли». Къ несчастію весь отдѣлъ, составленный у Гартмана «бессознательное въ человѣческомъ духѣ» — до такой степени носитъ на себѣ печать непониманія и невозможности подобной замѣны, что онъ по большей части даже не заслуживаетъ опроверженія; онъ не обращаетъ вниманія на противурѣчія съ его возрѣніемъ, до такой степени явнымъ и общеизвѣстнымъ, что мимо

нихъ нѣтъ только ученому и философу, но никому перейти невозможно безъ того, чтобы они не бросились въ глаза. Онъ утверждаетъ напр., что понятіе объ изначномъ происходитъ отъ работы сознательной мысли надъ порожденной предвѣчною мыслию идеи изначнаго, въ области бессознательнаго. Но первый вопросъ: въ чемъ же обнаруживается ясновидѣніе предвѣчной мысли по отношенію къ изначному? — Другой бы могъ еще отвѣтить: въ стремленіи этой мысли наполнить жизнь прекрасными впечатлѣніями; по этому она создала идею прекраснаго, которая по немногу понимается, чувствуется и осуществляется сознаниемъ. Но этотъ отвѣтъ Гартманъ для себя отрезалъ. Его предвѣчная и ясновидящая мысль понимаетъ наоборотъ, что наполнить жизнь прекрасными ощущеніями т. е. блаженствомъ, невозможно и что не только не нужно приманивать этимъ сознательную мысль, но что напротивъ нужно помочь ей убѣдиться, что блаженство невозможно и побудить ее къ уничтоженію его во всѣмъ его прелестіи. При такомъ условіи созданіе идеи изначнаго, со стороны гартмановской предвѣчной мысли, не только противурѣчило бы сл. ясновидѣнію, но было бы поступкомъ вопіющаго неслѣдовательнымъ и бессмысленнымъ. Какимъ же образомъ Гартманъ позваѣтъ это, какъ же онъ самъ производить понятіе объ изначномъ изъ бессознательнаго т. е. его предвѣчной мысли, когда такое происхождение прямо доказываетъ нелѣпость всей основной идеи его сочиненія о существованіи единой, вѣчно — вѣрной самой себѣ и послѣдовательной мысли, нелепое осуществленіе которой посредствомъ бессознательной воли и создаетъ міръ. Затѣмъ, даже и та мысль, что область изначнаго порождается работою сознательной мысли надъ какою то уже вопіющаго готовою идеею эстетическаго, въ концѣ опровергается наблюденіемъ. Если бы это было такъ, то развитіе вкуса заключалось бы только въ постепенномъ возрастающемъ пониманіи идеи эстетическаго, а между тѣмъ на дѣлѣ вовсе не то. Для одного, высшее эстетическое наслажденіе доставляется тѣмъ, что другому кажется отвратительнымъ и уродливымъ. Дикарю, уродливо — растянутыя уши, протянутаго костью или деревомъ губы кажутся прелестными, для насъ все это отвратительно; черные зубы, синіе нѣтки, изуродованныя ноги, кѣпіе, и пляска азіатовъ производятъ въ насъ или скуку или отвращеніе и на оборотъ романъ, стихотвореніе, музыка, которыми мы восхищаемся, составляютъ источникъ невыносимой скуки не только для азіата, но и для европейца изъ другой среды; мало этого, я вараваѣ съ современными инешествомъ, теперь читаю съ отвращеніемъ те, чѣмъ я вараваѣ съ бышимъ юношествомъ восхищался двадцать лѣтъ тому назадъ, напр. нѣкоторыя диническія пѣсни Парни, Бокачіо и даже Беранже и

туть уже прямо вижу до какой степени работа мысли измѣняла мой вкус. Точно также впечатлѣнія природы, напр.: буря, громъ и гроза, ветерный крикъ ворона, песчаная степь, дикая мѣстность, гудра и болото, на одного производить изящное и поэтическое, а на другого унылое, скучное или отвратительное впечатлѣние и это въ прямой зависимости отъ идей, которыя сопрягаются съ впечатлѣніемъ сопряженнымъ съ идеей грандіознаго; видъ песчаной степи впечатлѣтеленъ, а съ идеей о трудности путешествія скученъ и унылъ. Искусство сопрягать идеи съ впечатлѣніями и есть искусство художника. Мотива заключается въ томъ, что эстетическіе наслаждения суть плодъ остремленія человѣка воспользоваться своею впечатлительностію для искусственнаго увеличенія числа свѣдѣній приятныхъ ощущеній. Человѣкъ сначала принимается за это дѣло самымъ грубымъ и аллюватнымъ образомъ. Волею не существуетъ одной неизмѣнной идеи изящнаго, надъ которою онъ будто бы работаетъ, а область изящнаго и уродливаго или скучнаго наполняется у человѣка постоянно другимъ матеріаломъ и не рѣдко туть производятся перемѣненія изъ одной сферы прямо въ противоположную. Мыслительный процессъ дѣлаетъ изъ впечатлѣній приятные и неприятные ощущенія по причинамъ совершенно отдѣльнымъ отъ области художества, но если что нибудь произведшее на насъ веселое впечатлѣние, вследствие дальнѣйшаго развитія нашего пониманія начинаетъ производить на насъ отвратительное, то оно уже не можетъ входить въ область нашей эстетики и измѣняетъ нашъ вкусъ. Художники, тѣ люди, которыхъ специальность заключается въ наполненіи и расширеніи этой области искусственныхъ воспитательныхъ ощущеній нашихъ; но они дѣлаютъ это вовсе не такъ, какъ воображаетъ Гартманъ, а такъ, какъ—всякій другой специалистъ, посредствомъ уюрной работы мысли и сравненія. Если я долго и упорно ищу мысль и наконецъ, нахожу ее, то Гартману кажется, что она негодная долго не хотѣла и вдругъ ко мнѣ прилетѣла, какъ Иисусъ Христосъ прилетаетъ къ дѣтямъ съ подарками о Рождествѣ; но на дѣлѣ это вовсе не такъ; я ищу ее тамъ, гдѣ я надѣюсь ее найти и сравнивая последовательно множество мыслей, наконецъ, останавливаюсь на той, которая по моему мнѣнію всего болѣе удовлетворяетъ той цѣли, для которой я ее ищу. Будетъ ли мысль художественная, философская, научная, политическая или дѣловая, все равно, процессъ одинъ и тотъ же, онъ одинаково мыслительный и люди выбираютъ себѣ ту или другую область смотра на ихъ сложности и способности къ тѣмъ или другимъ наблюденіямъ, впечатлѣніямъ и ощущеніямъ.

V III.

Мыслительные процессы животныхъ и частей животныхъ.

Если мы отъ наблюденій надъ животнымъ, перейдемъ къ наблюденіямъ надъ животными, то намъ легко будетъ утвердить себя въ убѣжденіи, что и такое простое движеніе какъ шагъ, есть порожденіе мыслительнаго процесса. Когда человѣкъ видитъ у животнаго движеніе схожее съ его собственнымъ, которое начинается и кончается или цѣлесобразно или безъ всякой вишней побудительной причины, онъ прямо заключаетъ изъ этого, что животное мыслитъ какъ и онъ, и говоритъ, что животное одарено произвольнымъ движеніемъ. То обстоятельство, что животное произвольно двигается, а растение нѣтъ, служитъ главною причиною, почему онъ въ животномъ видитъ мыслительный процессъ со всею его обстановкой, начинающейся отъ впечатлѣнія и путемъ ощущенія, заключенія и желанія доходящей до дѣйствія, а въ растеніи не видитъ его. Есть люди, которые не дѣлаютъ этого, они считаютъ возможнымъ не держаться тѣхъ правилъ составленія общечеловѣческихъ понатій, о которыхъ мы говорили выше, а потому замѣняютъ ихъ чисто субъективными. Человѣкъ, внутренней процессъ начинающийся впечатлѣніемъ и кончающийся дѣйствіемъ, можетъ наблюдать только у себя; онъ наблюдаетъ его постепенный ходъ и называетъ его мыслительнымъ процессомъ. Онъ точно такое же дѣйствіе видитъ у другаго человѣка и составляетъ себѣ совершенно основательно общечеловѣческое понятіе, что и у этого другаго человѣка происходитъ такой же мыслительный процессъ какъ у него; но вотъ онъ видитъ подобное же дѣйствіе со стороны животнаго, и не только не дѣлаетъ такого же заключенія, а впадаетъ въ животное такой процессъ, въ существованіи котораго онъ никакимъ наблюденіемъ убѣдиться не могъ, онъ утверждаетъ, что мысль дѣйствія не создается въ животномъ путемъ мыслительнаго процесса, а впадаетъ въ него извнѣ. Когда мы однажды убѣдились, что дѣйствія животныхъ составляютъ порожденія мыслительнаго процесса и будемъ продолжать наши наблюденія надъ ними, то мы, прежде всего, убѣ-

дятся, что умственные их способности гораздо слабее способностей человека, а за темъ мы сделаемъ наблюдение, что въ дѣйствіяхъ животныхъ несравненно болѣе рутинны и единообразны, чѣмъ въ дѣйствіяхъ человека; эта рутинность дѣятельности, точно также какъ у человека, возрастаетъ сообразно съ пониженіемъ способностей. Наблюдатель невольно начинаетъ сравнивать эту вѣчно, единообразно, повторяющуюся дѣятельность съ движеніемъ въ природѣ и ему начинаетъ казаться, что они вовсе не суть произвольные дѣйствія, а порождаются, какъ и движенія въ природѣ, вѣчно неизмѣнными ея законами. Поэтому онъ начинаетъ утверждать, что животное дѣйствуетъ движимое инстинктомъ. Ему кажется, что мысль, проявляющаяся въ дѣйствіяхъ животныхъ, точно также какъ и мысль, проявляющаяся въ движеніяхъ въ природѣ, принадлежитъ не имъ, а мистическому существу—природѣ. Ему стоитъ позабыть о томъ, что составленіе подобнаго мистическаго образа противуничтожить всякому нравильному мышленію и заключенію и онъ будетъ вполнѣ увѣренъ, что мысль животного порождается инстинктомъ и есть такая же мысль природы, какъ и всякая мысль, проявляющаяся въ мірѣ неорганическомъ и растительномъ. Этотъ взглядъ человека отличается однако же поразительное особенностію. Когда человекъ представляетъ себѣ животное отвлеченно и обдумываетъ всю его дѣятельность, ему кажется, что оно дѣйствуетъ инстинктивно, что мысль его дѣйствій принадлежитъ не ему, а есть неизмѣнный законъ природы. Но когда онъ видитъ какъ дѣйствуетъ животное у него на глазахъ, когда онъ слѣдитъ за каждымъ отдѣльнымъ его проявленіемъ, сходство между этими проявленіями и дѣйствіями человека до того поразительно, что онъ не можетъ ихъ приписать ничему другому кромѣ мышленія. Онъ невольно называетъ эти дѣйствія глухими, умными, искусными, однимъ словомъ всѣми тѣми именами, которыми онъ различаетъ дѣйствія человека по степени и роду заключающагося въ нихъ мыслительнаго процесса. Точно также, какъ у умаго человека общій характеръ его дѣйствій носить на себѣ печать ума, у глухого—печать ограниченныя способностей; точно также и умное животное поступаетъ во всемъ умнѣе глухого и это неизмѣнно выходящее человека при подобныя наблюденияхъ приписывать мысль самому животному, а не кому-нибудь другому. Точно тоже вы будете замѣчать и тогда, когда дѣйствія эти будутъ инстинктивные, напр. когда птица строитъ гнѣздо, кормитъ своихъ дѣтенышей и прочее,—каждое отдѣльное дѣйствіе будетъ носить на себѣ, какъ и у человека, всѣ признаки дѣйствія, порожденнаго мыслительнымъ процессомъ самаго животного. Въ исполненіи рутинной, инстинктивной идеи, вы будете видѣть несомнѣннѣйшіе признаки дѣятельности мысли

самаго животного, но за то для васъ часто будетъ очень трудно понять: какимъ образомъ самая эта идея могла быть порождена мыслию этого животного. Но вы теперь уже знаете, что то же самое затрудненіе вы встрѣчали при разсмотрѣніи дѣятельности человека, и также знаете, что если вы будете разсматривать достаточно внимательно истинный, то вы поймете какимъ образомъ онъ созданъ и развился, путемъ мыслительнаго процесса. Вы знаете, что если вы не понимаете какимъ образомъ въ человекѣ является извѣстная идея, то это происходитъ отъ того, что человекъ не составляетъ себѣ своихъ идей въ моментъ дѣйствія, а для необходимой быстроты мыслительнаго процесса, обращаетъ мнѣстою идей въ рутинныя мысли и руководится ими уже безъ критики, и что поэтому скрывается происхожденіе этихъ идей путемъ мыслительнаго процесса. Для васъ ясно, что животное тѣмъ чаще должно дѣйствовать такимъ образомъ, чѣмъ ниже уровень его способностей. Разяснить происхожденіе этихъ идей въ животномъ гораздо затруднительнѣе, чѣмъ по отношенію къ человеку. Намъ трудно представить себѣ мысли и чувства, порождаемыя жизнью въ диварѣ, на сколько же труднѣе намъ представлять себѣ мысли и чувства животного, которое не только живетъ въ совершенно ручной обстановкѣ, но обладаетъ такими впечатлѣніями, о которыхъ мы не можемъ составить себѣ никакого понятія? Потрудитесь сказать мнѣ, какіе мысли и образы вызываетъ въ собакѣ чутье? Что вы мнѣ скажете о случаѣ, бывшемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англіи: что думала та собака, которая долго спустя носилъ совершеннаго убійства разсыпанная изнасилованную и убитую дѣвочку, которую она въ жизни своей не видала; какое она составляла себѣ объ ней представленіе; почему она такъ усердно лопотала объ этомъ и такъ ясно понимала, что она дѣлаетъ великое для собаки дѣло; почему она такъ восхищалась, когда она постигла, что мертвая головка замурована въ трубу и приходила въ такое отчаяніе когда люди не могли понять ея указанія? Вы чутые не имѣете, какъ же вы можете знать какія понятія порождаетъ чутье; а если изъ этого понятія родилась рутинна чувствъ, которая передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе для собаки совершенно понятнымъ образомъ, а для васъ вполнѣ непостижимымъ способомъ и если наконецъ эта рутинна порождаетъ дѣйствіе, обличающее непостижимые для насъ знаніе или дальновидность, то много ли у васъ шансовъ его правильно разяснить. А собака еще весьма близка къ человеку и одно изъ самыхъ понятныхъ для него животныхъ. Что можетъ быть понятнѣе для насъ непонятности происхожденія идей животныхъ и что можетъ быть иелпнѣе объясненія ихъ дѣйствіемъ вѣтвшею, вложенной въ жив

ное мысли. Не смотря на то, что путь, которым произошли эти мысли часто для нас непонятен, однако совершенно ясно, что мысли произошли путем мыслительного процесса самого животного, а не какими-нибудь другим образом. Прежде всего на это указывает простота и грубость идеи даже наиболее искусных из этих действий; она вполне соответствует неразумности самого животного. Сравните напр. здание воздвигнутое человеком с самыми удивительными постройками животных — с гнездом, с норой, с муравейником, даже с пчелиным ульем; сравните сьт наука с плетень человека, или сеть пчелы с швейной машиной. Вы убедитесь, что человек начинает с порождений мысли более совершенных, чьмъ ть, которыми кончается животное, — шалашь человека превосходить уже сьт постройки животного. В инстинктивных проявлениях вы видите порождения мысли со всеми возможными для нея ошибками. Доказывая дьйстви инстинкта в животнхъ, Гартманъ ссылается на проявления инстинкта самосохранения и утверждаетъ напр., что молодые голуби, никогда не видьвшие хищной птицы, обнаруживают большой страх когда она появляется. Когда я прочелъ это, я удивился неопытности Гартмана въ оцнькь наблюдений надъ нравами животных; такое явно недостаточное и самонадеянное наблюдение, онъ въ состоянн противупоставить общезвьстному факту полного отсутствия ясновидьнн въ дьствнхъ животных, предпринимаемыхъ ради самосохранения. Вся охота животныхъ относительно другъ друга и человека относительно животныхъ основана на томъ, что въ дьствнхъ, предпринимаемыхъ изъ самосохранения, нть никакого ясновидьнн и всегда возможно обмануть бдительность животного и воспользоваться недостаточностью его познания. Когда Химковъ съ товарищами занесены были на восточный берегъ Шпицбергена, у нихъ было всего шесть зарядовъ и они убили ими шесть оленей. Олени, на которыхъ находилъ нанический страхъ при появлении дикаго звьря, нисколько не боялись человека. Ревъ звьря пугалъ ихъ, а звука выстрьла они не боялись нисколько, — звукъ этотъ былъ похожъ на звукъ трескающагоса льда, котораго безопасность изъ давно была извьстна. Сравните этихъ оленей съ дичью, за которой давно гоняются охотники и вы поймете откуда происходятъ дьствнн спасающагоса животного, изъ ясновидьнн или изъ опыта и мышления. Нашкомое летитъ прямо въ огонь, бабочка садится мнъ на руку, червякъ безъ всякой надобности залезаетъ мнъ на ногу. они дьлаютъ это явно потому, что слышатъ глуны, чтобы познать опасность этихъ дьствнй, залцъ не сдьлаетъ этого; если бы животна ображдали себя не умомъ, а ясновидящимъ инстинктомъ, то такой раз-

ницы, конечно, не было бы. Чудесный видъ, который получаетъ для насъ такъ называемое инстинтивное познание животныхъ, въ значительныхъ размьрахъ, зависитъ отъ одного свойства мыслительнаго прещеса, на которое обращается слишкомъ мало вниманн. Мы всегда исходимъ отъ того убьждения, что умное существо судитъ вьрше глупаго и это будетъ дьствительно такъ, когда они поставлены въ одинаковые обстоятельства; но если обстоятельства различны, то глупое существо можетъ съ большимъ легкостью дьлать вьрнее заключенне, прещесъ котораго умному будетъ чрезвычайно трудно познать. «Вы можете быть и умнше меня, сказалъ Бисмаркъ, да я знаю то, чего вы не знаете и это моя сила». Познать ть впечатльнн, подъ влияннемъ которыхъ судитъ животное и его точку зрьнн, — вотъ что неизвьрно трудно для насъ; но лишь только намъ это удастся, чудесные и ясновидящие инстинкты превращаются, на нашихъ глазахъ, въ самые немудрые мыслительные прещесы. Какимъ чудеснымъ звучитъ напр., сльдующее изображение инстинктовъ агненка. Сльдите за актомъ рождения овцы: инстинктивно агненокъ чувствуетъ, что настала его пора; онъ не имьетъ никакого познания о вьшнемъ мнрь, онъ не знаетъ даже, что онъ существуетъ и все-таки онъ стретится къ нему и усиливается выдти изъ чрева матери, — что можетъ быть чудеснше этихъ усилнй, какое собственное мышление можетъ вынуждать ихъ! Но вотъ онъ родился, инстинктивно онъ становится растопыривъ ноги и вся его фигура изображаетъ отчаянне. Что онъ сдьлалъ; онъ думалъ сдьлать сьбь лучше и вдругъ попалъ въ положенне, гдъ онъ не знаетъ ни входа ни выхода. Онъ глядитъ кругомъ на Божнй мнрь и отчаянне его внезапно замьняется радостью, онъ начинаетъ весело прыгать, какъ освободившийся изъ темннцы — съ чего и почему, — развъ онъ знаетъ свободу? Вотъ онъ видитъ свою мать и ея сосцы, и онъ знаетъ, что это его мать и что въ ея сосцахъ молоко; онъ весело подсакиваетъ къ ней и начинаетъ сосать. Скажите, путемъ какихъ умозаключений онъ могъ дойти до такого познания? Дьствительно этотъ примьрь дьствнн инстинкта, можетъ быть еще моральнше примьровъ дьствнй личинокъ, на которые такъ любятъ ссылаться и на которыхъ ссылается и Гартманъ. Личинка жила, мало ли какими путями внутренними и вьшними впечатльнн она могла дойти до познания о томъ, что она сдьлается куколкой и будетъ въ это время имьть извьстныя потребности; наблюдения надъ ея мировоззьнемъ и надъ ея впечатлительностью для насъ такъ затруднительны, что непонятное для насъ прямо должно происходить отъ недостаточности нашихъ знаннй. Относительно же агненка, который только что явился въ свьтъ и получилъ первое впечатльнне зрьнн, не подлежитъ никакому сомьнню,

что онъ не могъ сдѣлать заключеній, необходимыхъ для того, чтобы отличить сосца матери отъ прочихъ предметовъ, а главное узнать, что въ этихъ сосцахъ есть необходимая для него пища. Однакоже вамъ только стоитъ внимательно рассмотреть дѣло и вы можете до известной степени объяснить себѣ, какъ тутъ все происходитъ путемъ мыслительнаго процесса. Взглядите внимательно въ только что рожденнаго ягненка и вы увидите, что первые его стимухи—это неловкое положение съ растопыренными ногами и голодъ—вотъ почему онъ представляетъ такой несчастный видъ. За тѣмъ, онъ начинаетъ сосать и производитъ впечатлѣнныя играющаго животнаго, но вѣдь это только потому, что онъ не умѣетъ ходить и дѣлаетъ движения напиманющаго движения въ утробѣ матери. Впечатлѣнныя голода вызываютъ у него къ дѣятельности не зрѣнне, а обоняние; нервее вѣншее впечатлѣнне, которое обратитъ на себя его вниманіе будетъ впечатлѣнныя на обоняніе, оно и монитно—это самое грубое изъ вѣнминыхъ впечатлѣнній, получаемихъ въ этотъ моментъ животнымъ. Кроме того, развитіе самаго мозга начинается отъ обонятельныхъ центровъ. За тѣмъ, примите въ соображеніе, что впечатлительные органы ищутъ гораздо дальне обыкновенныхъ нашихъ ощущеній, что ясно видно въ тѣхъ болѣзняхъ, гдѣ организмъ перестаетъ сокращать известныя ощущенія, тогда и ничтожное впечатлѣнныя начинаетъ давать сильное ощущение. Теперь представте себѣ психическое настроеніе ягненка. Новые ощущенія свѣта, воздуха и пр. для него совершенно безразличны и не могутъ вызывать въ немъ ни мысли, ни интереса, они для него приблизительно тоже, что для дикаря интересная для насъ книга. При единственномъ внутреннемъ ощущеніи, которое имъ владѣетъ, при ощущеніи голода, единственное что можетъ его привлечь—это запахъ нищи. Этимъ запахомъ несетъ отъ его матери и въ особенности отъ ея сосцовъ. Желаніе сокращать ощущение этого впечатлѣнныя можетъ явиться у организма только въ послѣдствіи, когда его вынудитъ къ этому многочисленность впечатлѣнній; только тогда и чувствительность обонянія можетъ получить по рутинѣ известный ограниченный размѣръ, теперь же оно должно имѣть всю ту могущую силу, какое оно имѣетъ при отсутствіи всякаго сокращенія. Оно дѣлается руководителемъ голоднаго ягненка и въ направленіи его дѣятельности, и неулыбными и неловкими движениями, доводитъ его до сосца. Не слѣдуетъ забывать, что онъ притягивается этимъ запахомъ на томъ же основаніи, на которомъ начинаетъ всасывать молоко, которое онъ уже глоталъ въ утробѣ матери,—обоняніе нищи есть начало питанія. Теперь, принимая въ соображеніе впечатлѣнныя влажности сосца на его вкусъ, при-

способностью къ сосанію его рта, уже не трудно понять какъ онъ начинаетъ сосать. Все тутъ, сначала до конца, составляетъ проявленіе обыкновеннаго мышленія, безъ малѣйшаго слѣда ясновидѣнія. Всякому известно, что ребенокъ не обладаетъ ни малѣйшимъ ясновидѣніемъ, которое бы учило его узнавать наполненную молокомъ грудь матери, онъ будетъ сосать палецъ точно также какъ и сосеть груди. Понятіе о ясновидѣнныя истиннота животныхъ имѣетъ ту же самую судьбу, какъ и всякое другое понятіе о ясновидѣнныя; оно можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока дѣло не разъяснено, а лишь только оно начинаетъ разъясняться мы видимъ вмѣсто того самое обыкновенное неумудренное и подверженное ошибкамъ мышленіе.

Человѣкъ, представляя себя дѣйствующимъ и мыслящимъ существомъ, говоритъ о себѣ «я» и подъ этимъ я разумѣетъ всего человѣка. Однакоже онъ легко начинаетъ понимать, что между этимъ я и его тѣломъ есть какая то разница. Наблюденіе показываетъ ему несомнѣнную истину, что я и его тѣло не одно и тоже. Тогда онъ, это я, начинаетъ называть душой и представляетъ себѣ тѣло какъ орудіе этой души. Опять таки, по указанію онъ начинаетъ искать мѣсто, гдѣ помѣщается эта душа въ тѣлѣ и ищетъ ее въ известныхъ мѣстахъ. Наблюденіе показываетъ ему, что онъ не можетъ искать мѣсто души, напр., въ ногахъ или рукахъ и онъ отыскиваетъ его въ центральныхъ органахъ: въ головѣ, въ сердцѣ. Когда на мѣсто обыкновеннаго наблюденія становится научное изслѣдованіе, тогда прежде всего является научное наблюденіе тѣсной связи между матеріей и силой. Наука наблюдаетъ проявленіе силы только тамъ, гдѣ есть матерія и гдѣ матерія находится въ известномъ состояніи. Черезъ это понятіе о существованіи силы, отдѣльное отъ матеріи, отходитъ въ область субъективныхъ понятій; наблюденіе представляетъ намъ проявленіе силы исключительно въ видѣ свойства матеріи, а матерію въ видѣ свойства силы; оно показываетъ матерію и силу слитыми въ одно и ни гдѣ не имѣющимъ отдѣльнаго существованія; по этому общечеловѣческимъ понятіемъ, т. е. понятіемъ не идущимъ далѣе наблюденія и вывода изъ впечатлѣнній, является только такое пониманіе, при которомъ сила и матерія сливаются въ одно, такъ что онъ не составляютъ двухъ соединившихся, а всего одинъ предметъ и раздѣляются на два понятія, только умомъ человѣческимъ, для облегченія пониманія этого единаго предмета. Если наблюденіе не показываетъ намъ отдѣльнаго существованія силы, или какъ говорятъ души, то изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что такое существованіе невозможно, а слѣдуетъ только то, что оно не дается наблюденіемъ, что оно субъективное, а не общечело-

вещное понятие. Наука, которая строго держится области наблюдения и общечеловѣческихъ понятій, должна, конечно, оставлять субъективное понятие о душѣ совершенно въ сторонѣ. Говорить о мѣстѣ, гдѣ помѣщается душа, для нее даже безусловная нелѣпность; такое исканіе мѣста могло быть только порожденіемъ слабаго сужденія,—все, что занимаетъ пространство называется матеріей, по этому душа, которая помещается гдѣ нибудь въ тѣлѣ, будетъ уже матеріей, а не душой безтѣлѣсной. Однакоже не трудно было убѣдиться, что это исканіе мѣста, гдѣ находится въ тѣлѣ душа, порождено было прямыми и многочисленными наблюденіями, между которыми главное мѣсто занимало то обстоятельство, что поврежденіе и даже уничтоженіе однихъ частей тѣла, могло не мѣшать душевнымъ отравленіямъ, а другія никакъ не могли быть повреждаемы безъ такого разстройства. Руководствуясь этимъ указаніемъ опыта, съ одной стороны и данными анатоміи и физиологіи съ другой, люди науки опять таки стали локализовать душевные отравленія и наконецъ сосредоточили ихъ въ нервахъ и веществахъ мозга. Нервы и вещество мозга сдѣлались въ ихъ глазахъ думающею, чувствующею и дѣйствующею частью человѣческаго тѣла, все остальное было мертвымъ орудіемъ нервовъ и мозга. Ученые такъ срослись съ этимъ понятіемъ, что имъ невозможно было себѣ представить чувствующимъ и мыслящимъ что нибудь другое, кромѣ нервовъ и мозга. За тѣмъ и тутъ стало появляться раздѣленіе: одна часть мозга-нервной системы стала представляться способной исключительно чувствовать и воспринимать впечатлѣнія, другая—исключительно дѣйствовать. Далѣе наблюденіе показало, что эта способность сохраняется только при извѣстномъ химическомъ составѣ нервной системы и вслѣдствіе этого стали утверждать, что душевные отравленія принадлежать даже не нервамъ, а извѣстному химическому тѣлу въ веществѣ нервовъ. Однако же, болѣе всесторонніе наблюденія надъ животнымъ міромъ, заставили отступить отъ этой спеціализаціи и дали дѣлу прямо противуположное направленіе. Въ то время, когда рождалось понятіе, что душевные отравленія составляютъ принадлежность только извѣстнаго химическаго тѣла, входящаго въ составъ нервной системы, это направленіе къ спеціализаціи было уже до такой степени разшатано противурѣчащими наблюденіями, что оно прозявало слабое впечатлѣніе и осталось мало извѣстнымъ. Опытъ показалъ, что въ нервахъ вовсе нѣтъ тѣхъ спеціальныхъ способностей, которыя въ нихъ предполагали. Дѣйствующие нервы оказались вовсе не лишены способности передавать впечатлѣнія, эту способность могли пріобрѣтать всякіе нервы и если это дѣлалось обыкновенно только извѣстными ихъ категоріи, то это зависѣло отъ при-

вычки и укоренившейся въ нихъ рутины,—таже привычка и рутина могла сдѣлать и дѣятельные нервы проводниками впечатлѣній. Далѣе, наблюденіе надъ животнымъ міромъ стало вынуждать понятіе, что къ душевнымъ отравленіямъ, кромѣ нервовъ, способны мускулы и наконецъ низшее органическое образованіе—протоплазма. Оказались животныя, которые вовсе не имѣли нервовъ, и даже такіе, которые состояли всего изъ одной органической вѣточки; эта комбинація протоплазмы сокращалась, жила, думала и дѣйствовала, при полномъ отсутствіи нервовъ. Стали совершенно основательно утверждать, что мускулы и даже протоплазма могутъ думать и способны къ душевнымъ отравленіямъ. Хотя привычка совокуплять понятіе о душевной дѣятельности, съ понятіемъ о нервахъ и мозгѣ и очень велика, однакоже приходится отъ нея эманципироваться. Оказывается, что нервы въ животномъ организмѣ суть только продуктъ предельнаго развитія, точно также, какъ и мозгъ, органы чувствъ и т. д. Приходится всякое животное, органическое вещество, считать способнымъ проявлять душевные отравленія. Наблюденіе идетъ далѣе. Когда мы, однажды, были вынуждены признать способность къ мыслительнымъ процессамъ за животнымъ, одареннымъ произвольнымъ движеніемъ, то мы черезъ это самое вынуждены были распространить это призваніе на весь животный міръ, не исключая тѣхъ особей, въ которыхъ невозможно было замѣтить и слѣда нервной системы, потому что въ ихъ движеніяхъ обнаруживались и тотъ же произволъ и таже цѣлесообразность, какъ и у животныхъ, имѣющихъ нервную систему и мозгъ. Не лишь только мы сознали это, то мы должны идти далѣе. Низшее животное можно разрѣзать на части, каждая часть будетъ продолжать жить и превратится наконецъ въ цѣлое животное. Мы слѣдовательно вынуждены сказать, что способность къ мыслительнымъ процессамъ принадлежитъ, не только цѣлому животному организму, но и частямъ его. Гартманъ дѣйствительно, совершенно основательно, замѣчаетъ, что часть организма точно также способна проявлять мысль и волю, какъ и цѣлый организмъ. Въ подтвержденіе онъ приводитъ много фактовъ добытыхъ наукою. Особенно поразительно у него въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что волею проявляемую частями организмъ онъ считаетъ и сознательною и безсознательною въ одно и тоже время. Онъ находитъ, что результатами размышленія можно считать, только нѣкоторыя дѣйствія высшихъ млекопитающихъ и птицъ; но даже въ дѣйствіяхъ амфибій и рыбъ онъ видитъ такое же проявленіе безсознательной воли, какъ и въ инстинктахъ. Въ доказательство безсознательности этихъ дѣйствій, онъ ссылается на ихъ быстроту и рѣшительность. Но развѣ быстрота и рѣшительность

Мертвое и несамостоятельное думать. Так как, даже популярные сечения наполнены фактами о деятельности частей животных до пресечения, то я приведу их здесь возможно меньше, лишь бы сделать аргументацию понятнее. Если части разрезанного животного могут продолжать жить, действовать и совершать мыслительные процессы, то это конечно убеждает нас, что части эти входят в состав организма, не утрачивают способности самостоятельного мышления и что если мы выйдем того, чтобы видеть действующими части, видим действующим только целый организм, то это происходит лишь вследствие тесной связи которую организация создает между частями. Начиная с самых несовершенных организмов, мы видим в развитии идеи организации два направления: в одном случае преобладает размножение подобных частей, в другом дифференцирование частей, так что существование одной части ставится в существенную зависимость от существования другой. В особенности в организмах нерва рода, способность частей к проявлению самостоятельных мыслительных процессов обнаруживается с большей отчетливостью и доходит до способности к полной самостоятельной жизни. С увеличением дифференцирования в органах, способность самостоятельной жизни и деятельности слабеет; но если мы будем внимательно следить за постепенным ходом этого дела то мы убедимся, что это ослабление зависит не от утраты способности к мыслительным процессам; напротив эта способность частей с усовершенствованием организма, по крайней мере, вообще возрастает, — а от утраты способности жить самостоятельно, вследствие слишком большого сосредоточения части на известной, специальной деятельности. В этом случае часть можно угодить человеку, который обладает полной способностью поддерживать свою жизнь вне всякого общества, в диком состоянии, но дается специализацией и утрачивает ее с развитием разделения труда и цивилизации. Когда способность внутренних органов делаться внешними и внешними делаться внутренними уже утрачена, вы все таки видите, что из двух разрезанных половинок пшавого животного, одна продолжает есть, а другая совершать акт совокупления. В этом конечно проявляется большая самостоятельность, чем в отделенных частях высших животных, но за то поразительная, контрастирующая с проявлением этих частей рутинность и тупоумие прямо указывают на низкий умственный уровень животного, части которого будто вовсе не способны понять, что с ними сделали. Если вы далее видите, что у хладнокровных отделенные части довольно долго сохраняют способность проявлять мыслительные процессы, а у теплокровных эта способность утрачивается

часто весьма быстро, то вы легко можете убедиться, что это происходит от того, что у теплокровных части перестают обладать самостоятельными мыслительными процессами, а от того, что части хладнокровных могут жить дольше после отделения. Если теплокровное искусственно превращено в хладнокровное, то и его части получают способность проявлять мыслительные процессы долгое время после отделения.

IX.

Мыслительные процессы частей организма и физиологические мыслительные процессы.

Если вы будете стараться убедить себя в томъ, что части организма обладают самостоятельными мыслительными процессами и получаютъ отъ другихъ только впечатлѣнія, и на основаніи этихъ впечатлѣній дѣйствуютъ и мыслятъ самостоятельно, то вы будете имѣть въ рукахъ обильный запасъ фактовъ, чтобы прослѣдить дѣло не только въ общихъ чертахъ, но даже въ тонкостяхъ. Вы видите прямо, что единстве дѣйствія въ организмѣ происходитъ не отъ того, что одна какая нибудь часть мыслитъ, а другія повинуются, а только отъ того, что онѣ всё мыслятъ и дѣйствуютъ въ гармоніи которая установилась рутинной. Даже у теплокровнаго животнаго вы можете удалить мозгъ, а остальные части будутъ проявлять мыслительные процессы; на впечатлѣнія животное будетъ отвѣчать дѣйствіемъ, пока у него останутся нужная для этого связи. У животнаго вы можете вовсе вырвать часть его, напр. сердце и эта часть не только будетъ продолжать рутинно функционировать, но будетъ отвѣчать дѣйствіями на впечатлѣнія; вы понимаете, что если у живаго существа сердце вдругъ начинаетъ дѣйствовать иначе, подъ вліяніемъ страха и т. д., то это не есть дѣйствіе центрального органа, а дѣйствіе самаго сердца подъ впечатлѣніемъ исходящимъ отъ центрального органа; если имъ будете разрывать сердце, то части его будутъ продолжать отвѣчать на впечатлѣнія, пока между ними останутся нужная связи. Части тѣла умираютъ одновременно и каждая еще не умершая продолжаетъ проявлять мыслительные процессы. Вы можете у живаго существа парализовать двигательные нервы, остальные будутъ получать и передавать впечатлѣнія центрамъ, центры будутъ совершать на этомъ основаніи мыслительные процессы и направлять ихъ къ дѣйствіямъ, но дѣйствія не будутъ. При этомъ нервныя центры могутъ сдѣлать все, что отъ нихъ зависитъ, для произведенія дѣйствія и на этомъ основаніи даже воображать,

что дѣйствіе произошло, до тѣхъ поръ, пока они постороннимъ путемъ не убѣдятся, что это не такъ; съ другой стороны, если вы отдѣлите отдаленный органъ, то получая впечатлѣнія отъ посредствующаго члена, центральная часть можетъ оставаться въ убѣжденіи, что впечатлѣнія идутъ отъ отрубаннаго уже отдѣленнаго органа, пока она не получитъ возможности убѣдиться въ противномъ. Такимъ образомъ вы вполне убѣждаетесь, что при ходѣ дѣла начинающагося вѣдшимъ впечатлѣніемъ и кончающагося дѣйствіемъ, центральный органъ вовсе не дѣйствуетъ сама, а получаетъ впечатлѣнія отъ посредствующихъ частей, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ самостоятельно, и съ своей стороны производитъ впечатлѣнія на органы дѣйствія, которые опять таки путемъ совершенно самостоятельныхъ мыслительныхъ процессовъ обращаютъ ихъ въ дѣйствіе. Есть возможность составить себѣ понятіе о самостоятельномъ мышленіи частей, въ совершенно здоровомъ и нормальномъ человѣческомъ организмѣ, на основаніи пониманія и такъ сказать мировоззрѣнія отдѣльнаго отъ мировоззрѣнія центровъ. Опытъ эти даже очень доступны и затрудненіе при ихъ произведеніи, заключается не въ ихъ недоступности, а въ трудности выбрать именно такой опытъ, въ которомъ проявляется мышленіе органа, а не центра и правильно объяснить его. Такой опытъ дѣлается возможнымъ тогда, когда органъ составляетъ себѣ такое возможное понятіе о предметѣ, которое для центрального органа положительно не возможно. Нужно, чтобы было понятно, что эта ошибка происходитъ отъ односторонней впечатлительности органа и невозможна для нервнаго центра по причинѣ разносторонности его впечатлительности. Зрительные органы, въдѣланные тонкихъ различій, которые они способны дѣлать, болѣе другихъ годны для такихъ опытовъ. Возьмите три предмета (см. в прилж. фиг. 5), *D, E, F*, которые расположены такъ, что если вы закроете глазъ *B*, то глазомъ *C* вы будете видѣть *D* и *E*, но предмета *F* не будете видѣть, такъ какъ, предметъ *D* заслоняетъ его. Если вы закроете глазъ *C*, то вы будете видѣть *D* и *F*, но предмета *E* вы не будете видѣть, предметъ *D* заслоняетъ его. Это, конечно не помѣшаетъ вамъ совершенно вѣрно опредѣлить расстояние отъ *H* до *G*; въ первомъ случаѣ *D* займетъ мѣсто *F*, а во второмъ совершенно равнаго ему *E*. Не вѣтъ вы открываете оба глаза, тогда вы видите и *E* и *D* и *F*; въ первыхъ двухъ случаяхъ вы видѣли каждый разъ только два предмета, теперь вы видите разомъ три. Для опредѣленія расстоянія отъ *H* до *G*; картина сдѣлается существенно ложной, — въ ней будетъ лишній предметъ. Я спрашиваю: что такое будетъ эта картина, въ которой предметы будутъ сдѣланы въ такомъ порядкѣ: сна-

чала *G*, потомъ *F*, *D*, *E* и *H*—это будетъ заключеніе. Подобнога впечатлѣнія вы не получаете. Вы получили два впечатлѣнія, одно вамъ давало предметы *G*, *D*, *E*, *H*, а другое *G*, *F*, *D*, *H*. Вы не должны забывать, что всякая картина есть заключеніе; вы не получаете картины, а получаете только впечатлѣнія; картины же изъ этихъ впечатлѣній вы создаете путемъ сравненія этихъ впечатлѣній и выработкой изъ нихъ заключеній. Только путемъ заключеній вы выработываете изъ впечатлѣній понятія о пространствахъ, о расстояніяхъ, о перспективѣ, даже о дѣйствѣхъ. Исторія живописи, живописныя упражненія и тому подобнаго искусства, могутъ вполне убѣдить насъ въ этомъ. Отсутствие перспективы, невѣрные краски на картинахъ неопытныхъ художниковъ, зависятъ не только отъ неумѣности рисунка и неумѣнія составлять краски, но и отъ неумѣнія понимать то, что видится. Если вы какую нибудь фигуру часто видите на различныхъ расстояніяхъ, то вы различаете съ большей отчетливостію ея черты, чѣмъ если вы видите ее въ первый разъ; глазъ вамъ конечно, нисколько не сдѣлался отъ этого лучше, впечатлительность ваша не сдѣлалась острѣе, но именно вы сравниваете большее число впечатлѣній и потому дѣлаете болѣе вѣрное и отчетливое заключеніе. Исходи отсюда вы поймете, что если человекъ, посредствомъ упражненія начинаетъ различать звуки, дѣйствія, формы, расстоянія, которыя онъ прежде не умѣлъ различать, то это сначала зависитъ отъ изощренія своей способности дѣлать заключенія чрезъ накопившіяся впечатлѣнія, а потомъ уже, отъ улучшенія слуха и зрѣнія. Въ особенности легко это замѣтить при живописныхъ упражненіяхъ; упражняющійся въ сравненіи разстояній т. е. дѣлалъ заключенія о признакахъ разстояній, вы пріучаетесь вѣрно видѣть картину перспективой гораздо скорѣе. По отношенію къ вышеизложенной картинѣ вы, разноеобразя омытъ, можете вполне убѣдиться, что она порожденіе заключенія, а не чего либо другаго. Если на мѣстѣ *D* (см. въ прилож. къ фиг. 5), будетъ такой предметъ, который будетъ слишкомъ замѣтно искажать разстояніе отъ *G* до *H*, когда вы будете смотреть обоими глазами и онъ всунется между *E* и *F*, тогда зрѣніе ваше будетъ явно понимать, что тутъ что то не такъ, но не будетъ знать, какъ совладать съ этой ложью впечатлѣнія, а потому будетъ дѣлать сбивчивое и нерѣшительное заключеніе. Поставьте на мѣсто *D*, вашу руку и поднесите ее довольно близко къ глазамъ, такъ чтобы она закрывала возможно крупныя предметы *E* и *F*. Если вы будете смотреть обоими глазами, то разстояніе отъ *G* до *H*, чрезъ включеніе въ середину вашей руки, весьма замѣтно измѣнится, а потому вы увидите вашу руку въ искаженномъ видѣ; зрѣніе ваше обнаружитъ стремленіе пред-

ставить ее болѣе узкой и сдѣлаетъ изъ нее самое сбивчивое и не рѣшительное представленіе. Но сдѣлайте тотъ же опытъ въ лѣсу, на мѣсто *D* (см. въ прилож. фиг. 6), избравте стволъ довольно отдаленнаго дерева, а на мѣстѣ *E* и *F*, стволы еще болѣе отдаленныхъ деревьевъ — стволъ *D* всунутый въ середину будетъ играть такую незначительную роль въ измѣненіи всего находящагося передъ глазами разстоянія, что зрѣніе ваше не будетъ въ состояніи замѣтить ошибки, поэтому вы стволы *E*, *D* и *F*, будете видѣть такъ же отчетливо, однимъ, какъ и двумя глазами. Самый интересный видъ, при этомъ, будутъ представлять выше висѣющіе листья: каждый листъ, въ отдаленности, измѣняетъ разстояніе самымъ незамѣтнымъ образомъ, а все они въ совокупности даютъ замѣтно ложную картину; но этому зрѣнію этимъ окончательно сбивается съ толку и рѣшительно не знаетъ какое сдѣлать заключеніе на основаніи этихъ данныхъ, — вы видите все и ничего не видите отчетливо. Возьмите теперь, на мѣсто *D*, широкій предметъ, который краями своими закрываетъ два возможно болѣе тонкихъ *E* и *F*. Эти тонкіе предметы измѣняютъ разстояніе самымъ незамѣтнымъ образомъ, поэтому когда вы откроете оба глаза, зрѣніе ваше нисколько не поражается ложностію изображенія и вы видите все три предмета совершенно отчетливо. Но если такое явленіе не представляетъ собою ни физическаго, ни физиологическаго факта, а есть просто результатъ заключенія, то спрашивается кому принадлежитъ это заключеніе? Вашему думающему я? Ни въ какомъ случаѣ. Заключеній вашего думающаго я, вы не можете видѣть. Относительно видимыхъ предметовъ вы можете составить себѣ самыя твердыя убѣжденія, вы можете вполне понимать ложность ихъ изображенія самымъ зрѣніемъ и все-таки вы будете видѣть образы такими же ложными, какими вамъ ихъ показываютъ ваше зрѣніе. Вы изъ физики, да и безъ физики, очень хорошо знаете, что если малка на молочину всунута въ воду кажется вамъ изломанною, то это обманъ вашего зрѣнія; вы изъ астрономіи очень хорошо знаете, что луна неизмѣнно дальше отъ васъ, чѣмъ облака и гораздо ближе чѣмъ звѣзды. И все-таки малка въ водѣ вамъ продолжаетъ казаться нереломанной, блѣдная луна днемъ представляется вамъ легкимъ облачкомъ столь же отдаленнымъ, какъ и другія облака, свѣтлая ночь, — столь же отдаленное какъ и звѣзды; — ваше зрѣніе не училось ни физикѣ, ни астрономіи и не имѣетъ ни малѣйшей возможности составить себѣ тѣ убѣжденія, которые вы себѣ составили. Продолжая ваши опыты вы можете понять и то, какимъ образомъ ваше зрѣніе составляетъ себѣ вышеприведенныя ложныя заключенія. Между

правымъ и лѣвымъ глазомъ человѣка всегда есть разница, глядя на одинъ и тотъ же предметъ, они изображаютъ его до известной степени различно потому, что одинъ глазъ болѣе, другой менѣе близорукъ и т. д. Сравнивая эти изображения вы можете найти предметы, гдѣ эта разница будетъ весьма замѣтной. Всего легче вы этого достигнете сравнивая изображения, которые вы рассматриваете сквозь воду или преломляющіе лучи призмы. Когда вы достигнете того, что изображение одного глаза будетъ рѣзко отличаться отъ изображенія другого, откройте оба глаза и вы увидите третье изображение отличное и отъ перваго и отъ втораго. Это третье изображение будетъ заключеніемъ вашего зрѣнія, выведеннымъ изъ двухъ различныхъ изображеній того же предмета. Разнообразьте эти опыты и вы поймете какимъ образомъ ваше зрѣніе дѣлаетъ свои заключенія. Оно поступаетъ въ этомъ случаѣ, точно также, какъ поступаете и вы сами въ вашихъ выводахъ изъ различныхъ болѣе или менѣе ясныхъ впечатлѣній; составляя свое единое понятіе вы руководствуетесь по отношенію къ его частямъ тѣми впечатлѣніями, которые болѣе ясны, отчетливы и понятны. Свою третью картину ваше зрѣніе составляетъ изъ тѣхъ частей двухъ данныхъ ему изображеній, которые въ каждомъ изъ этихъ изображеній обозначаются болѣе отчетливыми и ясными образомъ. Третье изображение будетъ болѣе похоже на картину того глаза, который видитъ отчетливѣе, и менѣе на картину того который видитъ менѣе ясно. Получая свои два изображенія въ вышеназванномъ случаѣ, ваше зрѣніе заключаетъ, что одинъ глазъ по неясности своего зрѣнія не видитъ предмета *E*, который видится другимъ, и что по той же причинѣ другой глазъ не видитъ предмета *F*, вотъ почему оно, и тотъ и другой предметъ помѣщаетъ въ картину, и такъ какъ оно видитъ, что *E* находится по одну сторону *D*, а *F* по другую, то оно и помѣщаетъ *D* въ срединѣ (см. въ прилож. фиг. 6). Составивъ свою картину такимъ остроумнымъ, но къ несчастію ложнымъ заключеніемъ, оно разъясно преподнеситъ ее вамъ. Но это оно дѣлаетъ съ увѣренностью только тогда, когда оно вполнѣ не замѣчаетъ своей ошибки, но если оно замѣчаетъ, что тутъ что-то не такъ, то оно правдиво доноситъ вамъ и о своихъ сомнѣніяхъ, давая вамъ образы наводящіе сомнѣніе на васъ своею шаткостью. Опытъ, какъ вы видите, очень доступенъ, но убѣдиться изъ него, что ваше зрѣніе думаетъ отдѣльно отъ вашей головы, все-таки не легко, потому что надо научиться отличать отъ него тѣ случаи, гдѣ такъ называемый обманъ зрѣнія происходитъ отъ ложныхъ заключеній вашей головы, а не вашего зрѣнія. Если вы идете измѣнною къ глануемой вдоль горизонта плоской возвышенности, на которой расположены расходящіеся на небосклонѣ хутора и от-

дѣльные дома, то вамъ на известномъ разстояніи будетъ казаться, что они приближаются другъ къ другу, между тѣмъ какъ вамъ должно бы казаться, что они удаляются, потому что уголъ зрѣнія дѣлается тупѣе по мѣрѣ вашего приближенія къ нимъ. Это ложное заключеніе будетъ однакоже принадлежать вашей головѣ, а не вашимъ глазамъ. Ваше зрѣніе будетъ совершенно вѣрно показывать вамъ, какъ предметы лежатъ между вами и горизонтомъ заслоняютъ другъ друга, но уголъ зрѣнія относительно ближайшихъ предметовъ будетъ расширяться быстрѣе, чѣмъ относительно отдаленныхъ. Съ обѣихъ сторонъ ближайшія деревья и пр. будутъ казаться убѣгающими отъ домовъ и хуторовъ въ даль, а по привычкѣ считать расходящіеся предметы бѣгущими въ противоположныя стороны, дома и хутора будутъ казаться бѣгущими отъ деревьевъ на встрѣчу другъ другу. Такъ какъ зрѣніе будетъ передавать вамъ явленіе совершенно вѣрно и только ваше заключеніе объ этомъ явленіи будетъ ложное, то вы прямо убѣждаетесь, что ложное заключеніе сдѣлаю вашей головой, а не вашимъ зрѣніемъ. Сюда же относятся напр. ложныя заключенія о формѣ неба. Гартманъ признаетъ понятіе о куполообразности неба, истиннымъ и это даетъ намъ образецъ какъ составляются понятія о ясновидящихъ истинностяхъ. Хотя рядъ заключеній, вслѣдствіе которыхъ небо кажется намъ куполообразнымъ и довольно сложныя, но не нужно быть великимъ ученымъ, чтобы раскутать этотъ гордѣвъ узелъ и постигнуть, какимъ образомъ понятіе о куполообразности неба создается въ насъ путемъ рутинныхъ заключеній, а вовсе не существуетъ для насъ предвѣніе. Прежде всего небо вовсе не всегда кажется намъ куполообразнымъ. Небю называютъ его прозрачнымъ и дѣйствительно, въ особенности въ ясную погоду оно кажется намъ утопающимъ въ безконечности, отсюда низія неба; но въ то же время, прозрачный стеклянный колпакъ надъ нами, намъ вовсе не кажется постижимымъ. Стоитъ подумать о томъ, какъ происходитъ синий цвѣтъ неба, чтобы понять, что это кажущееся утопаніе въ безконечность есть заключеніе, а вовсе не истинный. Кусекъ одноцвѣтнаго неба, рассматриваемый въ одно изъ стеколъ окна, или расположенный между двумя рядами облаковъ, кажется намъ вертикальнымъ. Облачное небо часто кажется намъ слоистымъ, или спускающимся занавѣсью. Болѣе куполообразнымъ намъ кажется небо, покрытое плуцими не немъ облаками, заключеніе весьма не мудреное, если припомнить, что проходящее надъ нашей головой облако, совершая свой путь отъ одной точки горизонта къ прямо противоположной, въ дѣйствительности описываетъ дугу, а облачное небо плоскостью горизонта въ дѣйствительности имѣетъ куполообразную форму. Понявъ изъ вышеназванного, что

зрѣніе, способно мыслить отдѣльно отъ вашего я, имѣть свои понятія, свои приемы, свою омытлость, вы однакоже должны придерживаясь изложенныхъ выше правилъ составленія общечеловѣческихъ понятій, опасаться сдѣлать въ этомъ явленіи болѣе ослѣпительное понятіе, чѣмъ дозволяется фактами, иначе ваше пониманіе тотчасъ сдѣлается субъективнымъ, и у васъ выйдетъ безознательная философія влѣсто реальной науки. При привычкахъ усвоенныхъ нашими учеными, вы будете подвергаться великому соблазну указать ту часть челоѣческаго организма, которая проявляетъ вышеуказанное самостоятельное мышленіе и вамъ будетъ казаться, что ваше понятіе до тѣхъ поръ будетъ не научнымъ, пока вы ее не укажете; между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ на оборотъ, ваше понятіе не перестаетъ быть общечеловѣческимъ и научнымъ, если вы скажете не имѣя достаточно фактовъ, какую часть тѣла вы въ этомъ случаѣ разумѣете подъ словомъ зрѣніе, и останете научнымъ пока вы не сдѣлаете этой ошибки. Въ приведенномъ выше примѣрѣ вы имѣете несомнѣнный шее явленіе мыслительнаго процесса. Ощущенія порожденныя двумя впечатлѣніями сравниваются; изъ нихъ выводится заключеніе и это заключеніе порождаетъ соответствующее ему дѣйствіе; чрезъ произведенное на васъ, этия дѣйствіемъ вашего зрѣнія, впечатлѣніе, предметы представляются вамъ талими а не другими. Сравните теперь этотъ мыслительный процессъ съ мыслительными процессами, проявляющимися въ дѣйствіяхъ животныхъ даже тамъ, гдѣ дѣйствія эти наиболѣе инстинктивны, вы увидите значительную разницу—рутинность мыслительнаго процесса сдѣлаза громадный шагъ въ направленіи въ единообразному повторенію. Этотъ мыслительный процессъ имѣетъ уже полное сходство съ процессомъ образованія свѣтовыхъ явленій, волны, звука, химическаго тѣла; онъ имѣетъ такое же постоянство какъ и такъ называемые законы неорганическихъ тѣлъ. При повтореніи той же обстановки, заключеніе повторяется съ такою же неизмѣнной правильностью и вы можете также вѣрно на него рассчитывать, какъ на повтореніе химическаго соединенія съ отдѣльнымъ и поглощеніемъ теплоты. Вы понимаете и причину почему мышленіе зрѣнія болѣе похоже на мышленіе неорганическаго тѣла, а мышленіе стубъзанной части каюминаетъ болѣе мыслительные процессы органическаго. За исключеніемъ одной системы впечатлѣній, впечатлѣній изъ центра, всѣ остальные условія, при которыхъ производится мыслительный процессъ части, остались столь же следными какъ и прежде. Между тѣмъ какъ мыслительные процессы зрѣнія въ области передачи вѣншихъ впечатлѣній ограничиваются одними только родомъ этихъ впечатлѣній -- свѣтовыми явленіями, а цю

этому и мышленіе ихъ въ этой области такъ просто, какъ и самыя свѣтовыя явленія; мыслительные процессы частицъ, производящія эти явленія во время распространенія свѣта посредствомъ ихъ дѣятельности, также просты и постоянны, какъ мышленіе въ неорганической природѣ. Если вы научились отличать отдѣльное мышленіе вашего зрѣнія отъ мышленія собственнаго я, то вамъ уже легче будетъ розыскивать отдѣльное мышленіе другихъ частей вашего тѣла, обрацаа преимущественное вниманіе на ошибочныя сужденія. Перейдемъ къ физиологическимъ отявленіямъ. Когда вы видите какъ собака слизываетъ съ полу то, что вы выплюнули или какъ дикарь бѣтъ вошь, васъ вырветъ. Вынимаемъ въ источникъ этого явленія. Животныя, дикарь, ребенокъ ѣдятъ часто всякую гадость, они не угѣтъ сообразовать утолненіе своего желудка съ потребностями своего организма, то ѣдятъ сликомъ много, то ѣдятъ вещи которыхъ перевариваніе принесло бы организму вредъ, а не пользу. Противъ этихъ неправоностей организмъ защищаетъ особымъ физиологическимъ отравленіемъ—рвотой. Если ребенокъ или дикарь съѣдаютъ сликомъ много или что нибудь вредное, ихъ рветъ. Когда дикарь и ребенокъ начинаютъ развиваться и понимать другія послѣдствія, съ которыми соединено принятіе пищи въ извѣстномъ неизмѣрномъ количествѣ или поглощеніе извѣстныхъ веществъ, то изъ возможнѣйшій отъ этихъ дурныхъ послѣдствій у нихъ создается понятіе о противномъ въ области питанія. Эти понятія вызываютъ тѣмъ болѣе отчетливое представленіе и мыслительные процессы, которые приводятъ къ тѣмъ болѣе энергической волѣ, чѣмъ болѣе челоѣкъ развивается въ этомъ отношеніи. Вкусъ, запахъ, наконецъ видъ извѣстнаго вещества, мысль о томъ, чтобы его съѣсть вызываетъ рвоту. Въ этихъ послѣднихъ двухъ случаяхъ вы уже совершенно ясно видите, что рвота произведена мыслительнымъ процессомъ вашего я, который отъ частаго повторенія и наслѣдственной передачи перешелъ въ рутину. Дикарь бѣтъ вошь и вы можете ее съѣсть, если вы этого не замѣтите, она у васъ переварится и вы ничего не будете знать объ этомъ, но васъ тотчасъ вырветъ если вы сознательно ощутите вошь у себя на зубахъ. Предразсудочная и религіозная мысль можетъ произвести рвоту; челоѣкъ считающій заица поганымъ, извергаетъ его рвотой; глубоко вѣрующаго можетъ вырвать, если онъ съѣстъ милоку въ поетный день. Можно подобратъ сколько угодно примѣровъ, чтобы доказать, что движеніе въ окончательномъ результатѣ приводящее къ рвотѣ, точно также можетъ начаться вашимъ мыслительнымъ процессомъ, какъ и движеніе въ окончательномъ результатѣ приводящее къ прыжку, къ поднятію тяжести на извѣстное мѣсто. Васъ рветъ отъ мысли

точно также, как если вы вскакиваете от испугу, прыгаете через ров, ударяете внезапно выскочившее на вас животное. От внезапного и сильного впечатлѣнія в вас возникает давно уже вам знакомая и обратившаяся в рутину мысль о необходимости внезапного дѣйствія; вы знаете также, что в этих случаях заключение и дѣйствіе должны быть мгновенны, а следовательно и без ближайшаго разсмотрѣнія входящих в них рутинныхъ понятій. Почему мыслительный процессъ приводящій къ рвотѣ принявъ такой рутинный характеръ, понять очень не трудно. Если вы пьете и замѣчаете во вкусу, что жидкость сдѣлалась вредною или в нее попало вредное твердое тѣло, то не мудроно понять откуда тутъ берется мысль о необходимости внезапнаго дѣйствія, т. е. пока вы окончите какія нибудь разсужденія, жидкость будетъ уже поглощена и всосета в кровь. Но если движеніе рвоты есть такое же движеніе производимое вашимъ мыслительнымъ процессомъ, какъ и всякое другое движеніе порожденное вашей мыслию, то на какомъ основаніи вы можете признавать его порожденіемъ мысли только тогда, когда постигъ събыть въ истинный день молока, а не тогда, когда эта рвота вызывается вашимъ желудкомъ независимо отъ васъ. Какая разница между этими дѣйствіями? Разница заключается только в томъ, что вы произведете своею мыслию рвоту если вы замѣтили, что вы съѣли пищу, которую нужно бы извергнуть, а вашъ желудокъ производитъ ее тогда, когда вы не могли этого замѣтить, а замѣтилъ онъ при ближайшемъ разсмотрѣніи во время пищеваренія. Для нашей цели, рвота представляется весьма удобной примѣрой, потому что съ одной стороны вы очень ясно видите сходство этого движенія съ другими движеніями, несомнѣнно вызванными вашей сознательной мыслию, напр., съ нанесеніемъ удара внезапно налетѣвшему на васъ врагу, а между тѣмъ вы здѣсь видите чѣмъ в другихъ движеніяхъ видите, что импульсъ можетъ вытекать не отъ вашего я, а отъ различныхъ другихъ частей вашего тѣла и притомъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя неказываютъ, что источникомъ былъ точно такой же мыслительный процессъ, какой происходитъ у васъ въ головѣ. Чѣмъ отличается вредная для вашего организма пища, въ качествѣ производящаго рвоту впечатлѣнія на ваше зрѣніе, на вашъ вкусъ и на вашъ желудокъ. Это та же причина, которая приводитъ къ тому же послѣдствію т. е. которая вызываетъ мыслительный процессъ стимулирующій дѣйствіе рвоты; но только въ первыхъ двухъ случаяхъ этотъ процессъ происходитъ у васъ въ головѣ и вы объ немъ знаете, а въ послѣднемъ у васъ въ желудкѣ и вы не знаете, а потому сопротивляется дѣйствію на сколько можете. Сопротивляясь осуществленію мысли вашего же-

луда вы, по видимому, поступаете весьма неблагообразно, потому что черезъ такое сопротивленіе вы рискуете безнадежно отравиться неизвестнымъ вамъ ядомъ, въ то время, какъ послушавшись желудка безъ сопротивленія вы бы могли спасти себя. Но взглянувъ ближе въ дѣло мы убѣждаемся, что это сопротивленіе вытекаетъ изъ причинъ, подобныхъ тѣмъ, по которымъ городъ сопротивляется налогу для развитія пожарной части, хотя онъ рискуетъ чрезъ это погорѣть. Мыслительные процессы, которыми вы производите въ себѣ рвоту произошли в васъ эмпирически. Вы научились ихъ производить въ себѣ также какъ кухарка научилась печь пироги, какъ веревка вить гвѣзда, какъ совершается большинство, такъ называемыхъ сознательныхъ и такъ называемыхъ инстинктивныхъ дѣйствій. Это путь эмпирическаго мышленія. Путемъ извѣстныхъ наблюденій, мышленію удается понять, что такое то дѣйствіе можетъ привести къ желанной цели и онъ повторяетъ его, оно обращается у него въ рутину, а обратившись въ рутину употребляется уже и къ стати и не къ стати. Мысль этого движенія подала вамъ вашъ желудокъ. Когда онъ по формѣ своей былъ еще близокъ къ кишкѣ, ему очень легко было производить и нерестальтическія и антинерестальтическія движенія и онъ пользовался этимъ каждый разъ, когда пищевареніе дѣлалось для него почему нибудь обременительнымъ. Если бы мыслительные процессы, путемъ которыхъ вы, что мы для краткости назовемъ здѣсь вашимъ желудкомъ и другіе части вашего тѣла стимулировали движеніе рвоты, были или безпорядочно рациональны или иррациональны, какъ полагаютъ Гартманъ, то въ организмѣ не могло бы образоваться и привычки противудѣйствовать движенію рвоты. Но это обыкновенные человѣчески-эмпирически мыслительные процессы, способные дѣйствовать и съ бессмысленной рутинностью, и съ нѣлпыми излишествомъ, и недостатку знаний и поверхностные, а потому иногда совершенно ложные въ своихъ заключеніяхъ. Между тѣмъ съ развитіемъ организма условія стали изменяться, рвота дѣлалась все болѣе сильнымъ потрясеніемъ и отсюда развивалась мысль и привычка противудѣйствія, которая опять таки но рутинности и эмпиричности прѣмѣняется иногда весьма не къ стати. Когда къ вамъ въ ротъ попадетъ твердое тѣло, способное васъ задушить, вашъ пищеварительный аппаратъ, давно знакомый и съ этимъ впечатлѣніемъ и съ противудѣйствующими ему эмпирическими мыслительными процессами, старается сначала удалить тѣло языкомъ, а если это ему не удается и тѣло проникаетъ все глубже, то производить рвоту. Внезапная рвота это действительно единственное дѣйствіе, которымъ аппаратъ можетъ выбросить тѣло если оно уже проникло на извѣстную глубину. Доктору

лѣзаетъ пальцемъ къ вамъ въ ротъ вы и очень хорошо знаете, что вамъ нужно способствовать, а не противудѣйствовать ему, но вашъ инстинктивный аппаратъ этого не знаетъ, онъ получаетъ известное впечатлѣніе эмпирически составляетъ изъ него свое заключеніе и производитъ рвоту. Вы принимаете рвотное, оно начинаетъ всасываться въ кровь, наши нервы получивъ впечатлѣніе производятъ рвоту—мысль и дѣйствіе совершенно цѣлесообразны. Но вотъ вы выпрыскиваете рвотное въ кровь, опять и уже совершенно инакъсообразно происходитъ рвота; однакоже это тѣмъ лучше изображаетъ мереди вамъ эмпирической характеръ, вызывающаго рвоту мыслительнаго процесса вашихъ нервовъ. Они еще меньше чѣмъ вы знаете, что происходитъ въ вашемъ желудкѣ, но они знаютъ, что если начинается съ известныхъ впечатлѣній, то кончается илохо и что противъ нихъ помогаетъ такое то внезапное движеніе и они къ нему приступаютъ точно также, какъ животное кидается въ сторону при видѣ своего врага и при видѣ того, что вовсе не есть его врага, а только произвело на него тоже впечатлѣніе. Эти эмпирическія сужденія способны измѣняться и вы можете наблюдениемъ убѣдиться, что они измѣняются совершенно также, какъ вашъ собственныя эмпирическія сужденія. Сравните въ этомъ отношеніи дѣйствія големы человѣка, котораго рветъ отъ зайца, потому что въ немъ сидитъ убѣжденіе, что это ногатая и противная пища, съ инстинктивнымъ органомъ человѣка который не журилъ никогда, съ желудкомъ—который никогда не ѣлъ ложками растительное масло, съ кровеносными сосудами—которые никогда не испытывали приѣмовъ мышьяка. Человѣкъ можетъ быть вполне и основательно убѣжденъ, что онъ употребляетъ въ безпредѣлѣмъ количествѣ табакъ, масло и мышьякъ, но части его тѣла этого не знаютъ, они эмпирически судятъ, что если начинается съ такого впечатлѣнія, то кончается илохо и производятъ рвоту. Предрасудочный человѣкъ и части тѣла при повторяющемся употребленіи, будутъ убѣждаться опытно, тѣмъ же путемъ. Отравленіе производятъ безъ нужды такое потрясающее дѣйствіе какъ рвота и будетъ приводить въ всѣхъ одинаково служить стимуломъ развитія и будетъ приводить ихъ отъ прежнихъ мыслей къ другимъ. И послѣдствія будутъ одинаковы. Слишкомъ впечатлительный человѣкъ и слишкомъ впечатлительный желудокъ могутъ никогда не отстать отъ своего эмпирическаго сужденія. Способные заманичиваться отъ него, могутъ легко сдѣлаться слишкомъ сильны и привыкнувъ не вѣрить своимъ отвращеніямъ, допускать безпримѣрственно дѣйствительно вредное. Такимъ образомъ мереди намъ изображается мыслительный процессъ частей организма въ рвотѣ, но рвота это уже чисто физиологическое отравленіе. Цѣлая

сторона питанія организма происходитъ путемъ такого же рода дѣйствій частей организма. Питаніе вашего уха происходитъ съ помощью дѣятельности известныхъ нервовъ, которые приспособлены къ впечатлѣніямъ производимымъ на нихъ извѣт или изъ внутри температурою и прочее, то снимаютъ, то расширяютъ кровеносные сосуды и тѣмъ усиливаютъ и ослабляютъ питаніе, смотря по надобности. Для того, чтобы успѣшно приспособляться, имъ безъ малѣйшаго сомнѣнія, нужно отнюдь не мѣшать ума чѣмъ воронѣ для того, чтобы приспособить свое гнѣздо на деревѣ. Точно также, какъ ворону, вы можете ихъ обмануть и воспользоваться ихъ рутинностію для своихъ цѣлей; дѣятельности этихъ отдѣльных частей даютъ свой общій результатъ, который отражается впечатлѣніями на сердце и соображаясь съ этими впечатлѣніями сердце бьется. Ничто не кажется намъ болѣе механическимъ чѣмъ бѣженіе сердца, а между тѣмъ одинъ ударъ не равенъ другому, между имъ и ударомъ часовъ громадная разница, каждый ударъ сердца есть результатъ мыслительнаго процесса, такъ сказать математическая его мысль заключается въ размѣръ который ему дается. И все таки сердце по рутинѣ продолжаетъ зря биться когда оно вырвано изъ тѣла, такъ точно, какъ и вы обращаетесь съ илжаннымъ словомъ къ горячо любимому человѣку, хотя передъ вами лежитъ уже его безжизненный трупъ. Отъ этихъ физиологическихъ мыслительныхъ процессовъ зависитъ, болѣе или менѣе обильное питаніе различныхъ частей организма, а отъ этого обилія питанія—ихъ ростъ; произошедшее же такимъ образомъ отношеніе, между размѣрами различныхъ частей организма, корредатируетъ ихъ форму. Путемъ такихъ мыслительныхъ процессовъ части организма взаимно строятъ сами себя, но постройка эта совершается не только тѣмъ, что готовый уже матеріалъ допущается къ новообразованіямъ, смотря по надобностямъ, въ большихъ или меньшихъ количествахъ, но и тѣмъ, что изъ наличнаго матеріала дѣлается выборъ и наконецъ тѣмъ, что матеріалъ этотъ прямо создается органической кѣлочкой. Въ сырой землѣ находятся въ растворѣ различныя химическія тѣла, однакоже растеніе выбираетъ и всасываетъ изъ нихъ только тѣ, которыя ему нужны. Почва является только тѣхъ составныхъ своихъ частей, которые нужны растенію, она истощается только по отношенію къ нему; нуждающіеся въ другихъ составныхъ частяхъ могутъ расти на немъ съ удобствомъ. Также поступаютъ и отдѣльныя части растенія: каждое беретъ, что ему нужно изъ илжнющагося оно него матеріала. Мало этого, оно создаетъ химическое тѣло нужное для его питанія. Дрожжевой грибъ, растенія производящія ферментацию, гниеніе и илжотворы болѣзны, разлагаютъ химическія тѣла въ веществахъ служащихъ имъ почвою и создаютъ нужная,

для них нитанія химическія образования. Это совершается не путемъ ихъ химическаго состава, а черезъ ихъ физиологическую дѣятельность. Если вы механически раздавите ихъ, такъ что они перестанутъ быть органическими клеточками, то химическій ихъ составъ, конечно отъ этого не измѣнится, но химическія разложения и новообразования прекратятся, что ясно показываетъ, что эти новообразования происходятъ физиологическимъ, а не химическимъ путемъ. Теперь мы вошли въ такую область дѣятельности, которая составляетъ общее достояніе и животныхъ и растений. Если вы видите мыслительный процессъ въ дѣятельности нервовъ, которые skinная и разжимаю кровеносные сосуды уха, регулируютъ его нитаніе, то вамъ не трудно замѣтить въ рѣшенияхъ дѣйствій, которыми ничѣмъ отъ этого не отличаются. Я вамъ укажу наблюдение которое вы можете сдѣлать также легко, какъ вышеупомянутое наблюдение надъ мыслительными процессами вашего зрѣнія. Наблюдайте минутникъ, который растетъ у васъ въ комнатѣ, наполнивъ окно и разросся вдоль темной надъ нимъ стѣны. Цвѣты, которые появляются на окнѣ, къ крайней вашей досадѣ, будутъ всѣ обращаться къ свѣту и будутъ дѣлать, при этомъ, крутые повороты. Между тѣмъ цвѣты на темной стѣнѣ не будутъ имѣть никакого опредѣленнаго направленія, если свѣтъ будетъ доходить до нихъ въ одинаковомъ количествѣ со всѣхъ сторонъ. Въ то же время вы замѣтите, что цвѣты на окнѣ будутъ развиваться быстрее, чѣмъ цвѣты на темной стѣнѣ; а такъ какъ цвѣты минутника развиваются вообще очень быстро, то это наблюдение не потребуетъ отъ васъ большого терпѣнія. Успѣхъ цвѣтотворенныхъ къ свѣту происходитъ отъ того, что свѣтъ способствуетъ нужнымъ для нихъ химическимъ образованиямъ. Легче всего убѣдиться, что движеніе цвѣтотворенія минутника есть, также какъ и дѣйствіе нервовъ въ кровеносныхъ сосудахъ, дѣйствіе физиологическое, а не химическое и не механическое—убейте клеточку и ничего этого не произойдетъ, какъ и въ дрожжевомъ грибѣ. Присутствіе мысли, въ качествѣ стимула въ дѣйствіи рвоты вы узнавали преимущественно потому, что обстоятельства оставались тѣ же, а дѣйствіе измѣнилось очевидно черезъ явившееся путемъ опыта убѣжденіе въ удобствахъ другаго образа дѣйствія при этихъ обстоятельствахъ. Рвота отъ куренія, отъ принятія ложки масла, безвреднаго количества мыльска или опиума прекратилась тѣмъ же путемъ какъ и отъ куса зайца. Мыслитель, которому принадлежалъ стимулъ этого движенія, убѣдился въ ошибочности своего прелюбнаго заключенія о необходимости рвоты въ подобныхъ обстоятельствахъ. Но точно также какъ вы можете приучить ваше гѣло къ куренію, къ употребленію голаго масла и опиума, вы можете приучить его ко множеству другихъ вещей, напр. къ пере-

несенію низкой температуры, отъ которой сокращенія и разширенія кровеносныхъ сосудовъ дѣлалась сначала весьма поправимыми. Аклиматизація есть ничто иное, какъ измѣненіе физиологическихъ дѣйствій различныхъ частей организма при неизмѣнныхъ новыхъ обстоятельствахъ, точно также и всякое приспособленіе, но и растения акклиматизируются и приспособляются. Въ физиологическихъ дѣйствіяхъ вы видите и рутину, и пониманіе и несовершенство пониманія. Растеніе и животный организмъ выбираютъ изъ представляющаго матеріала то, что имъ нужно, производятъ его химическимъ путемъ, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ искусство ихъ создано эмпирическимъ путемъ и менѣе всего отличается совершенствомъ. Они вытѣсь съ нужнымъ могутъ принять и не нужное или даже губительное, произвести прямо вредное для себя. Вы можете окрасить растворы земли и растенія всосать это совершенно излѣнное для него красильное вещество, какъ животный организмъ всасываетъ ядъ. Разъ отравившись, часть организма можетъ научиться изъ опыта и сдѣлать ядъ для себя безвреднымъ.

X.

Мыслительные процессы неорганической природы; происхождение мира путем мыслительных процессов.

Спенсеръ въ своей психологiи, указываетъ на то, что мухоловъ только что вылупившійся изъ яйца, схватываетъ своимъ клювомъ насекомое т. е. исполняетъ такой актъ, который требуетъ не только очень точной оцѣнки разстоянiя, но еще умѣнья регулировать, очень точными образомъ, свои мускульныя движенiя, и прибавляетъ: «очевидно, что этотъ актъ схватыванiя часто автоматиченъ». Однимъ словомъ, по его понятiю организмъ это оловякъ, машинообразный автоматъ—внутри котораго развиваются и совершенствуютъ его такiя части, которыя способны къ сознательному мышленiю. Это показываетъ намъ, что враги Гартмана, знаменитые англiйскiе ученые, защитники механическаго мировоззрѣнiя, не успѣли достигнуть болѣе глубокаго пониманiя чѣмъ самъ Гартманъ и что ильмекская публица превозносила Гартмана, вовсе не показала этимъ близорукости и неумѣнья. Спенсеръ излагается такимъ образомъ отъ Сциалы ясновидѣнiя, въ которую впадалъ Гартманъ. Его пониманiе трезвое и не идетъ далѣе фактовъ. Въ особую заслугу дужю ему поставить то, что онъ успѣлъ удалить грубую неясность изъ понятiя о вѣчно-неизмѣннотъ заповѣй; черезъ его объясненiе законъ этотъ, по праивей мѣрѣ съ наружи принимаетъ благообразный видъ. Спенсеръ только односторонности даетъ идею, которая въ сущности не лучше гартмановской субъективности. Спросите себя, почему вы находите сходство между стѣножкой, которая бѣжитъ безъ головы, мухоловомъ и машиной или автоматомъ. Почему машина можетъ совершать движенiя, которыя создаютъ лунный сравненiя между ею и помпунутыми организмами? Отвѣтить не мудрено—это потому, что машина точно также какъ и эти организмы есть произведенiе мысли. Она дѣйствуетъ по мысли, но эта мысль принадлежитъ не ей, а человѣку который ее сдѣлалъ. Сравните орудиа кото-

рыя создавалъ человѣкъ на разныхъ ступеняхъ своего развитiя и въ съ одной стороны опредѣлите его потребности, а съ другой, нузь его умственнаго усовершенствованiя. Вы противопоставляете машинамъ и человѣческимъ орудиамъ организмъ и видите, что они также несомнѣнное произведенiе мысли; что мысль эта не предвѣчная и не ясновидѣцкая, какъ полагаютъ Гартманъ, а напротивъ, она также развивается какъ и мысль, проявляющаяся въ орудиахъ человѣка, она также порождена для удовлетворенiя потребностей, но потребности эти принадлежатъ ей самой. Какое вы отсюда должны сдѣлать заключенiе? Такъ какъ организмъ имѣетъ цѣль свою самъ въ себѣ, дѣйствуетъ самъ для себя, да и дѣйствiя его несутъ печать степеней его развитiя, то вы всегда прямо заключаете, что и мысль дѣйствiя принадлежитъ ему. Спенсеръ этого и не отрицаетъ, онъ понимаетъ и то, что мысль эта не можетъ принадлежать той части организма, которая продолжаетъ въ немъ жить и мыслить; вы, ваше мыслящее я, не можете быть творцомъ нашего организма; Спенсеръ и не утверждаетъ такой неясности, но онъ говоритъ, что въ то время когда организмъ создается, тогда мысль его живетъ, не по мѣрѣ того какъ мысль повторяется и приобретаетъ привычку повторятся, она умираетъ, и наконецъ превращается въ автоматическое дѣйствiе. Вотъ это то, однакоже, у него субъективная идея! Откуда онъ взялъ, что мысль умираетъ черезъ повторенiе? Такъ какъ всякое реальное понятiе для того, чтобы быть общечеловѣческимъ, должно быть неизбѣжно сначала наблюдаемо непосредственно и послѣ такого непосредственнаго наблюденiя только можетъ быть предпологаемо тамъ, гдѣ оно обидаруживаетъ свои послѣдствiя, то онъ долженъ былъ непосредственно наблюдать гдѣ-нибудь умيرانiе мысли отъ повторенiя. Наблюдать же мыслительный процессъ, человѣкъ можетъ только самъ въ себѣ; но въ себѣ онъ видитъ одну живую, отнюдь не умирающую отъ повторенiя, мысль. Спенсеръ дѣлаетъ ту же ошибку, какую дѣлаетъ Гартманъ и какая дѣлается безпрерывно учеными и философами, онъ олицетворяетъ мысль, дѣлаетъ изъ нее множественное существо; онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что мыслительные процессы совершаются не мыслью, а живой силой; она можетъ повторять свои мыслительные процессы сколько ей угодно, и черезъ это не превратиться въ автоматъ. Живая сила можетъ совершать мыслительные процессы только пока она остается живой; а пока она остается живой, она сохраняетъ и способность ихъ видоизмѣнять и создавать новые. Далѣе Спенсеръ говоритъ, что по мѣрѣ повторенiя, впечатлѣнiе даетъ все менѣе сильное ощущенiе, а когда дѣйствiе дѣлается автоматическимъ, то впечатлѣнiе не даетъ вовсе ощущенiя. Это до такой степени противурѣчить наблюденiю, что мои дѣй-

ствия дѣлаются часто наиболѣе автоматичными именно тогда, когда мы снательные процессы, изъ которыхъ они вытекаютъ, начинаются самыми сильными ощущеніями. Автоматичность дѣйствія зависитъ отъ моего понятія о томъ, какъ быстро оно должно послѣдовать и чѣмъ болѣе мыслительный процессъ долженъ быть сокращенъ ради быстроты дѣйствія, тѣмъ болѣе въ его составъ, конечно, могутъ входить только одни рутинныя понятія; не время дѣлать изслѣдованія по части удѣльнаго вѣса, когда раздался выстрѣлъ и нужно нырнуть въ воду, чтобы спастись отъ него. Впечатлѣніе, не производящее ощущеніе самое обыкновенное явленіе. Мы уже выше показали, что мыслительная сила обращаетъ впечатлѣніе въ ощущеніе и оставляетъ въ стероихъ множество впечатлѣній, не обращая ихъ въ ощущенія, но за то пока впечатлѣніе не обращено въ ощущеніе и оставлено безъ вниманія, до тѣхъ поръ оно не можетъ породить и мыслительнаго процесса. Ощущеніе есть неизбежно начало всякаго мыслительнаго процесса и всякаго дѣйствія. Спенсеръ не понимаетъ этого потому, что онъ не достаточно усилія себѣ коллективность процесса мышленія человѣческаго и вѣчно сѣмшиваетъ дѣйствіе частей съ дѣйствіемъ цѣлаго. Сдѣлать до такой степени занятый битвой, что онъ не дозволяетъ никакимъ впечатлѣніямъ обращаться въ ощущенія, кромѣ тѣхъ, на которыхъ онъ сосредоточилъ свое вниманіе, умираетъ не забывавъ, что его убили и даже въ предсмертномъ бреду все еще воображаетъ, что сражается съ прежнимъ врагомъ. Понявъ, что впечатлѣніе можетъ произвести мыслительный процессъ и дѣйствіе только посредствомъ ощущенія, обратились теперь къ точкамъ неорганической матеріи *A* и *B* (см. въ прилож. фиг. 6), о которыхъ мы говорили въ четвертой главѣ. Точки эти двигаются одна по направленію *AD*, другая по направленію *BC*. Мы видѣли, что если бы сила, производящая въ нихъ это движеніе, была механическая, то столкнувшись въ *F*, онѣ должны были бы продолжать двигаться въ прежнемъ направленіи, какъ всякая стѣна, ни чему не внимающая, ничего не разбирающая сила которая должна была толкать ихъ по прежней дорогѣ и только. Но если наблюденіе показываетъ намъ, что дѣло кончается вовсе не такъ, что точки *A* и *B* столкнувшись въ *F* перемѣняютъ направленіе, *A* направляется къ *C* или къ *E*, а *B* къ *D* или къ *E*, то отсюда мы неизбежно заключаемъ, что точки *A* и *B*, обладаютъ способностью перемѣнять направленіе т. е. произволомъ. Это было бы произволомъ и тогда если бы наблюденіе намъ показывало, что сила переходитъ изъ *A* въ *B* и обратно. И въ томъ и въ другомъ случаѣ источникъ этой перемѣны направленія представляется намъ компромиссомъ, взаимной уступкой т. е. мыслию. Онъ пред-

стается намъ такимъ именно потому, что непосредственное наблюденіе показываетъ только одинъ внутренний источникъ перемѣны—это мысль. Такъ какъ я вездѣ вижу только внѣшнюю сторону движеній и ихъ перемѣны, и только въ себѣ самомъ наблюдаю внутреннюю и нахожу ее исключительно въ мыслительномъ процессѣ, то мнѣ остается одно изъ двухъ: или сказать, что перемѣна движанія въ точкахъ *A* и *B* порождается мыслительнымъ процессомъ или утверждать, что я не знаю чѣмъ она порождается. Сначала мнѣ кажется, что разннца между мною и неорганической природой такъ велика, что невозможно, чтобы кислородъ, водородъ, азотъ, углеродъ и т. д. мыслили какъ я. Но я берусь за дѣло иначе. Я думаю: вѣдь я состою изъ кислорода, углерода и преч., если я мыслю, то слѣдовательно во мнѣ мыслятъ эти химическія тѣла. Значитъ они способны мыслить, если они способны мыслить во мнѣ, то ясно, что они могутъ быть способны мыслить и мнѣ меня. Теперь я уже не исхожу отъ убѣжденія, что они не способны мыслить, а исхожу отъ убѣжденія, что они способны мыслить. Я забываю, что мнѣ потому казалось такъ страннымъ и невозможнымъ признать ихъ способными мыслить, что они проявляются такъ единообразно. Постепенно взглядъ на это значеніе единообразія дѣйствія начинаетъ у меня измѣняться, я начинаю наблюдать, что чѣмъ незначительнѣе способности мыслящаго и дѣйствующаго, тѣмъ единообразіе проявляется въ немъ мысли и мыслительные процессы. Въ органической и даже животной природѣ я нахожу мыслительные процессы, которые отличаются величій тѣмъ же самымъ единообразіемъ, какъ и дѣйствія въ неорганической природѣ. Единообразіе дѣйствія перестаетъ уже быть для меня признакомъ устраняющимъ возможность мыслительнаго процесса. Теперь я говорю себѣ, я понимаю какъ изъ существа одареннаго слабой мыслительной способностью, можетъ развиваться существо одаренное сильной мыслительной способностью. Я черезъ непосредственное наблюденіе знаю, что мысль развивается сама изъ себя. При способности мыслить, я накопляю впечатлѣнія создаю новыя мысли; это усовершенствованное мышленіе въ свою очередь увеличиваетъ мою впечатлительность и т. д. Я понимаю, что такимъ путемъ, изъ самой слабой мыслительной силы, можетъ развиваться самая совершенная. Она можетъ развиваться потому, что она способна къ развитію изъ себя. Но какимъ образомъ изъ неиспытанной силы можетъ развиваться мыслящая; если она не мыслящая, вѣчно неизмѣнная, то она способна только къ комбинаціямъ, и способна дать новую комбинацію но не мыслительную силу, которая можетъ развиваться только сама изъ себя путемъ накопленія впечатлѣній. Какимъ образомъ связозъ мертвое, несо-

собное ощущать впечатлѣніе, можетъ вдругъ въ одинъ прекрасный день получить ощущение и начать мышление. Мало этого, мы видѣли выше, что мыслительная сила, способная совершать мыслительные процессы, должна существовать раньше, чѣмъ получится первое ощущение, потому что она обращаетъ впечатлѣніе въ ощущение. Если я исхожу съ той точки зрѣнія, что всякая сила въ природѣ есть мыслительная сила, то для меня разомъ дѣлается понятнымъ и единообразіе повтореній, зависящее отъ недостаточной впечатлительности въ неорганической природѣ, а также прогрессъ въ ней который подготавливаетъ возможность появленія и развитія органическихъ тѣлъ и навязывающее себя человеку съ неотразимой силой заключение, что все въ неорганической природѣ есть произведеніе мысли; такъ что онъ неизбежно дѣлаетъ мысль источникомъ явленій природы и если не приписываетъ ихъ творенію, то приписываетъ закону природы или предвѣчной мысли, или чему бы то ни было, но всегда мысли. Спенсеру кажется, что не только въ неорганической природѣ, но и въ органической, въ большинствѣ случаевъ нѣтъ ощущения; а между тѣмъ разсмотрѣніе, какъ происходятъ дѣла въ природѣ, вамъ указываетъ на оборотъ признаки существованія ощущения. Люди считаютъ рѣшительнымъ признакомъ произвола и внутренняго дѣйствія мысли, если они при существованіи той же обстановки видятъ и отсутствіе и присутствіе дѣйствія; въ неорганической же природѣ они не видятъ разнообразнаго дѣйствія при тѣхъ же обстоятельствахъ; однакоже это только потому, что они поверхностно смотрятъ на дѣло, болѣе внимательное въ нему отношеніе покажетъ имъ прямо противоположное. Прибѣйте къ веревкѣ тяжесть слишкомъ достаточную, чтобы разорвать любую ея часть; почему она разрывается только въ одномъ, или двухъ мѣстахъ и притомъ не прошедши нѣсколькихъ времени, а не разсыпится мгновенно вся въ пыль. Вы имѣете объяснять, что веревка сначала вытянется и проч., прямо изъ учебника физики. Но я васъ оиать-таки спрошу, почему все это не дѣлается мгновенно? А потому, что тяжесть можетъ произвести на частицу веревки только впечатлѣніе, а частица веревки должна сначала обратить это впечатлѣніе въ ощущение, за тѣмъ совершить мыслительный процессъ, а уже мыслительный процессъ породитъ дѣйствіе. Такимъ образомъ оказывается, что не только для органическихъ тѣлъ, но и для неорганическихъ недостаточно одного впечатлѣнія которое, конечно, породило бы окончательный результатъ мгновенно, а необходимо, чтобы это впечатлѣніе обращено было мыслительной силой дѣйствующей матеріи въ ощущение и мыслительный процессъ. Поэтому окончательный результатъ, который при механическомъ мгновенномъ дѣйствіи впечатлѣнія, состоялъ бы въ

разрывѣ всѣхъ частей веревки и превращеніи ея въ пыль, теперь состоитъ въ разрывѣ только въ одномъ мѣстѣ. Тяжесть можетъ вѣсть довольно долго на веревкѣ и петель разорвать ее и вы можете имѣть образецъ разнообразнаго дѣйствія при тѣхъ же обстоятельствахъ. Отсутствіе мгновенности въ послѣдованіи результата за впечатлѣніемъ, составляетъ общее правило въ неорганической природѣ и вамъ кажется, что частицы матеріи оказываютъ сопротивленіе дѣйствію силы и притомъ такое сопротивленіе, которое имѣетъ степени. Говорятъ напр. движеніе слѣдуетъ линіи наименьшаго сопротивленія. Моментае дѣйствіе, взрывъ— составляетъ исключеніе, но и эту моментность вы можете объяснить тѣмъ путемъ, которыми впечатлѣнія превращаются въ ощущенія и мыслительные процессы. Спенсеръ, рассказывая случай съ лошадей омнибуса которая не хотѣла идти и двинулась тотчасъ, когда кондукторъ далъ обычный знакъ трогать т. е. сильно хлопнулъ дверью, прибавляетъ, что это движеніе было автоматическо, слѣдовательно по его неванію не сопровождавшееся ни напять, ни ощущеніемъ. Между тѣмъ на дѣлѣ было на оборотъ, кондукторъ очень хорошо понималъ, что тутъ дѣло зависѣло отъ ощущенія, а потому возможно сильно хлопнулъ дверью, чтобы произвести потрясающее ощущеніе. Если бы звукъ двери былъ слабъ, такъ что впечатлѣніе было бы слабо, или хотя и сильнѣе, но въ этотъ самый моментъ лошадь испугалась бы чего-нибудь посторонняго, такъ что вниманіе ее было бы отвлечено и впечатлѣніе не дало бы ощущенія, то лошадь можетъ быть не двинулась бы. Движеніе произошло отъ сильнаго ощущенія и въ центрѣ и во всѣхъ частяхъ. По той же причинѣ вода, которая въ стаканѣ охлаждена до 10 градусовъ ниже нуля замерзнетъ мгновенно отъ толчка, сильнаго впечатлѣнія частицъ другъ на друга дасть мгновенный результатъ. Въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ замерзаніе будетъ вовсе не мгновенное, какъ всякому извѣстно изъ примѣра рѣкъ медленно замерзающихъ даже на поверхности и тогда, когда воздухъ внезапно понизился до 20 градусъ ниже нуля и болѣе. Это потому же, почему и лошадь омнибуса могла не двинуться, если впечатлѣніе хлопанія дверью противудѣйствовало впечатлѣніе страха. Впечатлѣніе не дасть равносильнаго ему ощущенія и не произведетъ мгновеннаго дѣйствія, если ему противудѣйствуетъ другое впечатлѣніе, какъ напр. въ рѣкѣ, впечатлѣніе теплоты нижнихъ слоевъ воды. Я теперь приступаю къ разсмотрѣнію мыслительнаго процесса въ неорганической природѣ. Встрѣчаясь съ тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ одного неорганическаго тѣла на другое я понимаю, что на него можетъ быть не одинъ, а нѣсколько различныхъ отвѣтовъ, и дѣйствительно, я всѣ эти различные отвѣты встрѣчу въ природѣ; но при этомъ

я замѣчаю, что если какое-либо неорганическое тѣло однажды дастъ извѣстный отвѣтъ, то оно постоянно его повторять. Лучъ свѣта произвелъ впечатлѣніе на матеріальную точку. Природа можетъ дать весьма разнородные отвѣты на это впечатлѣніе, а также можетъ продолжить это движеніе въ томъ же направленіи, отклонить его вправо или влево, отбросить его или съ уменьшеніемъ вправо или влево; наконецъ, можетъ не дать никакого видимого отвѣта. И дѣйствительно, всѣ эти роды отвѣтовъ мы встречаемъ въ природѣ; въ этомъ обличается произволъ мыслительной силы, она по своему выбору даетъ различные отвѣты на те же впечатлѣнія; но за то единожды данный отвѣтъ повторяется при тѣхъ же обстоятельствахъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ. Итъ ничего легче, конечно, какъ объяснить этотъ фактъ. Спенсеръ, желая отрицать у низшихъ органическихъ, а тѣмъ болѣе у неорганическихъ тѣлъ, память на равнѣ съ ощущеніемъ, утверждаетъ, что только то есть результатъ памяти, что нужно вспоминать, но когда что-нибудь до такой степени утвердилось въ нашей памяти, что его никогда не приходится вспоминать, то оно уже сдѣлалось автоматичнымъ и примѣнять къ нему слово «память», значитъ злоупотреблять словами. Не нельзя ли скорѣе сказать, что такъ произвольно разграничивая понятія, какъ онъ это дѣлаетъ, значитъ злоупотреблять разграниченіемъ понятій. Научившись какому-нибудь движенію я могу совершать его также автоматично, какъ любой мушкетеръ, но потомъ могу разучиться—перестало оно быть дѣломъ памяти или итъ? Спенсеръ такъ сильно напирать на автоматичность ходьбы, однакоже ходить можно разучиться, а люди которымъ долго приходится лежать въ постелѣ разучиваются ходить. Его такъ поражаетъ ловкость мушкетера, но онъ забываетъ, что низшія животныя совершенствуются въ своемъ искусствѣ и молодые умираютъ массами отъ недостаточнаго искусства въ добываніи себѣ пищи и когда добываніе дѣлается затруднительнымъ погибаютъ сначала молодые, а потомъ старые. Въ дѣлѣ заплыванія до превращенія въ автоматичность, вы видите такую постепенную, утончающую въ непроницаемомъ туманѣ безконечности градацію, что не пожертвовавъ несдѣлательностью мышленія, вы никакъ не можете сказать, гдѣ тутъ кончается, способная утрачиваться, память и начинается беспособная, будто бы, утрачиваться автоматичность. Что спенсеровская автоматичность напр., автоматичность его лошади омибуса способна утрачиваться и забываться, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Продолжительность воспоминанія зависитъ не только отъ частоты повторенія или силы впечатлѣнія. Наблюденія даютъ намъ слѣдующее объ этомъ

понятіе. Если бы вы въ вашей жизни получили только одно впечатлѣніе, то на основаніи данныхъ нашего опыта, слѣдовало бы вамъ предсказать не опасаясь ошибиться, что воспоминаніе объ этомъ впечатлѣніи сохранилось бы въ васъ во всей его полнотѣ въ теченіе всей вашей жизни, даже если бы вы жили не десятки, а сотни тысячъ лѣтъ; мало того, это воспоминаніе составляло бы все содержаніе вашей силы. Воспоминанія составляютъ все содержаніе всякой силы; всякое новое воспоминаніе есть приращеніе къ ней, всякое повтореніе—поддержка для нея, всякое забвеніе—убыль въ ней. Вы, въ качествѣ силы живущей въ нашемъ организмѣ, продуктъ вашихъ воспоминаній, безъ нихъ вы не мыслимы; точно также какъ потенція, возможность дѣйствовать не мыслима безъ содержанія. Вы можете наблюдать себя, подвергая себя анализу и вы увидите, что кровъ воспоминаній въ васъ есть еще ощущеніе т. е. не прошедшее, а современное воспоминаніе или если вамъ это больше нравится, то скажете, что въ васъ есть только современное и прошедшее ощущеніе и возможность строить изъ этого матеріала. Вся ваша жизнь состоитъ изъ дѣйствій; а дѣйствуйте какъ вамъ угодно и вы всегда будете страить изъ прошедшихъ, сохранившихся въ памяти и современныхъ ощущеній и только. Попытайтесь произвести какое-нибудь дѣйствіе, проявляющееся или не проявляющееся, но въ которомъ бы не было мысли и вы убѣдитесь, что все ваше содержаніе есть матеріалъ изъ котораго строится мысль, а потенція къ ихъ произведенію и осуществленію, дѣлаетъ изъ этого содержанія—силу. Если вы затѣяте обратиться къ окружающей васъ природѣ, то вы тутъ вездѣ и всюду увидите только одно проявленіе мысли; обращаясь къ пониманію другихъ людей вы увидите, что и они точно также какъ и вы, вездѣ и всюду, видятъ одно проявленіе мысли. Въ этомъ отношеніи откровенное сознаніе которое проявляется въ идеѣ о сотвореніи, или въ партановской идеѣ предвѣчной мысли, для васъ не такъ интересно, какъ интересно стремленіе утверждать во что бы то ни стало, что въ природѣ не выражается мысли или, по крайней мѣрѣ, что она выражается не вездѣ. Направляя всю глубину своего мышленія къ тому, чтобы опровергнуть мнѣніе, что все въ природѣ выражаетъ мысль и ничего кровъ выражающаго мысль, не существуетъ; ученый въ концѣ все-таки утверждаетъ тоже самое, только другими словами, онъ говоритъ напр., что явленія природы порождаются силами дѣйствующими по законамъ т. е., существующими мысли, но только не свою, а нѣлѣгкое и мнѣстскаго существа—природы; или тѣла выражаютъ мысли когда-то ими созданныя, но превратившіяся въ автоматическое выношеніе; а такъ какъ вы видите тамъ, гдѣ вы непосредственно можете наблюдать, какъ происходитъ

внутренний акт мышления мысли, что это выполнение производится не иначе как путем мыслительного процесса, то такое изображение есть ничто иное, как повторение того же, что наблюдение показало и вам, но только с отрицанием мысли столь же основательными как и отрицание тех философов которые утверждали, что только философ мыслит сознательно, а толпа и рабы лишь бессознательно осуществляют мысли. Мифические это в сущности тоже идея о законах природы, но в еще более неудовлетворительном виде; оно приписывает материи способность создать мысль своего действия и затем превратиться в бездушный, исполняющий ее автомат; наблюдение однакоже показывает итд., что если и способен быть создатель мысли своего действия, то я могу выполнить ее с каким миф угодно единообразием и я все-таки остаюсь творцом моей мысли, а не автоматом. Все это убеждает меня, что факты осуществления мысли с таким неизменным единообразием повторяются во всех явлениях природы, что для человека невозможно и представлять себе эти явления иначе, как в форме осуществления мысли, точно так же, как по той же неизменности единообразного наблюдения, я не могу себе представить проявления собственной своей силы иначе, как в форме осуществления мысли. Отсюда я заключаю, что понятие, что всякая сила в природе есть ничто иное, как мыслительная сила, именно на столько же достоверно, как и то, что моя собственная сила есть ничто иное, как мыслительная сила. Из всех реальных понятий, идущих далее сферы безусловно истинных, отрицательных понятий, эти два понятия обладают наибольшей степенью несомненности. Если бы на основании вывода из всех своих впечатлений и наблюдений над самим собою, я захотел представить себе начало мира, то я могу себе представить его только в виде безжизненной аморфной массы вещества, с присущей ему столь же неопределяемой силой; эта сила находится в том же состоянии, которое я очень хорошо знаю из наблюдений, это то состояние, в котором человек говорит о себе: «я сам не знаю, чего я хочу». Идея действовать лишь для того, чтобы выдти из безжизненного состояния и есть предвечная идея, первая мысль силы. Она составляет высшую степень неопределяемого и бессодержательного. Если мы обратимся к истории мира, то мы убедимся, что в окончательном результате эта история развития и представляет собою развитие идей явлений, которые движутся и более определенными и более содержательными, точно также как форма материи все более от этого усложняется; единственное общечеловеческое понятие о начале мира, которое я могу вывести из этих наблюдений, заклю-

чается поэтому в том, что в начале своего существования материя отличалась высшей степенью безформенности, а ее сила или мыслительная и деятельная способность, высшей степенью неопределяемости или бессодержательности. Идея Гартмана, что предвечно существовала мысль, хотя безликая, но вполне и окончательно выработанная и развитая, которой не доставало только осуществления или лучше сказать, для которой это осуществление было совершенно лишним; эта идея до такой степени вполне и безусловно противуречит наблюдению, что она этих наблюдением неизменно только отрицается. И в органической и в неорганической природе наблюдение показывает постепенное, идущее ощупью, переполненное возвратными движениями развитие мысли, а не предвечное, законченное ее существование. Идея Гартмана, как противоречащая наблюдению от начала до конца безусловно субъективная. Подобная идея может не врану принадлежать только врану, а не науке. Мы доказали выше, что субъективная идея может быть враной, даже более враной, чем выведенная из впечатлений; поэтому никто не имеет права утверждать, что его научные идеи более враны, чем идеи той или другой религии; разница между научными идеями и идеями религии заключается не в том, что одни враны, а другие итд., а в том, что одни общечеловеческия, а другие субъективныя. Если бы господину Гартману угодно было заявить себя всевидящим пророком, то я никогда бы не позволил себе утверждать, что в моих идеях более истины, чем в идеях его поклонников; я оспариваю только их научность, а не их правоту. Если я представлю себе в начале мира осуществление первой неопределяемой идеи силы вещества, из безжизненного состояния, перейти в действие, то именно по причине неопределяемости идеи этой еще никогда не действовавшей силы, вся аморфная масса материи не может проявиться одинаково и различие которое произойдет в этом проявлении будет делом случайности, таким образом появится случайность которая участвует в образовании явлений и до наших дней. Поклонники законов природы — фаталисты; они отрицают случайность, но это не согласно с наблюдением. Из положения может быть несколько выходов которые одинаково возможны, но едва ли когда-нибудь одинаково удобны; делом рывается не этим последним обстоятельством, а пониманием действия; может быть очень враная причина для ршения, но если я этой враной причины не понимаю, а выбираю один из путей только потому, что надо из чего-нибудь ршиться, то окончательный результат порождет быть случайностью. Заметьте случайности рациональнейшею составляет один из важных путей прогресса. Отрицание случайности вызвано было зло-

употреблением, къ которому признаніе подавало поводъ, но отсюда же произошло и отрицаніе фатализма; но отрицая въ одно и тоже время и случайность и фатализмъ, изъ которыхъ одно должно неизбѣжно существовать, если другое не существуетъ, человекъ показывалъ уже только ту слабость и безхарактерность, которая всегда дѣлала людей несособными къ рациональному мышленію. Лишь только сила начала проявлялась, послѣдствіемъ было всеобщее движеніе и всеобщее впечатлѣніе, которое обращено было въ ощущеніе, прозвучало мыслительный процессъ и дѣйствіе, опять таки случайное, неопредѣленная идея этого дѣйствія раздѣлялась съ впечатлѣніемъ. Какой смыслъ имѣетъ все это изображеніе? Это гипотеза? Итъ Гартманъ строить гипотезу, а я итъ. Я не говорю, что начало міра было или должно было быть такимъ. Я строю схему, создаю идеальное понятіе. Для того, чтобы дать вамъ возможность ямъ и точнѣе представлять себѣ явленія времени и пространства, математикъ создаетъ идеальное понятіе единицы времени и пространства. Точно также и я создаю идеальное понятіе этой схемы для того, чтобы дать вамъ возможность ямъ представлять себѣ ходъ развитія мыслительныхъ процессовъ въ природѣ. Если у васъ умъ болѣе способный уяснять себѣ явленія путемъ аналитическимъ, чѣмъ синтетическимъ, то выѣсто безформенной массы вещества міра представьте себѣ отдѣльную точку и ея первое дѣйствіе въ предвѣчное время. Оно случайное и случайнымъ будетъ отвѣтъ на первое впечатлѣніе. Но лишь этотъ отвѣтъ послѣдовалъ, явилась съ тѣмъ выѣсто и первая рутинна. Наблюденіе показываетъ, что если вы иблучили новое впечатлѣніе и дали на него отвѣтъ; то съ повтореніемъ этого впечатлѣнія вы дадите тотъ же отвѣтъ; для того, чтобы вы дали другой отвѣтъ, нужна какая либо восторженная причина. Это обращеніе дѣйствія въ рутину есть прямое послѣдствіе эмпирическаго мыслительнаго процесса. Чѣмъ новѣе впечатлѣніе, тѣмъ неувереннѣе то заключеніе, которое порождаеть дѣйствіе, а чѣмъ сильнѣе было по отношенію къ нему сомнѣніе, тѣмъ убѣдительнѣе будетъ практика отвѣта. Мало этого, если вы получите одно новое впечатлѣніе получите за нимъ другое, хотя бы не однородное, но столь же новое и незнакомое, вы попытаетесь отвѣтить на него тѣмъ же дѣйствіемъ и если это вамъ уастанетъ, то на будущее время эти разнородныя впечатлѣнія будутъ вызывать въ васъ одинаковое ощущеніе и вы ихъ будете смѣшивать до тѣхъ поръ, пока послѣдствія одинаковаго отвѣта не покажутъ вамъ разницу между ними. Если послѣдствія покажутъ, что дѣйствіе можетъ оставаться тѣмъ же, но для успѣха должно быть все болѣе усилено, то и е впечатлѣнія вы себѣ составите понятіе какъ ебъ однородномъ и все болѣе усми-

вающимся. Цѣлый рядъ подобныхъ впечатлѣній породитъ въ васъ мыслительный процессъ сравненія и соразмѣренія дѣйствія съ впечатлѣніемъ. Если вы будете составлять многочисленную постоянно двигающуюся и производящую своимъ движеніемъ другъ на друга впечатлѣніе толпу, то движеніе этой толпы со временемъ сдѣлается стройнымъ. Если эта толпа разойдется и черезъ нѣсколько времени опять сойдется, то ея движенія тотчасъ снова сдѣлаются стройными уже по приобретенной рутинѣ. Чѣмъ чаще люди составляющие толпу будутъ попадать въ подобныя положенія, которыя приводятъ въ окончательномъ результатѣ къ стройности того или другаго рода, тѣмъ легче всякое движеніе будетъ у нихъ обращаться въ стройное и наконецъ явится, весьма способствующее этому, рутинное стремленіе къ стройности и порядку въ движеніяхъ и способность угадывать нужный для этого размѣръ. Глядя на подобное стройное движеніе наблюдателю со стороны будетъ казаться, что кто-то его установилъ, что это движеніе установившееся по чей то единой мысли и что эта мысль не можетъ принадлежать ни одному изъ членовъ толпы, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ обозрѣть ее, не только управлять ею. А между тѣмъ это заключеніе будетъ совершенно ложное. Порядокъ установился самими членами, но только по однимъ кѣмъ нибудь изъ нихъ, а всѣмъ выѣсто и при томъ безъ всякаго согласанія. Это прямое результатъ развитія мыслительнаго процесса въ каждомъ изъ членовъ. Сталкиваясь при движеніи всѣ будутъ стараться опредѣлять силу толчковъ и соразмѣрять съ ними движенія такъ, чтобы переходъ отъ толчка къ толчку всего легче обращался въ рутинное движеніе. Это стремленіе будетъ прямымъ послѣдствіемъ эмпирическихъ приемовъ мышленія. Получивъ повтѣренный толчокъ каждый будетъ стараться понять это впечатлѣніе и соразмѣрять съ нимъ движеніе, прежде всего стараясь его повторить; если повтореніе окажется неудачнымъ, то онъ будетъ снова стараться примѣряться, если же удачнымъ, то стремленіе повторять получитъ въ немъ удвоенную силу и ему будетъ казаться, что онъ находитъ наконецъ истину. Отсюда иребладающее стремленіе всѣхъ, будетъ направлено къ отысканію такого движенія, которое можно было бы повторять и окончательнымъ результатомъ будетъ стройность движенія всей толпы; все равно, будетъ ли оно поступательное или колебательное. Если вы съ одной стороны поняли этотъ ходъ мыслительныхъ процессовъ, а съ другой то ебстоятельство, что источниками движенія въ неорганической природѣ суть мыслительные процессы мельчайшихъ частей этой природы, то вы поймете ту стройность и разбѣренность движеній атомовъ, которой удивляются физики и астрономы. Возмите ту часть веревки, о ко-

төрвй ны говорилл выше и второя находилась подъ вліаніемъ привѣшанной къ веревкѣ тяжести. Въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ своего существованія, сколько разъ она подвергалась дѣйствию тяготенія прямому или посредственному, какъ въ случаѣ привѣшанной тяжести. Какъ она должна была пріучаться соразмѣрять свои движенія съ впечатлѣніями этого рода, мудро ли, если оказывается, что они отлчаются математическою точностію. Возмите частіцу, витающую въ воздушномъ пространствѣ надъ землею, какиная отъ впечатлѣній свѣта и теплоты, сколько разъ она подвергалась подобнымъ впечатлѣніямъ, порождающимъ физическое движеніе мудро ли, что она способна къ точной соразмѣрности и что рутинная стройность всёхъ этихъ движеній поразительна. Матерія существуетъ и двигается достаточно давно, чтобы первоначальную безпорядочность превратить въ стройность и сдѣлать стройными всякаго рода движенія. Чтобы понять какъ это произошло само сабою вамъ нужно только понять, что источникъ движенія—мыслительные процессы матеріи. Если вы надѣли платье, которое давитъ васъ съ одной стороны, то хотя давленіе было бы легкое, а вы будете стараться избавиться отъ него вслѣдствіе укороенннхъ васъ въ вастъ рутиннаго мыслительнаго процесса, который постоянно будетъ побуждать васъ уклоняться отъ давленія и не дастъ вамъ покоя. Но если тоже платье будетъ слегка давить васъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, то вы будете переносить это спокойно, опять таки вслѣдствіе другого укороенннхъ васъ въ вастъ мыслительнаго процесса вслѣдствіе инстинктивной привычки думать, что въ подобномъ случаѣ уклоненіе отъ одной стороны къ другой, усилитъ давленіе на другой сторонѣ, и что если двустороннее давленіе безвредно и не отяготительно, то лучше оставаться въ покоѣ. Теперь представте себѣ лошадь, которая получила ударъ, достаточный только для того, чтобы заставить ее сдѣлать шагъ съ цѣлю уклониться отъ впечатлѣнія, но лишь только она это совершила послѣдовалъ другой и за нимъ цѣлый градъ, она будетъ двигаться все быстрее и наконецъ нскачетъ изъ всёхъ силъ. Этотъ ходъ дѣла будетъ прямымъ результатомъ ея мыслительныхъ процессовъ. Она думала, что ея движеніе будетъ достаточно, чтобы уклониться отъ впечатлѣнія, но повторенный ударъ убѣдилъ ее, что она не достигла цѣли, желаніе произвести наконецъ такое быстрое движеніе при которомъ она уклонится, будетъ заставлять ее двигаться все скорѣе. Точно тоже будетъ съ вами, если вы захотите пойдти къ какому нибудь предмету и этотъ предметъ начнетъ удаляться отъ васъ; вы нсвольно будете все ускороять ваше движеніе. Эти психическія движенія рисуютъ передъ вами картину дѣйствія силъ тяготѣнія на точку матеріи.

они показываютъ вамъ почему точка остается спокойною, если на нее дѣйствуетъ тяготѣніе съ одной стороны, а сопротивленіе съ противоположной, а также почему сила стремленія при такомъ положеніи въ ней не развивается и почему эта сила начинаетъ быстро развиваться во время паденія. Если бы лошадь имѣла такую же глубоко укороенннхъ васъ рутину въ соразмѣреніи своихъ движеній съ ударами, то и ея движеніе было бы равномерно-ускорительное. Механическая сила должна была бы, конечно, произвести равномерное, а не равномерно-ускорительное движеніе; таже сила должна была бы дѣйствовать также при всякихъ обстоятельствахъ. Причина различнаго дѣйствія чисто психологическая; эмпирически путемъ добытое рутинное понятіе, что если прямой отвѣтъ на впечатлѣніе не представляется противовѣсья впечатлѣнію, то дѣйствіе должно быть усиливается до тѣхъ поръ, пока окажется противовѣсья и движеніе достигнетъ своей цѣли. Если вы будете разсматривать со стороны движеніе изъ безпорядочнаго обратившееся въ стройное, вамъ будетъ приходить мысль, что въ этомъ своемъ видѣ оно совершенно удовлетворительно и можетъ считаться окончательно достигшимъ своей цѣли; оно можетъ единообразно повторится до безконечности и не порождаетъ никакой неизбежной потребности въ переизмѣнѣ. Но если вы отъ наблюденія надъ самымъ движеніемъ обратитесь къ наблюденію надъ мсихическимъ состояніемъ двигающагося, то взглядъ вашъ измѣнится. Наблюденіе надъ собою вамъ вполне выкажетъ какимъ образомъ сила выходитъ изъ бездѣятельнаго состоянія, вы сами сила и по опыту знаете, что бездѣятельное состояніе продолжающееся въ безконечность для силы невыносимо. Вы понимаете, что чѣмъ аналитичнее сила, тѣмъ дальше она можетъ оставаться въ такомъ состояніи, но существовать безконечно и не стремиться выйти изъ бездѣятельнаго состоянія, для нея невозможно. Вы можете себѣ представить, что сила предѣльной матеріи, при ея крайней аналитичности, можетъ быть, оставаться бездѣятельной въ теченіи безчисленныхъ вѣковъ, но безвѣчно это не могло продолжаться и фактъ даваемая наблюдениемъ тотъ, что она дѣйствительно вседу вышла изъ бездѣятельности. Переходъ отъ бездѣятельности къ безпорядочному движенію, если онъ только существовалъ, долженъ былъ, конечно, казаться для силы весьма обременительнымъ и водвореніе стройныхъ движеній должно было доставлять ей такое же удовлетвореніе, какое доставляется каждому члену толпы черезъ переходъ отъ нейтральнаго къ правильному движенію. Не будетъ ли такое удовлетвореніе для члена толпы полнымъ? Безъ сомнѣнія нѣтъ; онъ будетъ чувствовать, что переходъ отъ тягостнаго бездѣйствія къ ритмическому движенію онъ далеко не достигъ того, чего хотѣлъ. Онъ стремился

къ движению свободному и безпрепятственному, а получил правда движение же, но не всё свободное, а такое где он ощутил в зависимости от громадной, недоделанной силы; он не может ни обнять ее, ни понять и еще меньше ее управлять. Это движение должно показаться ему наконец тягостнейшим и невыносимейшим рабством. Если оно будет разнообразиться, если по временам он будет переходить от одних движений к другим, это опять будет доставлять ему некоторые удовлетворения; но появление побуждающего к выводу чувства тягостной, рабской зависимости через это только замедлится, а отнюдь не устранится на всегда. В природе вы встречаете разнообразие стройных движений, которая сверх того сменяются еще не стройными, где частица упражняет свое искусство сразумлять действие с силой впечатливая. Обозревая это разнообразие и принимая в соображение анатомию части вы понимаете, что она могла долго довольствоваться этим. Представьте себе возможно более аналитическая существа, совершающая в толпе ритмические движения. Как бы они не были тупоумны, но стремление найти выход под конец начнёт в них пробуждаться. Мысль этого стремления будет следующая: рабская необходимость повторять ритмические движения происходит из впечатливая—как бы избавиться от этих впечатливая? Вот у него и у его соседа одновременно родилась новая мысль: схватиться и двигаться вместе. Это удовлетворяет его, теперь удары они получают уже попеременно, то он то его сосед. Первый раз они схватились чисто случайно, но это обратилось у них в рутину и они снова схватываются каждый раз, когда встречаются при тех же обстоятельствах. Член толпы может и иначе ограждать себя, он может стремиться выделиться, ставить себя особняком, предупреждая удары и отталкивая приближающихся предварительно. В ритмически двигающейся толпе, как скоро движение начинает безмерно надоедать, непременно явятся и то и другое движение. Явятся еще и иные. Если один из схватившихся будет получать с какой нибудь стороны весьма сильные удары, он оставит старого товарища и схватится с новым, чтобы сильный удар превратился в прежний обыкновенный. Его прежний товарищ, в свою очередь в момент разрыва союза, будет по привычке составленной привычки наиболее расположен вступить в новый. Двойственный союз будет предварительной подкладкой для происхождения тройственного и более сложного, создающихся как и всякая сложная мысль только из более простой. Вот вам схематическое изображение, объясняющее происхождение химических соединений, состояния газобразного и прочее путем развития понятий и побуждений в мыслительных

процессах. Вы видите тут происхождение химического соединения и газобразного тела, причину действия сильных оснований, причину почему двойственные соединения предшествуют более сложным. Понятие о механической силе все это прямо противуречит. Если тело способно к сложному соединению, то нет механической причины к градации от двойственного, а различным расположением к соединению явлению, как на порождении механической силы; это различный образ действия при тех же обстоятельствах. Вы понимаете таким образом, почему химические соединения совершаются только в известных условиях и известными пропорциях. Представьте себе толпу, совершающую стройные движения в разных направлениях; соединения, в которых будут входить члены для своего облегчения или удобное положение ими принимаемые, будут зависеть вовсе не от одной их воли, а от характера самих движений, которая в сущности уже ни от кого не зависит. Вы поймете, напр., и возможность действия света, т. е., вновь движущегося стройного движения на перемены в химических соединениях.

XI.

Порождение организма путем мыслительного процесса.

Изагаля ход развития мира, я вовсе не имью претензи, подобно Артуру Шюенгауеру, протестовать противъ неспособности человека познавать суть вещей, я просто изображаю дѣло такимъ, какимъ оно представляется на основаніи имѣющихся у насъ научныхъ данныхъ о его ходѣ. Для своего изображенія я употребляю тѣ же приемы которыя употребляются для изображенія истории человѣчества въ доисторическую эпоху, для изображенія истории развитія органическаго мира. Сохранившиеся историческіе остатки сравниваются съ людьми, животными и прочими существующими и въ наше время на разныхъ степеняхъ развитія и потому поддающимся непосредственному наблюденію и съ общими научными понятіями о человѣкѣ, животныхъ и прочее. Геологъ, наблюдая пласты земные, невольно замѣчаетъ въ этихъ напластываніяхъ развитіе идеи, онъ убѣждается въ несравненности мірыя, что жизнь и развитіе есть принадлежность только одного органическаго. «Земля живетъ!», восклицаетъ онъ. Для астронома жить начинаетъ весь міръ; онъ говоритъ о жизни планетъ, онъ предполагаетъ, что Марсъ долженъ быть болѣе развитъ чѣмъ земля, онъ говоритъ о живущихъ и отжившихъ звѣздахъ. Онъ менѣе всего склоненъ думать, что солнце и планетная система существовали въ совершенномъ видѣ предвѣчно, онъ убѣждается, что они образовались изъ аморфнаго вещества наполнявшаго все занятое ими теперь пространство. Такъ какъ я изображаю только въ самыхъ крупныхъ чертахъ, то я отбрасываю болѣе спорные и представляю единственными способомъ, который допускается неполнотою фактовъ, т. е., схематически. Чтобы не сбиваться съ толку, читатель долженъ усвоить себѣ характеръ схематическаго изображенія. Схематическое изображеніе развитія идеи политической жизни было бы такое: родовая бытъ, феодальный бытъ, деспотическое управление, теократическое управление, свѣтское монархическое, представителное, федеративное и демократическое. Это даетъ

намъ понятіе объ исторіи развитія, потому что изображаетъ передъ нами основныя черты его фазисовъ, но вы лейните дѣло совершенно невѣрно, если будете себѣ представлять, что въ такую те миху существовали все родовыя, въ слѣдующую феодальныя и т. д. формы, потому что формы эти съ самаго начала видоизмѣнялись и разнообразились стремленіемъ къ свободѣ, которое неизменно существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣкъ и было истиннымъ, но часто совершенно сарывающимся отъ глазъ историчекомъ развитія, и различіемъ въ способностяхъ людей и условіяхъ ихъ жизни. Точно также нужно понимать и схематическое изображеніе мирового развитія. Мнѣ не нужно предвѣчнаго толчка, въ которомъ чувствовали потребность астрономы; вмѣсто гипотезы я имѣю наблюденіе, которое мнѣ показываетъ, что сила не можетъ оставаться безвѣечно бездѣятельною и выхода изъ этой бездѣятельности неизбѣжно рождаетъ какую либо мысль движенія. Я вижу, что и теперь въ громадномъ большинствѣ достигнуга наблюденія мирового пространства, движенье вѣчно обращающееся изъ нестройнаго въ стройное, преобладаетъ надъ химическими образованиями и превращеніями, условия мѣстности и температуры наиболее благоприятствующія химическимъ образованиямъ, существуютъ только на самыхъ ограниченныхъ пространствахъ. Въ этомъ отношеніи громадное межпланетное пространство можетъ быть сравнено съ пустынею, а на солнцѣ высокая температура оставляетъ въ газеобразномъ видѣ прѣстыхъ тѣлъ, такіе металлы и металлоиды, которые на землѣ встрѣчаются почти исключительно въ составѣ химическихъ соединений. Солнце и звѣзды расширяютъ кругомъ себя движенье на безпредѣльныхъ пространствахъ, а химическія образования они создаютъ только на сравнительно личтожныхъ. Все это убѣждаетъ меня, что мысль е соразмѣреніи впечатлѣнія съ движеньемъ, которая представляется наблюденію вседѣйственно, возникаетъ легче стройнаго движенья уже предполагающаго высокую степень развитія способности соразмѣренія и что въ свою очередь стройное движенье составляетъ предшествующую, а химическія образования—слѣдующую ступень. Съ другой стороны, я вижу, что стимуломъ къ появленію всёхъ этихъ измѣненій было стремленіе силы создать движенье по своему усмотрѣнію, а не подчиниться общему потоку. Это тоже стремленіе которое и въ человѣкѣ, въ видѣ стремленія къ свободѣ, является стимуломъ развитія его идей. Стимулъ развитія въ неорганическомъ мірѣ представляется мнѣ столь же слабымъ, какъ и стимулъ свободы въ жизни человѣчества. По большей части и тотъ и другой кажутся совершенно заглушенными. Не лишь только картины развитія міра и развитія человѣчества представитъ передъ вами во всей своей

полноты вы ясно видите, что все движение есть их дѣло. Они были и причиной движения и причиной отсутствия въ немъ безусловной правильности. Свободное общество, даже представительное демократическое собрание, вы встрѣчаете между людьми уже на самой низкой ступени развитія и слѣды химическаго соединенія вы находите и тамъ, гдѣ предполагалось прѣстѣнное тѣло, подвергавшее себя лишь стройнымъ движениямъ. Переходя въ сферу болѣе удобную для человѣческихъ наблюденій, на поверхность нашей земли, вы видите, что вы находитесь въ области наиболѣе благоприятной для химическаго развитія и тутъ же вы замѣчаете какимъ образомъ это благоприятное условіе прокладываетъ путь въ слѣдующей ступени мирового прогресса. Сравненіе съ земною поверхностью наводитъ васъ на мысль, что неустойчивость химическихъ соединеній на солнцѣ и существованіе на немъ въ такихъ большихъ размѣрахъ водорода и металловъ въ чистомъ видѣ, зависятъ отъ меньшей плотности при большомъ накопленіи силы тяготѣнія и большой быстротѣ движений, а большая химическая несложность матеріи межпланетнаго пространства—отъ ея рѣдкости. Плотность твердыхъ тѣлъ на земной поверхности оказывается весьма благоприятнымъ условіемъ для химическихъ образованій. Въ неорганическомъ мірѣ на землѣ, сложныя химическія образованія нигдѣ не встрѣчаются въ такомъ большомъ числѣ и въ такой сложности и разнообразіи состава, какъ въ твердыхъ частяхъ поверхности земли. Жидкое состояніе слишкомъ способствуетъ установленію единообразія, а газообразное химическому уединенію. Земная атмосфера есть въ большихъ размѣрахъ съѣсъ простыхъ тѣлъ, лишь съ приближеніемъ химическихъ образованій. Разница между газами и твердыми частями земли такъ велика, что въ твердой земной корѣ примѣсь простыхъ тѣлъ безъ сравненія незначительна, чѣмъ примѣсь сложныхъ въ воздухѣ. Съ точки зрѣнія ископаемыхъ психическихъ стремленій силы, каждое изъ этихъ трехъ состояній представляетъ прямо противоположныя удобства и неудобства. Если вы себѣ представите все пространство занятое планетной системой наполненнымъ живыми существами, которыхъ движеніе вытекаетъ изъ нерва психическаго побужденія двинуться, а за тѣмъ изъ впечатлѣній вызывающихъ мыслительные процессы направленные къ установленію стройнаго движенія, то будетъ довольно понятныя каковыя образомъ планетная система приняла тотъ видъ, который мы действительно встрѣчаемъ. Представьте себѣ, что въ различныхъ мѣстахъ безконечнаго небеснаго пространства безпорядочное движеніе начинаетъ обращаться въ круговое, оно удовлетворяетъ стремленію къ рутинности и будетъ указывать путь исхода изъ безпорядочности впечатлѣній. Для всѣхъ частицъ внутри круга вращенія, оно от-

рѣзаетъ всю сферу вѣшнихъ прѣпятствій поступательнаго движенія. Въ поступательномъ своемъ движеніи они не будутъ уже напирать на весь вѣшній міръ, а будутъ слѣдовать по тому направленію, по которому слѣдуютъ и ихъ передовыя. Если бы имъ не пришлось учиться этому движенію, а способность къ нему была бы у нихъ механическая, какъ это утверждаютъ ученые, то движеніе сдѣлалось бы совершенно правильнымъ и все межпланетное пространство было бы наполнено однородною массою, въ которой всѣ частинки были бы въ равномъ другъ отъ друга разстояніи и двигались бы по правильнымъ кругамъ. Но на дѣлѣ тутъ играла роль психическій моментъ необходимости учиться и движеніе получило характеръ движенія толпы, которая начинаетъ кружиться. Образовавшіеся сферы установивъ движеніе болѣе удовлетворяющее, а потому и болѣе энергическое, будутъ отталкивать и притомъ постоянно къ одному направленію направленію безпорядочное вѣшнее поступательное движеніе и черезъ это будутъ способствовать образованію подобныя же сферы. Внутри сферы частіце будетъ руководить съ одной стороны стремленіе сохранить круглое вращеніе, а съ другой неуверенность въ правильности своего отдѣльнаго движенія. Эта неуверенность въ двигающейся подобнымъ образомъ живой толпѣ, заставляетъ каждаго члена въ своемъ движеніи отклоняться къ центру. Это отклоненіе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣже будетъ толпа и потому всякая совершающая круговое движеніе толпа дѣлается тѣмъ гуще, чѣмъ ближе вы будете подвигаться къ центру. Отсюда возрастающая къ центру масса и исходящая изъ нею реакція въ свою очередь тѣмъ болѣе энергическая, чѣмъ энергичнѣе будетъ напоръ; вотъ почему солнце составляетъ средоточіе самыхъ энергическихъ движеній. Эти реакціонныя движенія должны въ свою очередь дѣйствовать также, какъ первоначальное движеніе всей сферы дѣйствовало на вѣшній міръ. Оно должно произвести новыя закручиванія около новыхъ центровъ съ поступательнымъ и вращательнымъ движеніями, какъ наиболѣе легкій путь сдѣлать толпу болѣе рѣдкой и охранить движеніе отъ неправильныхъ толчковъ сверху и снизу. Это движеніе опять таки создастъ густоту около новаго центра, которая при дѣйствіи психическихъ моментовъ можетъ быть значительнѣе чѣмъ на солнцѣ. Это вытекаетъ изъ психическаго явленія терпѣнія, которое переноситъ до известнаго предѣла и потомъ даетъ тѣмъ болѣе сильную реакцію. Психически вы объясните то обстоятельство, что масса земли могла оказаться въ четверо болѣе плотной чѣмъ масса солнца; механическое же объясненіе можетъ быть только такого же достоинства, какъ объясненіе равномерно ускорительнаго движенія—механически это

нелюбовь. Покончим съ этимъ. Теперь представьте себѣ современное состояние. Движеніе повторяясь однообразно въ теченіи безчисленнаго множества лѣтъ, получило стройность поддающуюся математическому вычисленію; привычка уклоняться въ центр седала рутину земнаго тяготѣнія, явилась привычка скупиваться, которая дѣлала небесныя тѣла все болѣе твердыми, и наконецъ явилась привычка устремляться къ наклонившейся массѣ изъ которой рождалось взаимное притяженіе тѣлъ и т. д. При такихъ условіяхъ сѣканіе частицъ въ твердое тѣло доставляетъ имъ большія удобства съ точки зрѣнія спокойствія и правильности. Ограждая частицу отъ внѣшнихъ безпорядочныхъ впечатлѣній оно даетъ ей возможность, съ тѣмъ болѣе широкимъ удобствомъ слѣдовать своей рутинѣ правильного вращательнаго движенія. Но за то, это спокойствіе стужаго рабства. Глядя какъ большинство человѣчества склонно подчиняться работѣ тысячелѣтнаго обычая, не трудно понять, почему въ большинствѣ извѣстныхъ намъ на земной поверхности химическихъ тѣлъ, такъ велика наклонность къ твердому виду, а болѣе склонные къ газообразному состоянію: водородъ, кислородъ, азотъ составляютъ исключеніе. Газообразное состояніе, конечно, есть въ-который родъ освобожденія, но его преимущества уравновѣживается тѣмъ, что не избавляя частицу отъ стройныхъ движеній, оно безпрерывно подвергаетъ ее неправильнымъ, противурѣчающимъ и отягчительнымъ впечатлѣніямъ. Если твердое состояніе есть рабство теократическаго государства, то газообразное свобода разбойника. Вотъ почему на поверхности гдѣ соприкасаются между собою твердыя, жидкія и газообразныя частицы, мы видимъ состояніи обыденъ вещества и переходъ изъ одного состоянія въ другое. Совершая эти переходы, частица освобождаетъ себя поочередно отъ неудобствъ каждаго положенія. Эта возможность переимѣны заключаетъ въ себѣ возрастающую свободу. Разсматривая выше сущность мыслительнаго процесса мы видѣли, что ходъ его слѣдующій: впечатлѣнія, ощущенія, заключеніе изъ сопоставленія ощущеній и вытекающая отсюда обращенная въ дѣйствіе мысль; но при этомъ не всякое впечатлѣніе обращается въ ощущеніе, не всякое ощущеніе даетъ заключеніе и не всякое заключеніе порождаетъ мысль. Сфера впечатлѣній шире сферы ощущеній, шире сферы заключеній и шире сферы заключеній или понятій шире сферы дѣйствій. Чѣмъ развитѣе существо, тѣмъ болѣе разница между этими величинами. Обширность впечатлительности есть мѣрло развитія. При развитіи—впечатлительность возрастаетъ незамѣтно; намъ даже вовсе не кажется, что мы приобрѣли новую впечатлительность, намъ просто кажется, что мы теперь обращаемъ вниманіе на то, на что мы прежде не обращали никакого вниманія. Но чѣмъ болѣе она возрастаетъ,

тѣмъ болѣе мы творимъ идей, а чѣмъ болѣе мы творимъ, тѣмъ болѣе шире солидность и глубину мы требуемъ отъ своихъ идей, т. е., тѣмъ болѣе шире массу впечатлѣній мы желаемъ въ видѣ подкладки къ своей мысли. Это прямо приводитъ къ болѣе быстрому разрастанію впечатлѣній и ощущеній сравнительно съ мыслями. Обширная сфера впечатлительности съ одной стороны приводитъ къ тому, что мышленіе и дѣятельность утрачиваютъ типъ рутинности и приобретаютъ характеръ рациональности (потому что въ нихъ является болѣе приспособленія къ измѣнившимся обстоятельствамъ), а съ другой они утрачиваютъ ту быстроту и простоту которая накладываетъ на нихъ печать непосредственности. Созиданіе мысли на фонѣ обширной впечатлительности требуетъ времени. Люди такъ привыкли къ созиданію носѣдняго рода, что они только его и считаютъ мышленіемъ, а въ остальномъ готовы видѣть одну механику. Спенсеръ готовъ еще видѣть мышленіе въ томъ, когда ребенокъ учится ходить, но хожденіе кажется ему тѣмъ автоматичности; однакоже внимательное наблюденіе легко могло бы его убѣдить, что научиться ходить до автоматичности невозможно и что до самой смерти каждый шагъ человѣка есть мысль. Поидите безъ привычки по льду или по неровной мѣстности или идите хотя по ровной дорогѣ, и читайте безъ привычки книгу, и вы легко убѣдитесь, что вы вовсе не научились ходить до автоматичности и что каждый вашъ шагъ есть мысль, да еще такая мысль, которой составныя части вамъ трудно распутать; только когда вы, напр., попробуете читать на ходу, вы замѣтите какъ важны были для составленія этихъ мыслей глаза. Если вы идете даже по совершенно ровному мѣсту, повидимому вполнѣ автоматично и читаете или разговариваете, то вы вдругъ остановитесь; если нетребуетъ отъ васъ полное сосредоточеніе вниманія, какъ вы хотите сохранить ради усиленія вниманія ту долю мыслительной силы, которую вы тратили на дѣланіе шаговъ. Чѣмъ ничтожѣе перевѣсъ сферы впечатлительности, тѣмъ болѣе дѣятельность принимаетъ рутинный и непосредственный характеръ. Въ неорганической природѣ перевѣсъ впечатлительности представляется неизмѣримо малымъ, простоту и рутинность безконечно велика, но все таки она не безпредѣльна и хотя очень медленно, но все таки вырабатывается новое и не бывало. Такъ явился, наконецъ, и организмъ. Мы видѣли стремленіе частицы переходить изъ одного состоянія въ другое. Стремленіе, которое обнаруживается вездѣ, гдѣ устраняются препятствія къ его осуществленію и въ особенности, гдѣ твердыя, жидкія и газообразныя тѣла соприкасаются. Ничто не противурѣчитъ въ такой степени механическому возвращенію, какъ проявленія этихъ стремленій. Частица соединена съ твердыми тѣлами,

нѣтъ даже химической силы которая бы ее отделила, она тяжеле лежащих надъ нею газообразныхъ или жидкихъ частицъ, все побуждаетъ ее оставаться въ спокойномъ соединеніи съ твердымъ или жидкимъ тѣломъ и не трогаться съ мѣста, а наперекоръ всему она отдѣляется и идетъ вверхъ. Съ точки зрѣнія мыслительнаго процесса не можетъ быть понятіе. Человѣкъ изъ пожеланія въ пожеланіе тысячу лѣтъ занимался ремесломъ своей касты; наблюдая его, вы пришли къ заключенію, что рутинна въ немъ такъ сильна, что для него другая жизнь невозможна. Но вотъ въ одинъ прекрасный день, рядомъ въ горахъ завелась свободная разбойничья община, онъ покидаетъ свое занятіе и дѣлается разбойникомъ. Тогда только вы понимаете, что стремленіе къ свободѣ въ мыслящемъ существѣ нескоренна, тысячелѣтняя привычка корчится своей судьбѣ не могла искоренить стремленія проявить въ одинъ прекрасный день иначе свою волю; мыслительная сила, — сила живая и никогда не можетъ сдѣлаться мертвою. Тоже самое стремленіе не только несорваться существующему, но проявить въ немъ себя, т. е., стремленіе къ свободѣ, которое создало начало мировой жизни, породило и обмѣнъ веществъ на землѣ посредствомъ перехода частицъ изъ одного (жидкаго, газообразнаго, твердаго) состоянія въ другое. Это было проявленіе свободы и не мудрено если оно наконецъ породило и дальнѣйшее стремленіе упрочить благоприятныя для такого перехода обстоятельства. Въ первомъ несовершенномъ организмѣ обнаруживается только стремленіе создать такое условіе, при которомъ соприсоснованіе жидкихъ, твердыхъ и газообразныхъ частей сдѣлалось бы нѣсколько болѣе устойчивымъ. Съ извѣстной точки зрѣнія оно представляется весьма малымъ усовершенствованіемъ. Въ этомъ организмѣ почти тѣже черты, какія уже создались въ неорганической природѣ чрезъ стремленіе приведшія къ обмѣну веществъ. И неорганическая, жидкая и твердая тѣла поглощаютъ газы; втягивающая сила волосности приводитъ къ разширенію взаимнодѣйствія твердыхъ и жидкихъ тѣлъ; даже образование пленки, играющее такую первостепенную роль въ созиданіи кѣлочекъ, встрѣчается уже въ неорганическихъ сферахъ. Вамъ легко можетъ прийти мысль, что даже съ точки зрѣнія упроченія соприсоснованія жидкихъ, твердыхъ и газообразныхъ веществъ, низшій организмъ имѣетъ лишь спорное преимущество надъ неорганическимъ веществомъ. Подобная кѣлочка — мѣшочекъ, который можетъ точно также высохнуть какъ и песокъ или кристалликъ соли и тогда онъ обращается въ твердое тѣло, въ которомъ не болѣе и не менѣе жизни, чѣмъ въ песчанкѣ и въ кристалликѣ соли. Когда является влажность, этотъ мѣшочекъ оживаетъ, но вѣдь и песчинка и соль вбираютъ ее въ себя и въ нихъ является воз-

можность перемѣны. Вы видите химическія новообразованія въ низшемъ организмѣ, но вѣдь химическія новообразованія являлись и прежде; разсмотрите пласты земли и вы убѣдитесь, что эта старинная исторія, и что химическое новообразованіе не есть новая идея пережденная органической жизнью. Новое тутъ только одно; перемѣна производима не химической, а органической единицею; не углекислота, не соль, а кѣлочка производить ее; съ уничтоженіемъ кѣлочекъ при томъ же химическомъ составѣ перемѣны не произойдетъ. Вы понимаете, что первый организмъ составляетъ точно такой же прогрессъ и не болѣйшій и не меньшій, какъ первое химическое соединеніе, какъ первое превращеніе нестройнаго движенія въ стройное, т. е., первое физическое явленіе. Однакоже вы скоро убѣдитесь какимъ обильнымъ источникомъ дальнѣйшаго развитія служитъ это новое начало. Въ высшей степени здравая скромность, съ которой Дарвинъ относился къ своимъ великимъ научнымъ подвигамъ и которую онъ сохранялъ даже и лицомъ къ лицу съ такими торжественнѣйшими надъ нимъ ложною побѣду призракамъ, какъ въ дѣлѣ о гетерогенезисѣ, производятъ лучше въ мірѣ впечатлѣніе. Оно производить его не только вслѣдствіе своей прекрасной нравственной подкладки, но еще болѣе вслѣдствіе тѣхъ шаговъ, которые она даетъ усѣху научной истины. То, что сдѣлалъ Дарвинъ можетъ только въ глазахъ лагуца утратить свою цѣну, если окажется, что онъ не обладаетъ ясновидѣніемъ гартмановской предвѣчной мысли. Никто изъ насъ не имѣетъ претензій на ясновидѣніе, а Дарвинъ, вслѣдствіе паразитической силы своего здраваго смысла, менѣе другихъ. Вотъ почему я не вижу ни малѣйшаго стѣсненія, высказывая нижеслѣдующія мысли. Если мы будемъ смотрѣть на природу съ точки зрѣнія приспособленія, то окажется, что чѣмъ ниже явленіе въ сферѣ развитія мыслительнаго процесса, тѣмъ въ болѣйшей степени его можно назвать приспособленнымъ. Наиболѣе приспособленнымъ будетъ конечно то, что можетъ продолжатъ существовать при болѣе измѣняющихся условіяхъ. Наиболѣе приспособлена просто матерія; она продолжаетъ существовать при такихъ безконечно разнообразныхъ условіяхъ, что мы ее считаемъ неистребимой. Далнѣе приспособлены организмъ; изъ доступныхъ намъ наблюденію сферъ существованія — его сфера самая тѣсная. Если мы будемъ сравнивать низшій организмъ съ высшимъ, то мы должны признать болѣе приспособленнымъ, опять таки низшій организмъ. Низшій организмъ можетъ высохнуть и пролежать долгое время въ такихъ условіяхъ, при которыхъ никакая органическая жизнь невозможна и при появленіи благоприятныхъ условій снова начать жить. Его зародышъ можетъ тысячу лѣтъ проводить въ условіяхъ убывающихъ

не только всякій высшій организмъ, но и какое бы то ни было органическое развитие; побывать и въ убійственномъ холодѣ и въ такомъ жару, въ которомъ никакая органическая жизнь не мыслима, онъ все таки вырастаетъ при благоприятныхъ условіяхъ. Если мы съ этой точки зрѣнія будемъ считать низшее растение и человѣка, то мы найдемъ, что растение на столько же превосходитъ человѣка своею приспособленностію, на сколько человѣкъ превосходитъ его способностію приспособлять природу къ себѣ. Это конечно великая разница и тотъ кто хочетъ правильно понимать природу, отнюдь не долженъ смѣшивать приспособленность ее способностію приспособлять къ себѣ. Если мы теперь перейдемъ къ понятію о переживаніи приспособленнѣйшихъ, то мы увидимъ, что одно изъ двухъ или это выраженіе будетъ противурѣчить самымъ рѣзкимъ образомъ наблюденію, или ему нужно давать такой искусственный смыслъ который будетъ еще болѣе затемнять, а не выяснять явленія. Возьму не исключительный, а самый общій фактъ. Въ воздухѣ носится масса цвѣточной пыли, только ничтожная часть ея оплодотворяется, остальная погибаетъ. Съ извѣстной точки зрѣнія было бы правильнѣе говорить о переживаніи наименѣе, а не наиболѣе приспособленнаго. Развитие даетъ все менѣе приспособленные и болѣе приспособляющіе къ себѣ продукты, а между тѣмъ сравнительно они те именнo и увеличиваются. Для того, чтобы сдѣлать понятію о борьбѣ за существованіе согласимымъ съ фактами, пришлось бы и его прямой смыслъ показать до того, что оно болѣе мѣшаетъ, чѣмъ способствуетъ разъясненію истины. Сказать про цвѣточную пыль, что въ ея средѣ происходитъ борьба за существованіе въ которой одолеваетъ тѣ особи, которымъ удалось произвести оплодотвореніе—это такое опасное злоупотребленіе понятіями, которое можетъ быть допущаемо только желаніемъ во что бы то ни стало объяснять явленія далекимъ отъ истины способомъ. Неплнотъ примѣненія понятія о борьбѣ въ цвѣточной пыли очевидно; но если въ воздухѣ несутся сѣмена различныхъ растений и одно изъ нихъ падетъ на плодоносную пещу, а потому приметъ и начнетъ размножаться въ то время когда другіе погибнутъ—развѣ это фактъ не знаменательный? На какомъ же основаніи законно причѣпать къ нему понятіе о борьбѣ? Когда какое нибудь болѣе совершенное растение распадется, а менѣе совершенное исчезнетъ, то говорятъ: оно одолѣло въ борьбѣ по причинѣ превосходныхъ своихъ качествъ. Однакоже взгляните на нашъ сѣверъ, передъ вами несчастное мѣсто способное питать и болѣе и менѣе совершенную растительность, но мохъ образовалъ сплошной слой, на которомъ безжалостно погибаетъ всякія унавішія сѣмена, онъ занялъ все, а для болѣе совершенной растительности оставилъ ничтожные клочки. Фактъ преобладанія несовершеннаго тутъ всеобщъ

и очевидно, но такъ же очевидно нелѣпо выставить тутъ причиною борьбу; развѣ мохъ берологъ? онъ просто разросся тутъ въ то время, когда еще почва не способна была питать ничто другое. Если вы возьмете градицію развитія мѣстности: гранитъ, мохъ, верескъ, злаки—то вы гранитъ найдете наиболѣе приспособленнымъ. Онъ существуетъ въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ ни одинъ изъ его насѣдниковъ не можетъ существовать и продолжаетъ существовать рядомъ съ ними всѣмъ. Своимъ процессомъ развитія, который называется выветриваніемъ, онъ подготавливаетъ условія на которыхъ разрастается мохъ. Если рѣшиться олицетворять этотъ процессъ, то придется сравнивать его не съ процессомъ эгоистической борьбы, а съ процессомъ самоотверженія; онъ совершаетъ надъ собою самоубійство, чтобы создать условія при которыхъ можетъ расти мохъ. Для васъ конечно смѣшно примѣненіе здѣсь понятій: борьба, самоотверженіе—вы видите въ немъ даже какую то дѣтскую страсть олицетворенія. Вы знаете, что въ жару солнечной атмосферы металлы и металлоиды носятся въ видѣ простыхъ тѣлъ, потому что простая матерія приспособленныхъ химическихъ соединеній можетъ существовать въ условіяхъ, при которыхъ разлагается химическое соединеніе. Если вы между этими тѣлами находите такіа, которая на землѣ создали сложныя химическія соединенія, вошедшія въ составъ гранита, то тутъ не было ни процесса борьбы, ни процесса самоотверженія, а совершался процессъ развитія—о стимулирующихъ моментахъ котораго мы говорили выше. Продолженіемъ этого процесса является и выветриваніе и разрастаніе моха. Мхи и грибы неизмѣримо менѣе приспособлены чѣмъ гранитъ; гранитъ можетъ существовать въ безчисленномъ множествѣ условій при которыхъ они погибаютъ, но въ способности приспособлять окружающую природу къ появленію и распространенію растительности своихъ непосредственныхъ потомковъ и преемниковъ, они имѣютъ несомнѣнное превосходство надъ гранитомъ. На равнѣ съ тѣмъ, что производятъ впечатлѣніе чисто эгоистическаго отвоевыванія почвы для себя, мы видимъ много такого, что какъ при развитіи гранита, производятъ впечатлѣніе самоотверженнаго дѣйствія. Низшія растения размножаются истощаятъ свою почву, но своею дѣятельностію они производятъ продукты размноженія весьма удобные для другихъ, которые тотчасъ же и размножаются на ихъ трупахъ. Во всей этой дѣятельности обнаруживается того же рода способность подготовленія почвы для растительной жизни, какъ въ дѣятельности человѣка, который приспособляетъ природу для жизни болѣе развитыхъ потомковъ и преемниковъ. Сухіе мхи, черезъ полжизни начинавшіе ужъ нибудь путемъ самовозрастанія, самоотверженно сараятъ и этиаъ актомъ великодушія такъ

улучшают почву, какъ ее не способны улучшить съ тою же быстротою никакое вывѣтриваніе—это даетъ возможность вереску покрыть все сѣвѣйшее пространство. Сухой, но быстрое мху улучшающій почву, верескъ сгораеть съ тѣмъ же самоотверженіемъ и на еще болѣе улучшенной почвѣ размножаются злаки и пр. Быстрота съ которой теперь улучшается почва сравнительно поразительна, она направляется къ образованію плодороднаго перегноя. Чтобы получить объ этомъ наглядное понятіе пусть читатель вспомнитъ, что перегной мха составляетъ лишь крошечную суррогатъ навоза, который есть ничто иное какъ перегной злаковъ и нитящихся или животныхъ. Обладая такимъ образомъ несравненно высшей способностью приспособлять къ себѣ, злаки обладаютъ несравненно низшей приспособленностью. Ихъ существованіе не мыслимо на вывѣтрившемся гранитѣ, тамъ гдѣ процвѣтаютъ мхи и сухой верескъ; а мохъ и душистый багульникъ составляютъ долго украшеніе почвы, которая на слѣдующій же годъ можетъ производить злаки. Если мы теперь перейдемъ къ борьбѣ, тамъ гдѣ она дѣйствительно происходитъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, то мы вынуждены будемъ увидать въ ней условіе задерживающее, а не способствующее прогрессу. Основная причина всякой борьбы это способность мыслительнаго процесса обращаться въ рутину и продолжать единообразно проявляться и тамъ, гдѣ это проявленіе дѣлается уже бессмысленнымъ и нелѣпнымъ. Не будь этой рутинности, менѣе совершенное замѣнялось бы болѣе совершеннымъ безъ борьбы, но теперь излишняя трата силъ дѣлается необходимымъ и побѣда часто достается несовершенному, а болѣе совершенное уединяется или должно скрываться въ темныхъ углахъ. Возвратимся къ истеріи развитія организма. Когда мы имѣемъ дѣло съ простымъ тѣломъ, то каждая его частица представляется намъ чѣмъ то вполне удивительнымъ, существующимъ на своей страхъ и противупоставленнымъ всему остальному міру; когда мы переходимъ къ химическому соединенію, мы уже видимъ нѣсколько частиц соединенныхъ вмѣстѣ и раздѣляющихъ общую судьбу. Но на этомъ дѣло и кончается. Когда вы имѣете передъ собою кусокъ гранита, вы уже простымъ глазомъ видите, что это не есть что нибудь цѣлое, а что это есть масса крѣпко сколоченная изъ разпороченнѣйшихъ частицъ; когда вы отдѣлите одну частицу, которая на глазъ представляется вамъ уже единообразной массой, то вы другими способами можете убѣдиться, что въ ней все такъ существуетъ только одно сдѣланные и что собственно единично составляетъ въ ней только единица химическаго соединенія. Въ органической же кѣлочкѣ единично составляетъ уже сама кѣлочка съ ея различными частями, которыя въ свою очередь распадаются на составляющія ихъ химическія соединенія,

а эти на простыя тѣла. Единицу, противопоставленную всему остальному міру, составляетъ уже не простое тѣло, не химическое соединеніе и даже не часть кѣлочка, а сама кѣлочка. Между частями существуетъ взаимное и общее дѣйствіе направляющее ихъ къ достиженію общей цѣли всей кѣлочка. Дальнѣйшее наблюденіе надъ органическимъ развитіемъ неказываетъ однако же, что это только кажущаяся, а вовсе не дѣйствительная ассоціація, все тутъ дѣлается путемъ отдѣльнаго эмпирическаго мысленія; одна часть часто и не знаетъ о существованіи другой и наоборотно не знаетъ не только того, какъ дѣйствуетъ цѣлое, но и того, что оно существуетъ. Каждая часть отвѣчаетъ на вѣщательныя эмпирически ради себя и изъ комбинаціи этихъ отвѣтовъ само собою вытекаетъ кажущееся солидарнымъ дѣйствіе кѣлочка, точно также какъ изъ отдѣльнаго дѣйствія каждой частицы матеріи, само собою выходитъ общее стройное движеніе. Наружная оболочка всасывая, дѣлаетъ выборъ между живыми и различными химическаго состава приблизительно также какъ и вы дѣлаете выборъ пищи; она вовсе не знаетъ, что происходитъ внутри кѣлочка, а знаетъ эмпирически, что если она будетъ всасывать такъ, а не иначе, то для нея произойдетъ отъ этого удовольствіе и наоборотно. Цѣль ея дѣятельности сохранить во всей полнотѣ состояніе постоянного обихода черезъ постоянное соприспособленіе жидкихъ, твердыхъ и газообразныхъ тѣлъ. Средоточіе этой дѣятельности составляютъ конечно твердая части оболочки и осуществляютъ они ее посредствомъ присовокупленія движенія въ простой полнотѣ. Ядро стимулируется тѣмъ же стремленіемъ къ постоянному обиходу, достигая своей цѣли дѣлается въ тоже время рефлексивнымъ двигателемъ и съ помощью тепловыхъ и электрическихъ явленій—кѣлочка живетъ, совершаетъ химическія перемѣны, которыя происходятъ только до тѣхъ поръ пока она живетъ. Всѣ эти перемѣны должны однакоже совершаться именно въ той послѣдовательности какъ они совершаются, точно также какъ на заводѣ рядъ процессовъ долженъ совершаться, начинаться и прекращаться въ одинаковой послѣдовательности для того, чтобы заводъ давалъ ожидаемые результаты. Если каждая часть кѣлочка въ своей дѣятельности не вышла изъ предѣловъ этой послѣдовательности, то кѣлочка можетъ замерзнуть высохнуть, дѣятельность ея прекратится, она будетъ такимъ же неорганическимъ тѣломъ какъ и всякое другое, но лишь только явится благоприятныя условія она возобновитъ и органическую свою дѣятельность. Но такъ какъ всякая часть дѣйствуетъ самостоятельно и притомъ ради себя, а не ради общаго дѣла, то этого можетъ и не быть. При замерзаніи или высыханіи части кѣлочка могутъ прекратить свою обратившуюся

в рутину деятельность не одновременно, последовательность нарушится, необходимое отношение изменится и клеточка уже не будет в состоянии возобновить своей деятельности т. е. умереть. Нормальная деятельность клетки направлена к увеличению постоянства объема материи, но это увеличение может быть произведено только посредством усилия идущего далее обыкновенной волонности. Усилие это, как и всякий мыслительный процесс, обращается в рутину. Прежде всего оно приводит к тому, что отношение между твердыми и жидкими частями в пределах клетки сохраняется и тогда, когда бы она не сохранилась сама будучи телом неорганическим; жидкие части уступились бы раньше, а твердые разложились бы от сопркосновения жидких и т. д. Не если сила клетки сохранять пропорцию жидкости во время недостатка, то эта самая же рутинная сила должна ее чрезмерно увеличивать во время обилия; стремление же сохранить необходимую для устойчивой последовательности пропорцию, должно привести к соответственному увеличению твердых частей. Этим путем получается новое, уже чисто органическое явление роста клетки. Однако же последовательность явлений может сохраняться при условии роста только до известного предела. Стоит подуть напр. о том, что при пропорциональном увеличении твердых частей и их отверстий условия всасывания существенно изменяются. Отсюда необходимость нового эмпирического приема для сохранения последовательности, иначе органическая жизнь клетки прекратится от роста. Мысль этого нового приема составляет разделение ядра и всей клетки на камеры посредством новой стенки и образование из одной клетки нескольких. Этим путем явление роста привело к явлению генезиса⁹⁾. Весь этот ход дѣла не проявляет еще в себѣ сознательно-совокуниаго дѣйствія, напротивъ онъ носитъ на себѣ печать обособленнаго эмпирическаго мышленія. Новая клеточка образуется приблизительно также и подъ вліяніемъ такихъ же стимуловъ какъ образовалась первоначальная. Черезъ присовокупленіе генезиса къ росту, клеточка превращается напр. въ органическую нить, но это организмъ только по наружному виду, въ сущности это агрегатъ, а не организмъ, связь его не нѣтъ

⁹⁾ Читатель не долженъ упускать изъ виду, что все изображеніе здѣсь схематическое, оно должно дать понятіе о характерѣ развитія, а не описать его; описаніе едва ли возможно, для него не достанетъ въ наукѣ данныхъ. Еще болѣе читатель долженъ озацаться дѣлать изъ этого гипотезу, т. е. предполагаемый законъ явленія.

цѣли и онъ распадается, чтобы каждая часть начала тотъ же процессъ сначала. Лишь только мы вступаемъ въ область органической жизни, мы у самаго порога встрѣчаемъ и растительную и животную жизнь, вотъ почему охарактеризовать первоначальную идею организма, роста и генезиса мы вынуждены тотчасъ же охарактеризовать и принципъ животной жизни.

ХІІ

Мышление нервных центров и начало солидарности животного организма.

Давне люди замечали, что их тѣло и ихъ я не одно и тоже; что ихъ я имѣетъ какое то отдѣльное существованіе отъ ихъ организма и говорили, «въ моемъ тѣлѣ, моя душа». Однакоже сколько они не старались, а не могли составить себѣ никакого сноснаго общечеловѣческаго понятія о томъ, что это за явленіе такое, которое они разумѣютъ подъ словомъ «моя душа». Замѣчая зависимость этой такъ называемой души отъ тѣла, люди научи рѣшили: вздоръ, души нѣтъ, то что мы называемъ душою ничто иное какъ свойство матеріи. Въ доказательство приводилось множество палловскихъ научныхъ данныхъ, а явленіе все таки не было изображено такъ, какъ оно совершается на самомъ дѣлѣ. Вѣдь и въ пользу развитія черезъ соевушное дѣйствіе приспособленія, борьбы за существованіе, полового подбора и наследственной передачи признаковъ научныхъ данныхъ и все таки явленіе не изображено такъ, какъ оно совершается на самомъ дѣлѣ. Случалось ли вамъ подумать е слѣдующемъ поразительномъ фактѣ. Ваши понятія о явленіяхъ вишняго міра составляются въ вашихъ нервныхъ центрахъ, въ которыхъ сосредоточиваются впечатлѣнія передаваемые различными вишними органами: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ и пр. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что понятія эти составляются въ центрахъ на основаніи впечатлѣній, произведенныхъ на нихъ не вишними предметами непосредственно, а тѣми органами которые служатъ посредниками между ними и этими вишними предметами. Эти произведенные посредниками впечатлѣнія центры, превращаются въ ощущенія служащіа матеріалами для ихъ мыслительныхъ процессовъ. Доказательство, что это есть настоящій ходъ дѣла, можно привести сколько угодно, напр. для того, чтобы узнать предѣлъ впечатлительности по отношению къ разстояніямъ, прикасались къ концу пальцевъ двумя остриями циркуля и сближали его до тѣхъ поръ, пока оба укола казались однимъ.

Но отъ упражненія впечатлительность развивалась и наблюдавшій начиналъ различать два укола, тамъ гдѣ онъ сначала различалъ только одинъ; къ крайнему его удивленію оказывалось, что и на другой рукѣ онъ точно различалъ два укола, хотя эта рука не упражнялась. Очевидно, что обѣ руки съ самаго начала передавали и то и другое впечатлѣніе, какъ и должно было быть вслѣдствіе анатомическаго устройства тѣла, но нервные центры не трудились дѣлать между ними различіе, а превращали ихъ въ одно ощущеніе; теперь когда они этому научились, они стали примѣнять результаты своего упражненія и къ той и къ другой рукѣ, т. е. во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они получаютъ впечатлѣніе. Теперь представьте себѣ нервный узелъ, который находится у васъ внутри головы; онъ находился тамъ всегда, онъ съ самаго начала былъ окончательно отдѣленъ отъ всего вишняго міра окружающій его валнимъ тѣломъ, онъ получаетъ впечатлѣніе отъ посредствующаго органа, — какимъ образомъ онъ можетъ знать, что это не есть непосредственное дѣйствіе, а есть отраженіе полученнаго вишняго впечатлѣнія? Какимъ образомъ онъ можетъ знать вообще, что есть вишний міръ, что существуетъ что нибудь, кромѣ тѣхъ частей вашего тѣла, которыя его непосредственно окружаютъ и производятъ на него впечатлѣнія? Когда вы смотрите на созвѣдіе большой медвѣдицы можете ли вы сказать, что этогъ доходящій до васъ свѣтъ, есть свѣтъ самого созвѣдіа или онъ полученъ имъ, или же это есть отраженіе полученнаго вишняго впечатлѣнія? Вы получаете впечатлѣніе отъ созвѣдіа и дальше ничего не знаете. Если мы однажды уснимъ себѣ какимъ образомъ нервный узелъ нашего мозга могъ узнать, что полученное имъ впечатлѣніе есть отраженіе вишняго недоступнаго ему міра, а не непосредственное дѣйствіе нервной нити, что есть такой вишний міръ и что о перемѣнахъ этого вишняго міра ему сообщается языкомъ этихъ впечатлѣній, то для насъ хотя съ большими усиліями, но все таки возможно уснить себѣ, какимъ образомъ мы составили понятіе о нашемъ организмѣ какъ о чемъ то отдѣльномъ отъ вишняго міра, за тѣмъ е пространствѣ, о формѣ, а за тѣмъ и о существованіи различныхъ предметовъ, е ихъ особенностяхъ и обѣ измѣненіяхъ въ нихъ. Глаза мои, конечно, передаютъ нервнымъ моимъ центрамъ не свѣтовое движеніе, а впечатлѣніе своего собственнаго движенія и химическаго измѣненія, но если эти впечатлѣнія имѣютъ столько же отличительныхъ признаковъ и между этими признаками такая же относительная разница, какъ и между свѣтовыми движеніями, то изъ этого выдѣтъ только то, (что и есть на самомъ дѣлѣ), что я не буду въ состояніи составить себѣ понятіе е сущности вещей, но обѣ ихъ отношенія я могу составить себѣ такое же

понятие, какое имѣю въ действительности. Совокупнымъ дѣйствіемъ ощущеній и вѣрній я составляю себя напр. понятие, о пространствѣ, расстояніяхъ и формахъ ближайшихъ ко мнѣ предметовъ и тѣхъ, которые лежатъ въ области перемѣщенія моего тѣла, а за тѣмъ привыкаю сравнивать разницу которая происходитъ въ свѣтовомъ впечатлѣніи предметовъ, когда они отъ меня удаляются, я приобретаю способность судить и о такихъ расстояніяхъ, которые недоступны для осязанія. Впечатлѣнія, сообщаемыя нашимъ центрамъ нервнымъ нитями нашихъ внѣшнихъ органовъ, — это разговоръ; они получаютъ свѣдѣнія о внѣшнемъ мірѣ путемъ такихъ же условныхъ знаковь, какъ и вы о неизвѣстныхъ вамъ явленіяхъ во время разговора съ другимъ человекомъ. Но въ разговорѣ вамъ можно давать понятие о неизвѣстномъ только черезъ сравненіе съ тѣмъ, что вамъ извѣстно. Для того, чтобы эти выраженные словами сравненія вызывали въ васъ тѣ знакомыя вамъ понятія, которыми они должны выражать, должно было существовать время, когда вы эти понятія получили черезъ непосредственное наблюденіе и въ тоже время узнавали, что извѣстный рядъ звуковъ произносится лишь для того, чтобы вызвать въ вашей памяти это понятіе. Ребенку показываютъ мѣсяцъ, облако и повторяютъ: мѣсяцъ, облако и онъ пріучается понимать, что слова мѣсяцъ и облако должны вызывать въ немъ мыслъ объ этихъ предметахъ. Но если онъ не только мѣсяца и облака, но никакихъ предметовъ не видалъ, то какииъ образомъ эти слова могутъ вызвать въ немъ понятія о мѣсяцѣ и облакѣ. Ясно слѣдовательно, что если языкъ нашихъ нервныхъ нитей сдѣлался для нашихъ нервныхъ центровъ языкомъ условнымъ, дающимъ имъ понятіе о внѣшнемъ мірѣ, то когда нибудь существовало время, когда внѣшнія впечатлѣнія получались непосредственно и совпадали съ этимъ нестороннимъ впечатлѣніемъ отъ собственного тѣла, такъ что часть тѣла научилась соединять съ понятіемъ объ этомъ нестороннемъ, понятіе о непосредственномъ впечатлѣніи. Действительно до сихъ поръ низшіе организмы составляютъ не дифференцированную массу, сокращающуюся отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Мы видѣли, что организмъ протозоелъ изъ стремленія частицы матеріи проявить свою свободу въ обмѣнѣ вещества производимаго его собственною дѣятельностію, изъ желанія избавить себя отъ безпорядочныхъ, повелѣтъ вызываемыхъ изъ дѣятельности впечатлѣній газообразною и отъ рабства стройныхъ, но опять таки вынуждаемыхъ извнѣ и неизбѣжныхъ движеній твердаго и жидкаго тѣла. Животный организмъ заключаетъ въ себя только дальнѣйшее развитіе того же стремленія. Всѣдствие большаго разнообразія своего химическаго состава, твердое тѣло можетъ дать болѣе разнообразную пищу работѣ обмѣна вещества

и созданію новообразованій по своему усмотрѣнію, чѣмъ жидкое или газообразное, но за то и работа надъ нимъ представляетъ собою болѣе трудностей. Это мы видимъ изъ того, что низшее растение, когда оно находится на своей почвѣ въ свободномъ соприкосновеніи съ воздухомъ беретъ, что ему возможно взять изъ воздуха не произволя химическаго разложенія въ почвѣ; но когда оно находится въ почвѣ и воздухъ не имѣетъ къ нему свободнаго доступа, тогда оно разлагаетъ химически свою почву и питается такимъ образомъ. Ясно, что ему труднѣе разлагать почву, чѣмъ брать свою пищу изъ воздуха. Если оно будетъ зарыто въ почвѣ, оно лишится удобства и легкости питанія на воздухѣ. Разлагая почву оно само питается при этомъ т. е. приводитъ въ себя желательныя для себя новообразованія, но дѣлая такимъ образомъ свою волю и осуществляя свою свободу, оно создаетъ вокругъ себя въ почвѣ такія новообразованія, которыя уже вовсе не годятся для его идеи. Оно распложается, но расликаясь съ тѣмъ выѣстъ и свои новообразованія въ почвѣ, оно дѣлаетъ ее не пригодной для себя, источникъ ее, такъ что наконецъ погибаетъ въ ней массами. Если оно разлагая почву вырастетъ и произведетъ теснѣею связанную съ нимъ новую клеточку, которая высуется изъ почвы и будетъ имѣть свободное соприкосновеніе съ воздухомъ, то эта новая клеточка будетъ пользоваться преимуществомъ болѣе легкаго добытія пищи изъ воздуха. Это даетъ намъ указаніе для пониманія происхожденія растенія, выѣщаго подпочвенныя и наружныя части. Подпочвенное и надпочвенное состояніе организма есть такія же различныя и противоположныя удобства и неудобства, какъ состоянія твердаго, жидкаго и газообразнаго тѣла. Понятно, что идея соединить эти удобства могла произойти тѣмъ же путемъ, какъ и идея организма. Не трудно себѣ представить, что надпочвенная клеточка выросшая изъ подпочвенной, осталась съ нею въ связѣ, потому что стремленіе, въ частяхъ каждой изъ нихъ къ обмѣну вещества, лучше удовлетворялось. Для этого не нужно было ни пониманія этого союза, ни обращенія его въ сознательную ассоціацію. Точно также какъ и прежде каждая часть дѣйствовала ради себя и результаты общаго дѣла являлись самъ собою. Можно себѣ уяснить этотъ союзъ тѣмъ, что между клеточками происходитъ такой же обмѣнъ вещества, какъ и между ними и окружающими ихъ неорганическимъ міромъ; наблюденіе показываетъ, что клеточки производятъ для себя обмѣнъ и въ органической и въ неорганической средѣ и могутъ имѣть почвою и органическаго и неорганическаго вещества. Далѣе мы представляемъ себѣ, что изъ подпочвенной клеточки произошла другая подпочвенная же и условіе обмѣна вещества удерживаетъ всѣ три въ союзѣ.

Соединенное действие воздуха и света дает надпочечной клеточке такие преимущества, которые через обмен вещества между клеточками отзываются полезно и на третьей отдаленной подпочечной. Средняя подпочечная, испортившая вокруг себя почву, живет теперь в сущности уже только на счет обмена с соседками; союз оставляет теперь для нее условие *быть или не быть*. Представьте себе третью и четвертую подпочечную клеточку, которая порождает надпочечную. Надпочечные клеточки нарождаются с своей стороны дальнейшими надпочечными, пока наконец народится такая, для которой союз будет представлять также мало выгоды, как и при первом появлении органической нити. Она отпадает и начинает самостоятельную жизнь. Такое изображение дает вам нечто в роде схем истории развития растительного царства. Признаки такого хода развития вы можете наблюдать даже в сравнительно высоко развитых растениях. Возьмите напр. картофель, поставьте его в такие условия, при которых надпочечная клеточка не может облегчить обмен вещества. Картофель это не первоначальная растительная клеточка, он имеет уже давнишнюю, укоренившуюся рутину в виде связей между клеточками и дифференциацией; посаженный в неглубокую яму, где царствует абсолютная темнота, он все таки пустит ростки вверх и вниз, но верхний рост через отсутствие света сделается невозможным, клеточки же должны были бы надземными начинать отпадать и погибать, подземными же образуют безнечные нити со множеством клубней, которые можно связывать в пучки, как рыболовную снасть с поплавками. Связь тут конечно совершенно лишняя, она явный остаток слишком глубокой укоренившейся рутины и привычки. Посадите этот картофель в пал и вы поймете, как образовалась эта привычка. В этих условиях картофель никогда не создаст из себя смелой, надземной клеточки получающей обильный рост и сделаются средоточием всего растения. Вы увидите ясно, что и рутинная связь порождена была лишь по причине удобства и общего улучшения, через обмен веществ между подземными и надземными клеточками. Сравнивая этот ход развития с учением Дарвина вы убедитесь, что не смотря на поразительное остроумие его изысканий и выводов, принцип двигающий развитие, совершенно отличен от того, на который он указывает. Психический принцип этот стремление к свободе, стремление частицы отделяться от исключительного подчинения въковичной рутине и внести в мировое движение, что нибудь и от себя. Вот почему характеристическая черта развития растительного типа заключается в развитии его приемов в приспособлении

природы к себе, оно эксплуатирует природу более всесторонним образом, а потому представляет более сложное строение и более разнообразное внутреннее химическое содержание. Но за то вместе с тем уменьшается и его приспособленность. На голом камне, в сыпучем песке, в вечно сыбгу могут появляться только низшие растения; никакая борьба за существование, никакое приспособление не разведет роскошной растительности в полярную широту. Для высших растений почва и условия должны быть подготовлены старинной неорганической и органической деятельностью во имя стремления к свободе. Только на трунах погибших, но все таки оставивших своей след в природе, может водвориться что нибудь более совершенное. Но за то где являются такие более благоприятные условия, тип усовершенствуется и развивается, — вот и стимуль. Частицы организма стремятся внести в свою жизнь, что нибудь свое, но опять таки они при этом в огромной зависимости от других соседних частиц и через это опять таки каждое движение должно превращаться в стройную и въковичную рутину. Стремление частицы к свободному, самостоятельному проявлению существующим образом обуславливается действиями других, а потому и может осуществляться только с медленной постепенностью; прежде всякого шага все предидущее должно обратиться в окончательно усвоенную рутину. Отсюда замеченная Дарвином наследственная передача; отсюда происходит и то, что окружающие обстоятельства никогда не могут быть эксплуатируемы растением вынон. Источная своей деятельностью почву для себя, оно оставляет шанс процветания растения другого типа. Мы видели выше, что в первоначальном своем движении частица шла всеми мыслимыми путями, но каждый из этих путей обращался в стройное движение и въковично повторяющуюся рутину, точно также и растения в своем развитии эксплуатации природы шлут всякими путями и каждый обращается в рутину. Но за то, как тут, так и там мы видим ту неестественность свободы, которую замечали у человека чужие люди; не смотря на всю въковичность рутины растительная частица рано или поздно находит возможность проявиться самостоятельно и создать более совершенную комбинацию. Самый удобный для этого случай составляет появление нового, стимулирующего деятельность условия, эти новые обстоятельства и называются благоприятными для развития условиями. Поэтому усовершенствование поощряется увеличением и накоплением благоприятных условий, но в этих условиях оно раньше или позиде, но непременно произойдет. Чем значительнее скопление этих так называемых благоприятных условий,

тѣмъ большую рѣдкость составляет такое сосуществованіе, а отсюда и вытекает то обстоятельство, что растеніе тѣмъ менѣе приспособлено, чѣмъ оно совершеннѣе. Рядомъ съ этимъ мы видимъ и замѣненное Дарвиномъ приспособленіе, но это приспособленіе является скорѣе консервативнымъ, тѣмъ прогрессивнымъ началомъ и часто сопряжено съ упадкомъ дѣятельности и развитія типа. Растенія изъ болѣе благоприятныхъ условій климата и почвы переносятся въ менѣе благоприятныя. Господствующія, вслѣдствіе малой его приспособленности, условия для него будутъ губительны, но въ извѣстныхъ предѣлахъ оно можетъ и приспособиться какъ болѣе высшій типъ разнообразной дѣятельности, оно можетъ продолжать существовать и въ этой сферѣ большого единообразія, но развитіе его дѣятельности и его совершенствъ утратитъ свою полноту. Вмѣсто того, чтобы развиваться цѣлый годъ, оно въ болѣе холодномъ поясѣ будетъ часть года погружаться въ мертвенное оцѣвѣніе, на безплодной почвѣ оно сдѣлается жидкимъ, или утратитъ нѣсколько изъ своихъ совершенствъ. Приведенный нами примѣръ приспособленія картофеля въ развитіи въ темной ямѣ, лишающаго его всей дифференціаціи подземной растительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ играютъ роль и случайности, которыя въ глазахъ дарвинистовъ принимаютъ роль чего то предназначеннаго, ерудія борьбы за существованіе. Если въ вышележенномъ схематическомъ изображеніи, повѣдя изъ надземныхъ вѣточекъ имѣть наконецъ такое положеніе, что связь съ предъидущими не представляетъ для немилыхъ удобствъ, то она отпадаетъ; отпаденіе это не заключаетъ въ себѣ никакой другой мысли, кромя той, которая заключается въ распяденіи первобытной растительной нити. Однакоже черезъ это отдѣленіе, она механически переносится на другое мѣсто, гдѣ черезъ неистощенную обстановку она имѣетъ болѣе благоприятныя условия развитія. Но развѣ она отбѣдилась для того, чтобы доставить себѣ шансы этого развитія, — погибавъ мильоновъ ея сестеръ отъ такого же дѣйствія, показываетъ прямо отсутствіе расчета и предзнаменности. Эти ошибочныя заключенія пущены дарвинистами до крайнихъ предѣловъ смѣннаго. *Raphlesia* *sp.* создаетъ себѣ запахъ гнилаго мяса, чтобы привлечь мухъ, которые ею питаются и способствуютъ этимъ ея размноженію — ну не шутство ли это? — Такимъ образомъ мы узнали двигатель въ развитіи растенія, но мы видимъ, что это развитіе находится въ тесной связи съ дифференціаціей. Лишь только является подпочвенная и надпочвенная вѣточки, между ними явится и разница, черезъ разницу той обстановки которая ими эксплуатируется. Но организмы пошли существенно различными путями еще прежде, чѣмъ между ними развилась дифференціа, одна стала

развиваться и дифференцироваться путемъ растительной, другіе путемъ животной жизни. Образовался однородный низшій организмъ; вѣтрово, волнами и пр. онъ переносится съ мѣста на мѣсто, изъ среды удобной для его развитія, въ среду неудобную и обратно. Мы знаемъ теперь, какъ происходитъ это передвиженіе. Не вѣтеръ, не волны дѣйствуютъ, самъ организмъ дѣйствуетъ вызываемый обычными впечатлѣніями къ рутинному мыслительному процессу стройнаго движенія, влечется съ другими частицами воздуха или воды. Но тоже стремленіе, которое ради улучшения шансовъ обѣихъ веществъ, заставило частицы идти наперекоръ обычнымъ стройнымъ движеніямъ и саздало наконецъ организмъ, который превлечаетъ себя далѣе. Организмъ стремится прирѣзнить себя въ мѣсту благоприятному для обѣихъ веществъ или замѣнить другимъ мѣсто, сдѣлавшееся неблагоприятнымъ черезъ истощеніе обстанювки. И то и другое стремленіе проявляется какъ въ низшихъ растеніяхъ, такъ и въ животныхъ; мы видимъ какъ тѣ и другія, то прирѣзняютъ себя къ мѣсту, то передаются произвольно. Приемъ этого движенія намъ также знакомъ изъ неорганической природы — это приемъ эластическаго тѣла, приемъ возстановленія въ прежній видъ скатаго. До сихъ поръ въ кровеносныхъ сосудахъ это свойство проявляется сначала съ формъ эластичности, а на высшихъ ступеняхъ въ формѣ сокращенія. Приемъ разжиманія и сжиманія напр. всасывающихъ каналовъ, составляетъ одно изъ основныхъ условій питанія, не мудрено если отсюда произошли тѣ медленные движенія, которыми отличаются низшія животныя и растенія, точно также не мудрено какъ не мудрено и то, что она назвали болѣе быстрыми наблюдателями забывавшими, какъ увеличиваетъ микроскопъ развитія. Съ увеличеніемъ объема организма, условия измѣнились и должны были давать два различныхъ образа дѣйствія, которыя обратившись въ рутину создали основное различіе между животнымъ и растительнымъ организмомъ. Приемъ сокращенія могъ развиваться пропорціонально росту организма и могъ не развиваться; пропорціональное развитіе приводитъ къ сокращающемуся животному. У низшаго животнаго каждая точка тѣла порождаетъ сокращеніе всего тѣла. Для всей однородной массы это признакъ или появленія питанія или извлеченія отъ тягостныхъ впечатлѣній. Частицы то вытягиваются наружу и висятъ нитями (въ особенности во время голода и апатіи), то втягиваются внутрь отъ раздраженія. Частица то появляющаяся наружу, то отпаивающаяся внутренней, имѣетъ слѣдательство и внешнюю и внутреннюю впечатлительность по опыту, что если отъ конца нити ей сообщатся впечатлѣніе, то значить есть и вышшій источникъ впечатлѣнія. Сокращеніе всего организма для достиженія цѣлей питанія и пр., есть процессъ

весьма мало экономической съ точки зрѣнія экспуатации природы, ради самостоятельной дѣятельности къ которому стремится организмъ, онъ часто даетъ болѣе тратъ, чѣмъ материала для разростанія по своему. По этому оно оставляется растениями уже на низшихъ степеняхъ; растеніе дѣлается съ виду неподвижнымъ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ является сравнительно ничтожное и притомъ частное движеніе. Главная причина почему оно сохраняется животнымъ, это потребление твердой пищи оставаясь надземнымъ; въ исключительныхъ случаяхъ оно и теперь употребляется съ этою цѣлью высшими растениями. Это бросаетъ намъ новый, яркій свѣтъ на ходъ и источники органическаго развитія. Животное, оставаясь надземнымъ и потребляя твердую пищу, дѣлается наконецъ наименѣе приспособленнымъ, но за то наиболѣе развитымъ изъ всего органическаго мира. Оно доходит до того, что можетъ питаться исключительно только другими организмами, за тѣмъ только высшими растительными, за тѣмъ только лучшими частями высшихъ растительныхъ, наконецъ однимъ высшимъ животнымъ. Условия его существования такъ суживаются, дѣлаются до того исключительными, что имъ приходится опять разширяться и все таки въ своемъ развитіи оно дѣлается только ничтожные обратные шаги къ приспособленію. Усложняя условия, при которыхъ существованіе дѣлается для него возможнымъ, поразительно уменьшая этимъ свою приспособленность, животное однакоже развивается при этомъ, а не исходитъ къ низшему типу существованія. Развиваясь само изъ себя на внутреннему стимулу, оно становится тѣмъ высшательнѣе по отношенію къ экспуатации природы и въ своей пищѣ, а чѣмъ болѣе у него укореняются эти привычки възыскательности, тѣмъ менѣе оно является приспособленнымъ, пока наконецъ дѣло не доходитъ до развитія чловѣка, которому остается одно, возлагать всю свою надежду на развитіе въ себѣ искусства приспособлять природу къ себѣ, потому что въ условияхъ которыхъ ему дается природою, безъ приложения этого искусства, ему приготвлена одна безнадежная погибель. Развивая свои способности все далѣе и все энергичнѣе, прилагая ихъ къ природѣ, онъ дѣлается все болѣе утонченнымъ въ своей възыскательности и ради ея удовлетворенія онъ размножаетъ по лицу земли высшія произведенія органическаго мира. Бремя же взгляда на путь развитія животныхъ. Сокращеніе всего организма оказывается не экономическимъ и ради достиженія тѣхъ же цѣлей съ меньшей тратой, у животного является новое приспособленіе: нити исходящія изъ организма и сокращающіяся въ него по своему нитеобразному виду, сокращаются легче и быстрѣе всего тѣла и начинаютъ служить органомъ ощущенія и хватанія. У водныхъ низшихъ живот-

ныхъ, невидимому, каждая часть тѣла способна превращаться въ такую нить и быть то внутренней, то вѣшной частью, такъ что черезъ это они не имѣютъ никакой постоянной формы. Подумайте напр. о паутинообразныхъ растеніяхъ животнаго, называемаго Amoeba proteica. Когда алибы и извѣстныя инфузоріи питаются, онѣ окутываютъ предметъ которымъ питаются и образуютъ на немъ слой, такъ что алибу, питающуюся отъ зерна и по окончаніи питанія отдѣлившуюся считали породившуюся отъ этого зерна. Теперь мы можемъ себѣ представить какимъ образомъ подобный, вытягиваемый внутрь корешекъ нити могъ приобрести рутинную, обротившуюся въ наследственное свойство привычку съ впечатлѣніемъ, получаемымъ отъ нити и идущимъ отъ ея конца соединить понятіе о вѣшномъ впечатлѣніи произведеніемъ на тѣло; онъ такъ часто получалъ вмѣстѣ и то и другое впечатлѣніе, непосредственное вѣшняго тѣла такъ часто ощущало его дѣйствіе повнововіе впечатлѣнія нити, что онъ привыкъ понимать, что явленіе одного означаетъ и явленіе другого. Представьте себѣ путь развитія организма исходящій отъ такой точки отправления. Такъ какъ все тѣло дѣйствіе слѣдуетъ за сократительнымъ движеніемъ, то исходящія нити дѣлаются наиболѣе дѣятельными частями. Впечатлѣніе произведенное на одну нить черезъ посредство корешка передается другой; нити сходятся и захватываютъ лежащую между ними пищу, — явленіе это мы прямо можемъ наблюдать въ дѣйствительности. Далѣе корешекъ образовалъ изъ себя нервный узелъ, нити стали нервными волоками и двигаютъ болѣе массивныя и упругія для хватанія части тѣла, которыя стали сократимыми мускулами. Положеніе измѣнилось такъ, что нервный узелъ постоянно находится внутри, по этому для него уже сдѣлалось невозможнымъ отличать вѣшное и внутреннее впечатлѣнія. Укоренившись наследственно привычка, служитъ органомъ движенія во имя вѣшняго впечатлѣнія, заставляя его всякое произведенное на него нитью впечатлѣніе принимать за вѣшное. Вотъ основной принципъ нервной системы и вотъ откуда происходитъ такъ называемая душа. Нервный центръ, всякое впечатлѣніе перваго волокна принимается за вѣшное, иначе ему невозможно было бы отличить, что происходитъ изънутри самаго нерва и что есть признакъ вѣшняго произведеннаго на нервъ впечатлѣнія. Это удивленіе нервныхъ центровъ отъ вслѣдствій внутреннихъ впечатлѣній довершается устройствомъ нервныхъ аппаратовъ. Передающая вѣшныя впечатлѣнія ось перваго волокна, удивляется въ значительныхъ размѣрахъ даже отъ самостоятельнаго питанія и питается, какъ выражаются физиологи, отъ перваго узла т. е. измѣняется вмѣстѣ съ нимъ. По этому внутреннее впечатлѣніе дѣлается до

такой степени единообразным, что оно, как все неизбывное, дѣлается въ нормальномъ состояніи окончательно не замѣтнымъ. Специально, вышняя впечатлительность нервной системы дала животному организму громадное преимущество надъ растительнымъ и послужила причиною почему его развитіе пошло гораздо далѣе. Она въ одно и тоже время дала этому организму возможность получать понятіе о вѣннемъ мірѣ и послужила для него могучимъ орудіемъ объединенія, взаимности и солидарности частей. Въ такомъ развитомъ организмѣ какъ человѣческій, не одна пара нервныхъ волоконъ и не одинъ узелъ, а ихъ безчисленное множество, они раздѣлены на нѣсколько системъ пользующихся значительной другъ отъ друга самостоятельностью, но все они существенно характеризуются тѣмъ, что ихъ вышняя впечатлительность до такой степени безусловно и окончательно отдѣлена, что она стоитъ полнѣйшимъ образомъ. Гартманъ, на равнѣ съ заурядной массой образованнаго класса, полный идеями борьбы, господства, управления, распоряженія—рисуетъ эту леканью въ главномъ нервномъ центрѣ, будто бы сознательную но преимущественно, такъ называемую душу, чѣмъ те на подобіе господина или царя, управляющаго организмомъ. Однакоже внимательное разсмотрѣніе дѣла скоро снижаетъ эту животную похоть борьбы и господства. Гартману вмѣстѣ съ Дарвиномъ и со Спенсеромъ и со всеми охотниками бороться, топтать, побѣждать, управлять, возмечиваться своей прехожденной будто бы сознательностію, какъ несомнѣннымъ источникомъ права на господство, не мѣжало бы припомнить, что эта сознательность, есть источникъ гордости, такъ мало превосходитъ сравнительно съ сознательностію прочихъ частей природы, что они только изъ анатоміи узнали, что это ихъ господствующее будто бы я, не единичное существо, а состоитъ изъ безчисленнаго множества нервныхъ узловъ. Выражаясь точно, даже и этого нельзя сказать, этому я скорѣе всего неопредѣленно и названіе существа—это отвлеченное понятіе искусственно скалоченное. Нервные узлы, которымъ совокупность даетъ ему что то похожее на отдѣльное существованіе, въ области своей вышней впечатлительности такъ безпомощны, что наше хваленое я, не знаетъ даже какъ они питаются; они будутъ страдать и господствующее и царящее будто бы я будетъ черезъ это погибать и будетъ безсилно помочь себѣ не только потому, что оно не властно надъ причиною страданій, но потому что оно даже не имѣетъ средствъ узнать причину. Не лучше ли вмѣсто этой высокомерной и жалкой трескотни о борьбѣ и господствѣ, обратиться въ истинному пониманію причины развитія организма. Исторія этого развитія есть исторія развитія не чьего либо господства, а взаимности и солидарности въ его внутренней жизни.

Понятія, которыя мы составляемъ по отношенію къ вѣннему міру, чувства которыя въ насъ являются, суть общій результатъ взаимной дѣятельности и взаимныхъ впечатлѣній массы центральныхъ нервныхъ узловъ; при этомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ они участвуютъ всею во все, а отдѣльными группами и такъ, что руководящая дѣятельность не можетъ быть раздѣлена, но этому въ каждый моментъ центральное вниманіе можетъ быть сосредоточено только на одномъ предметѣ, а дѣятельность обстановки можетъ идти своимъ чередомъ, въ родѣ того какъ въ государствѣ парламентъ можетъ всегда заниматься только однимъ дѣломъ, а дѣло управленія идетъ рядомъ съ нимъ своимъ чередомъ. Сравненіе организма съ государствомъ можетъ намъ показать предметъ, но только мы не должны забывать при этомъ, что государство, какъ мы увидимъ ниже, есть сосуществованіе другаго и болѣе низкаго типа, чѣмъ организмъ. Оно сдерживается государственною властію въ томъ же родѣ, какъ солнечная система сдерживается началомъ всемірнаго, матерія составляющаго землю—земнымъ тяготѣніемъ. Въ государствѣ начала наследственнаго державанія и этногической особенности частей преобладаютъ на столько же, на сколько въ организмѣ солидарность и взаимность. Поэтому въ государствѣ есть лица обладающія властію, которые господствуютъ и есть лица подчиненныя которыя зависятъ сами отъ вышнихъ, но не ставятъ ихъ отъ себя въ зависимость, а если и ставятъ, то зависимость эта несравненно меньшая. Въ организмѣ тѣ части, которыя считаются управляющими во всемъ своемъ существованіи, находятся въ полнѣйшей зависимости отъ прочихъ. Возможность съ ихъ стороны до такой степени сосредоточиться на общемъ вѣннемъ дѣлѣ и оставлять безусловно безъ всякаго вниманія дѣло своего личнаго, частнаго существованія, указываетъ на такую совершенную степень интимности, ассоціаціи и раздѣленія труда, о которой въ государствѣ нѣтъ и помину, а потому въ государствѣ мы видимъ только зачаточныя формы того общаго мышленія и чувствованія, которое въ нашемъ я является сравнительно въ такомъ совершенствѣ. Разсмотрѣніе коллективности въ мышленіи и чувствованіи нашихъ нервныхъ узловъ, объясняетъ намъ множество вещей, которыя безъ этого для насъ совершенно непонятны. Мы привыкли къ тому, что мышленіе и ощущеніе насъ утомляетъ, а поэтому намъ кажется, что самый мыслительный процессъ утомителенъ. Болѣе же глубокое разсмотрѣніе дѣла покажетъ намъ, что утомленіе происходитъ въ насъ при мышленіи, движеніи и пр.; не отъ мышленія и не отъ движенія, а отъ химическихъ и прочихъ перемѣнъ въ частяхъ организма, съ которыми сопряжены движенія являются утомленіе. Для того, чтобы организмъ могъ дѣйствовать вполне

успешно, всё его части должны быть в известном определенном между собою отношении, если бы это отношение оставалось неизменным, то мы могли бы мыслить и действовать сколько угодно, без малейшего сдвига утомления, но тогда части организма не могли бы производить впечатлений друг на друга, которое они производят только изменением взаимного отношения. От взаимного впечатлений, производимого друг на друга частями при мышлении и действии, отношение изменяется; в этом изменении собственно и заключается самое действие. По окончании действия отношение восстанавливается, но обыкновенно не вполне, так что напр. мускулы от продолжительной деятельности начинают уже давать другую химическую реакцию. Вот почему взаимным действием нервных узлов объясняется утомление и при голольном мышлении. Затём, почему часть способности к мышлению и действию передается по наследству, а другая нет? Мышление есть общий результат действия и взаимного впечатлений различных нервных узлов. Для того, чтобы результат этот явился как следует, необходимо чтобы каждый из деятелей сдвинулся свое дело вполне. Если часть деятелей не может действовать как следует, потому что химическое изменение не восстановилось в них вполне или по другой подобной причине, то и общего результата не будет. Вот почему во время утомления вы много не можете вспомнить, мышление ваше утрачивает силу и ясность; и наоборот во время полной свежести вы вспоминаете и мыслите с полной ясностью. Мы видели, что в частицах материи процесс мышления комбинируется не только из одних настоящих, но и из прошедших ощущений, даже неясные о настоящих ощущениях получается только через сравнение с прошедшими. Отсюда способность нервных узлов воспроизводить в себе самостоятельно прошедшие ощущения, а отсюда — сны. Когда нервные узлы не заняты внешними впечатлениями, они под влиянием потребности к деятельности, могут самопроизвольно из прошлых ощущений комбинировать мыслительные процессы и производят впечатления друг на друга вызывая в нервных центрах целую фиктивную жизнь, затейливую и фантастическую, вследствие этой самой самопроизвольности. Тоже самое человек может делать днем, но через конкуренцию действительных внешних впечатлений, ему гораздо труднее принимать свои фантазии за действительными впечатлениями. Здоровые узлы слишком привыкли обрабатывать свою деятельность с внешними впечатлениями, так как обработка этих внешних впечатлений составляет цель ее происхождения, но изменяющаяся с быстротой утрачивают это свойство и отсюда происходят галлюцинации. Больненность в галлюци-

нации впрочем только обманчивость, но фактивная деятельность с пониманием, что она не есть непосредственное произведение внешних впечатлений, составляют совершенно нормальную и необходимую для мышления рутину. Главная масса человеческого мышления заключается в себе фактивное воспроизведение разговора. Когда вы читаете и мыслите, вы восторженно фактивно говорите сами с собою, а слышимое сосредоточенное и живое мышление может заставить вас говорить и читать шепотом, а наконец и громко. Припоминая вы возрождаете в себе слова, которыми выражалось припоминаемое. Этим прежде всего объясняется, почему редившийся от вас ребенок, не получает по наследству всех ваших знаний и всех ваших мыслей. При его рождении способность говорить развита в нем самым несовершенным образом. Передав ее по наследству лишь в таком несовершенном виде, вы конечно не могли передать ему того, что требовало бы для передачи сохранения способности в более совершенном виде, чем она есть в вас самих; вы сами беззастенчиво утрачиваете способность воспроизводить в себе ваши воспоминания и мысли т. е. забываете. Мыслительный процесс, обратившийся в рутину, сохраняется в частицах материи; поэтому как скоро произошло напр. химическое соединение т. е. частицы стали в такое отношение, при котором они сообща могут производить известные мыслительные процессы, они их производят без нового обучения. Самое химическое соединение не может произойти без приобретения частице нужных для общего действия мыслительных процессов, новым будет тут только то, что происходит от новости положения. Пока напр. в частицах умные соразмерять движение с впечатлениями не развились до того, что они могут двигаться неразрывно сообща, соединение не может произойти. Если в органической клетке путем роста увеличилось количество известного органического вещества, то оно может проявлять и мыслительные процессы такого вещества. Наблюдение этих явлений приводит нас к такому заключению, что если бы сын напр. выплывал из яйца вполне в том же самом виде как отец, то он мог бы сразу проявлять все мыслительные процессы отца, обладал бы всеми его знаниями и проч. Но для этого нужно прежде всего, чтобы и отец обладал своей организацией в таком совершенстве, чтобы она ничего не утрачивала, а это вовсе не так. Кроме того сын рождается не от одного отца, а от совокупления отца с матерью. Отец дает только несколько клеточек для зачатия. Мы видели, что деятельность нервного узла заключается в том, что он вполне посвящает себя восприятию внешних впечатлений и созданию

изъ нѣхъ мыслительныхъ процессовъ и дѣйствій, направленныхъ къ обезпеченію благосостоянія всего организма. Подобный, такъ сказать, самоотверженный образъ дѣйствія, могъ быть порожденъ въ немъ только черезъ добытое эмпирическии мышленіемъ убѣжденіе, что его благо состояніе этимъ обезпечивается существенно, чѣмъ если бы онъ вздѣлъ дѣло своего личнаго обезпеченія въ свои руки и старался бы эгоистически эксплуатировать организмъ въ свою пользу. Эмпирическій путь въ этомъ случаѣ совершенно несомнѣненъ изъ того, что ваше я по везанію внутренней экономіи вашего организма и не способно было дѣйствовать тутъ рационально. Чтобы такой эмпирическій образъ дѣйствія могъ выработаться, нервный узелъ долженъ былъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ—сложнымъ тѣломъ. Забота восстановления этого тѣла изъ матеріала, даваемого организму представлялась независимой дѣятельности частей, а дѣла, оставшая имъ полную самостоятельность въ этомъ случаѣ, заботится только о благѣ всего выработывающаго матеріала—организма. Мы видѣли, что первый толчекъ къ этому направленію дала потребность экономизировать дѣятельность—сокращеніе всего тѣла превратитъ въ болѣе дѣйствительное и требующее меньшихъ тратъ сокращеніе частей. Выдѣляющійся изъ массы тѣла и движимый нервомъ мускулъ, точно также, какъ и самый нервный узелъ эмпирически убѣждался въ пользу такого приспособленія; на практикѣ оказывалось, что при этомъ его личное благосостояніе увеличивалось. Изъ всего этого само собою выработывалась ассоціація устраниваемая и управляемая нѣмъ и всѣмъ. Съ развитіемъ животнаго организма развивался и его впечатлительность и его солидарность, но замѣчательнѣе всего путь которымъ одновременно при этомъ развивалась и свобода и взаимная зависимость частей. Нервная система развивается, но въ тоже время связи между ея частями, дѣйствительность впечатлѣній однихъ на другія—увеличиваются; каждая часть тѣла дѣйствуя на прилегающіе въ ней нервы можетъ все въ большемъ размѣрѣ вызывать себѣ содѣйствіе. Черезъ это нервная система дѣлается все болѣе бдительнымъ охранителемъ частей тѣла, а черезъ болѣе развитую внѣшнюю впечатлительность и способность создавать изъ неѣ болѣе совершенные мыслительные процессы, она получаетъ болѣе способъ достигать общихъ цѣлей. Въ теченіе всей исторіи своего развитія животный организмъ стремится усовершенствовать свое искусство поддояваться внѣшней природой, для увеличенія своего внутренняго благосостоянія и лишь только онъ этого достигаетъ, онъ пользуется этимъ для развитія свободы и разнообразія своей внутренней дѣятельности. Лишь только онъ достигаетъ обильнаго питанія, каждая внутренняя дѣ-

тельная часть начинаетъ въ немъ развиваться, дифференцироваться и совершенствоваться. Достигнувъ извѣстной степени развитія онъ начинаетъ употреблять орудія для достиженія своихъ цѣлей. Эти орудія онъ сначала вырабатываетъ самъ изъ себя напр. катушку, сетя; своимъ организмомъ онъ вырабатываетъ для себя неорганическія орудія. Человѣкъ и орудія свои беретъ уже извнѣ и если его организмъ имѣетъ еще не чувствительную, какъ бы отдѣльную внѣшнюю часть волоса, то это уже излпшній, отживающій остатокъ прежнихъ приемовъ. Всего замѣчательнѣе развитіе способевъ питанія т. е. системы кровообращенія. Чѣмъ ниже животное, тѣмъ вообще каждая часть его самостоятельнѣе въ своемъ питаніи. Человѣческое кровообращеніе устанавливаетъ высокую степень солидарности и свободы въ питаніи. Питательная жидкость крови обращаясь быстро и свободно, въ самое короткое время обходитъ все части организма. Каждая часть беретъ изъ этого занаса лишь то, сколько ей надо, не только для своего восстановленія, но и для своего развитія если питаніе для этого достаточно обильно. Тутъ нѣтъ ни закъанныхъ, ни привилегированныхъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, все получаютъ одинаково, каждый по своей потребности. Однакоже есть еще одно приспособленіе, которымъ обезпечивается невозможность части пользоваться изъ общаго достоянія не принося своей грудной ленты. Волосные кровеносные сосуды такъ широки, что если бы они были всегда открыты, то питаніе каждой части было бы чрезвѣчнымъ и губельнымъ для нея, какъ оно дѣлается во время воспаления, а потому они сжимаются особыми нервами, пользующимися значительной самостоятельностью отъ центровъ. Если часть истощена дѣятельностью, то впечатлѣніе которое производитъ на нервы произшедшее въ ней отъ этого измѣненіе, побуждаетъ ихъ усилить питаніе. Дѣятельная и полезная часть черезъ это не только имѣетъ возможность вполнѣ восстановиться, но и развиваться, бездѣятельная же питается гораздо скуднѣе. Поэтому только такой организмъ можетъ хорошо питаться и развиваться, котораго часть дѣятельна. Въ бездѣятельныхъ же частяхъ обильная пища производитъ не развитіе, а обрѣзнительное для организма оживленіе. Создаются запасы, а бездѣятельная часть все таки слабѣетъ. Проясненіе этого приспособленія объясняется также, какъ и происхожденіе органической солидарности вообще. Всякая часть только тогда чувствуетъ сама себя въ нормальномъ положеніи, когда окружающая ее органическая жизнь нормальна и здорова; тоже бываетъ и съ распределеніемъ питанія отдѣльныхъ частей, и недостаточное и излпшнее питанія одинаково приводятъ къ вырожденію и они тотчасъ это чувствуютъ—имѣть вредъ для себя.

Идея генезиса, стремление составить организм из отдельных частей, идея нравственности.

Выше мы говорили, что органическая клеточка при обильном питании растёт, но не мёрзёт того как она растёт ея органическое отправление затрудняется, а потому для сохранения прежнего удобства органической деятельности, она делится и множится. Тоже явление повторяется и в низших животных организмах, из одного вырастает другой который от него отделяется. Но когда организм делается сложнее, тогда повторение подобаго процесса начинается наконец составлять невозможность. Если бы сложный организм производился кѣм нибудь, напр. каким нибудь нервным центромъ, то подобный нервный центр могъ бы делиться какъ ядро клеточки и отдѣлившись, съ нужнымъ для его питанія, часть могла начинать жить особо. Но сложный организм нѣтъмъ не делается, онъ происходитъ какъ мы видели самъ собою; въ немъ нѣтъ ни одной части, которая могла бы распоряжаться остальными и заставлять ихъ составить для себя питательную обстановку. А между тѣмъ ростъ и для организма создаетъ то же неудобство, которое онъ создаетъ и для отдѣльной клеточки; въ организмѣ является материалъ наиболее чувствительный къ этимъ неудобствамъ и который обнаруживаетъ отвращение входить въ его составъ въ качествѣ пристра. Онъ и на роль пристра не поддается и выходитъ не хочеть. Это безпокойный и отлагательный элементъ внутри организма и все таки организм не можетъ расправиться съ нимъ безъ околичностей. Представьте себѣ безпокойные и недовольные существующимъ порядкомъ элементы внутри государства; они недовольны, однакоже они слишкомъ обладаютъ сознаниемъ своего положенія, чтобы такъ таки прямо и уйти на погибель въ безплодную степь; да и общество не можетъ распорядиться ими безъ околичностей. Въ этомъ ему мѣшаютъ тѣ же самыя привычки, нравы и чувства, по причинѣ которыхъ оно составляетъ государство. Аналогическое

явление происходитъ и въ организмѣ. Взгляните въ микроскопъ на зернышко икры, оно поразительно напоминаетъ круглую органическую клеточку, въ которой не достаетъ ядра и вамъ невольно придетъ на мысль, что живчикъ молодой и долженъ именно составить то ядро, которое обезпечить здѣсь органическое развитіе. Зерно икры обладаетъ также способностью питанія, но отъ этого питанія оно разбухнетъ и сгніетъ, если внутри у него не будетъ дѣятельнаго живчика. Таковы всѣ образования изъ элементовъ внутри организма; они неполные и рѣшительно отказываются создать изъ себя что нибудь полное входящее въ составъ организма. Но такъ какъ они одарены способностью питаться, то они и питаются на его счетъ, пока они остаются въ немъ. Въ инфузори образуются и мужская и женская часть зародыша, однакоже они отказываются соединиться. Когда же двѣ инфузоріи совокупляются, тогда женскій элементъ одной воспринимаетъ мужской элементъ отъ другой. Это чужой элементъ который будетъ стремиться въ отдѣльному существованію. Дѣло пошло на свою колею, хотя животное и питаетъ теперь чуждымъ для нея организмъ, но этимъ оно само освобождается отъ тягостныхъ элементовъ и приводитъ свою жизнь въ нормальное состояніе. Когда организмъ делается больше и сложнее, является потребность собрать эти безпокойные элементы въ одно мѣсто. При этомъ ходъ дѣла мы всего яснѣе видимъ обстоятельства упуценныя изъ виду Дарвиномъ и которые показываютъ, что главную и первоначальную причину развитія въ организмѣ, составляютъ внутреннія побужденія и потому онъ всего сильнѣе развивается при попятеніи благоприятныхъ обстоятельствъ и въ направленіи къ меньшей приспособленности. Сначала вы видите, что обильное питаніе иеряждаетъ только стремление роста, а когда ростъ делается уже неудобнымъ — воспроизводитъ себя. Органическая клеточка воспроизводитъ другую органическую клеточку точно такую же, какъ она сама; даже инфузорія про которую когда то говорили, что она имѣетъ такой же сложный организмъ какъ слонъ, воспроизводитъ себя въ томъ же самомъ видѣ какъ она есть. Вы тутъ ясно видите, какимъ образомъ организмъ приобретаетъ рутину саморазвитія. Органическіе процессы обратившись въ рутину въ матери, воспроизводятся и въ дочери, по видимому уже безъ всякой нужды, но черезъ эту дочь начинаетъ вырастать изъ матери; выростая она получаетъ вишія впечатлѣнія и развивается одновременно какъ подъ влияніемъ рутинныхъ процессовъ матери, такъ и вишіихъ впечатлѣній. Когда она наконецъ отдѣлится, тогда ни для кого не можетъ быть удивительнымъ, что она сразу является существомъ, обладающимъ способностью ко всѣмъ мыслительнымъ процес-

самъ матери. У кольчатого, у котораго путемъ развитія, голова сдѣлалась производителемъ наиболѣе разнообразныхъ мыслительныхъ процессовъ, эта голова сдѣлалась и средоточіемъ воспроизводительныхъ мужскихъ элементовъ, она оплодотворяетъ одинъ сегментъ за другимъ и производитъ все новыя; каждый сегментъ нароста какъ новый женскій организмъ точно также, какъ и нарождающаяся инфузорія имѣетъ въ зародышномъ состояніи и вѣшнюю и внутреннюю впечатлительность. Кромѣ того вы видите тутъ ясно обозначившееся стремленіе, изъ многихъ организмъ сдѣлать одинъ. Это коренное стремленіе органической жизни вы видите уже и въ клеточкѣ, если бы ея не было — не могла бы составиться и сложнаго организма. Не если организмъ не дифференцируется, а только повторяется, то это стремленіе встрѣчаетъ препятствіе и части распадаются. Это однакоже въ организмѣ такое коренное стремленіе, что извлеченіе сравнительно ничтожнаго количества изъ союза, уже достаточно для его сохраненія. Длинный червь можетъ доставать пищу на такой глубинѣ, до которой не можетъ достигнуть однодѣтное растеніе и вы понимаете связь клеточекъ въ деревѣ, хотя оно и есть въ значительныхъ размѣрахъ — только повтореніе тѣхъ же осей. Но если низшее животное очень хорошо можетъ жить самостоятельной жизнью, а все-таки выростая одно изъ другаго, остается въ связи и образуетъ мѣшокъ изъ массы особей, которыя лишаютъ себя такимъ образомъ свободы движенія, то вы тутъ видите коренное стремленіе организмъ, совокупляясь въ одно съ цѣлью составить новый организмъ. Если вы подумаете о томъ, что всѣ первоначальныя клеточки одарены движеніемъ, то вы поймете, что въ растеніи они лишили себя этой способности ради принужденнаго совокупленія въ одинъ организмъ и что когда разрастается клеточка составляетъ сначала нить, а потомъ распадается, то это есть фазисъ нерышительности. Далѣе мы видимъ еще новое явленіе. Личинка создала въ себѣ дѣятельные органы питания и питается обильнѣйшимъ образомъ; лишь только это обильное питаніе увеличилось ея способностію къ развитію, она дѣлается куколкой, потомъ мухой, бабочкой и пр. Съ точки зрѣнія развитія путемъ приспособленія, это явленіе окончательно бессмысленное. Организмъ сдѣлалъ изъ себя олицетвореніе отсутствія всякой приспособленности. Новое животное не способно ни расти, ни развиваться, а иногда даже и питаться, и все-таки вамъ стоить сравнить это новое произведеніе съ тѣмъ отъ котораго оно произошло, чтобы увидать въ немъ организмъ болѣе высокаго порядка. Теперь вы понимаете, что обильное питаніе произошло въ личинкѣ стремленіе породить изъ себя новую, болѣе совершенную форму органической жизни. О

томъ, чтобы она была болѣе приспособленной, она и не думала, конечно она будетъ менѣе приспособлена, какъ всякая болѣе совершенная форма. По ограниченности способностей этого низкаго организма, онъ сдѣлалъ создать только форму уже окончательно неприспособленную. Живучія части этого негоднаго къ развитію существа, стремятся вопъ и ея дѣлается воспроизводителемъ новыхъ организмъ и притомъ не своего негоднаго, а первоначальныхъ типовъ. Не смотря на кажушіяся свои нецѣлостности, эта форма жизни могла сдѣлаться рутинной, безусловно повторяющейся формой для цѣлыхъ стайковъ низшихъ животныхъ. Это именно и поясняетъ вамъ суть дѣла; мы видимъ, что въ организмѣ есть глубокое стремленіе породить болѣе совершенныя формы жизни, что самая эта новая форма доставляетъ ему удовлетвореніе, независимо отъ того будетъ ли она приспособлена или нѣтъ? Вотъ почему создаются такіа высшія формы, какъ горилла, чимпанзе, orangъ хотя они такъ мало приспособлены, что могутъ существовать только въ самомъ ограниченномъ числѣ особей. Создавъ рутину метаморфозъ насекомыхъ, этотъ путь развитія завершается стремленіемъ создать организмъ изъ особей, живущихъ совершенно отдѣльной жизнью. Въ растительномъ царствѣ стремленіе совокуплять множество организмъ въ одинъ, завершается такимъ явленіемъ, какъ известная споровница; цѣлый островъ занятъ однимъ деревомъ состоящимъ изъ нѣсколькихъ тысячъ соединенныхъ между собою органически особей. Мы видимъ въ этомъ дальнѣйшее развитіе того же мышленія, которое произвело обменъ вещества между листомъ и корнемъ. Между низшими животными стремленіе породить одинъ организмъ изъ многихъ особей, принимать ту же форму; особи связываются органической тканью въ одно цѣлое. У насекомага консервативныя стремленія сдѣлались уже значительно ниже, оно не можетъ оставаться такъ долго въ невозможныхъ для органической жизни условіяхъ, какъ напр. инфузорія которая погибнетъ въ атмосферѣ водорода нагрѣтаго до точки кипѣнія воды и понятно почему: прогрессивныя стремленія въ немъ уже слишкомъ сильны. Эти прогрессивныя стремленія выразились у него метаморфозей, они выразились наконецъ и покушеніемъ создать изъ множества особей одинъ организмъ. Исходную точку тутъ составляетъ та же идея, какъ у вышеупомянутаго кольчатого — это сосредоточеніе оплодотворенія. Но эта идея уже усовершенствовалась до идеи ичелнаго улья. Истичникъ который привезъ къ организациі улья, вы опять находите въ обиліи питанія. Когда пища изобильна, организмъ пчелы начинаетъ все въ большихъ количествахъ вырабатывать органической матеріаль. Съ обиліемъ питанія въ немъ нарождается и стремленіе войти

дальше в развитии своей организации, то же самое стремление которое производит метаморфозу, но вместо метаморфозы вырабатывается организмом новая идея организации. Метаморфоза уже совершенна, а обильное питание порождает все таки стремление к дальнейшему развитию. Органический материал накапливается в организм, но не может быть употреблен на рост и по коренному условию органической взаимности, не может быть и выброшен без церемоний. Существование такого начала внутри организма уже на низших ступенях развития привело к взаимодействию между организмами, которые общими силами достигают нормального исхода. Одни обращают его на произведение новых особей, другие—на кормь для них. Здесь вы видите ясную организацию, проявляющую паразитическую заботливость о молодом поколении. В сущности же это тоже самое, что делается и внутри организма при его развитии, только с уменьшением взаимной зависимости частей, а потому и солидарности проявления. Если вы отъ насыщаемого перейдете к позвоночному, то вы найдете в нем дальнейшее усовершенствование элемента—элементы роя олицетворяются тут двумя уже солидарными организмами—мужским и женским. Мужской организм соответствует совокупности трутней и показывает вам, в какой форме эта сторона пчелиной организации может выработаться в виде действительно солидарного организма. Организм самца работает для своего обеспечения, но он в больших размерах, чем женский, превращает созданный им органический материал в солидарное тело, по этому тело это делается более ярким, развитым и деятельным. Прогресс тут прямо проявляется в виде увеличения солидарности, на место питающихся трутней мы имеем солидарно живущий организм солнца. Обильное питание время и у них порождает произведение органического материала в больших размерах, чем может быть обращено на развитие самого организма а это опять таки в свою очередь приводит сначала к генезису, а потом чрез развитие идей порождаемых впечатлениями, сопровождающимися генезисом, к стремлению создать организм из отдельных особей по идею настоящей органической солидарности, а не такой мало совершенной, как напр. в идею пчелиного улья. На низкой степени этой формы развития, у рыб напр., обильная выработка органического материала возбуждает внутреннее стремление не только расти, но и усовершенствовать свою органическую форму; припомните самца колюшки, который перед наступлением половой деятельности делается животным более красивого и совершенного вида. Самая сильная потребность прогрессивного органического материала заключается в такой среде,

которая давала бы ему возможность прогрессивного развития органических форм. Стремление создать такое благоприятное условие заставляет рыб собираться в стада. Взаимное впечатленье организмов действует здесь также, как внутри организма взаимное впечатленье частей; желудок впечатлением голода заставляет действовать нервы, нервы набивая его пищею, заставляет его выработать питательный органический материал. Икра и молоки окончательно вырабатываются, соединяются и производится молодое поколение. Если вы сравните теперь прогрессивный органический материал инфузория, насыщаемого и рыбы, то вы заметите паразитическое развитие в нем способности прогрессировать. Инфузория родится такою же как мать, материал вовсе не прогрессирует; материал насыщаемого производится яичко, яичко прогрессирует в личинку, личинка чрез форму куколки—в насыщаемое. У рыбы зародыш уже претерпевает видоизменение. За тем по выход из яйца, он имеет уже форму более совершенную чем личинка, но не имеет иногда ни пищеварительного канала, ни радиероходного отверстия. Он неподвижен как личинка и питается как растение всасыванием. Тело изменяется постепенно и когда оно достигнет несравненно больших размеров и большого совершенства чем насыщаемое, оно начинает питаться и только тогда начинается для него период роста, в то время как у насыщаемого послѣ метаморфозы он прекращается. Чем совершеннее делается тело организма, тем шире развивается и способность совершенствовать органические формы и стремление к солидарности. Для лягушки рыбообразная форма составляет уже только одну из степеней ее развития. Тут же вы видите как формы вытекают из мыслительных процессов, порождаемых вышшими впечатлениями. Если изменяются вышние впечатления и нет воды, то не происходит и рыбообразного фазиса развития. Переходя к птицам, взгляните на птуха; пока он растет, он имеет просто вид большой курицы, с наступлением половой зрелости в нем обнаруживается стремление к принятию усовершенствованной формы; это стремление до того сильнее чем у колонки, что видоизменение происшедши в это время в его организм остаются у него на всегда. К выдѣльному или органическому веществу, птицы относятся с несравненно большим вниманием чем рыбы. Птица растет, выращивает яйцо в себѣ и затѣм высиживает его. Вникая как все это делается вы видите, что рутинное мышление каждой части органического вещества, достигло большого совершенства в направлении к солидарности. Мыслительные процессы органического вещества птицы более деятельны, поэтому в ней происходит

не только более живой обмыль, но и более живая солидарность, вытекающая из большей требовательности части по отношению к этой солидарности. Каждая часть требует сь большим настойчивостію и живестію питанія оть организма, а поэтому и весь организм привыкь вь большихь размѣрахь некоряться этимь требованіямъ, онъ даже пріобрѣтаеть приспосаблинную кь нимь рутину, такъ что если требованія не послѣдуеть, то во всемь организмѣ можеть произойти оть этого безпорядокъ; если сколько нибудь значительная часть организма перестанеть требовать себя питанія, то онъ не можеть оставаться здоровымъ. Солидарности между яйцами и курицею несравненно меньше, чѣмъ между частями ея организаціи, однако же ея несравненно больше, чѣмъ у рыбы; рыба мечетъ икру и кончаеть этимъ, курицу можно только искусственно заставить не высиживать яицъ и не смотря на всѣ успокоительныя вѣры она можетъ сойти сь ума, если ей не дадутъ высиживать. Впечатлѣнія, которыми сопровождается выдѣленіе элементовъ подвижности въ организмахь птицъ, развиваются вь нихъ привычки стадной и семейной жизни, привычки взаимности. Мучимый этими элементами самецъ заскикиваетъ у самки, помогаетъ ей вить гнѣздо, которое изобрѣтается прежде всего для ея собственнаго удобства при кладкѣ и высиживаніи яицъ. Если ссобрать сьрочные размѣры этихъ привычекъ со всеми отступленіями отъ нихъ, то ихъ образованіе подь вліяніемъ впечатлѣній черезъ инфузорію можетъ сойти сь ума, если ей не дадутъ высиживать. Впечатлѣнія, которыми сопровождается совершенно несомнѣннымъ. Если мы вспомнимъ, что рутинатѣхъ чувствъ и мыслительныхъ процессовъ, которые развиваются при органической жизни довела нервные узлы до того, что они совершенно забыли о себѣ вполнѣ посвятили себя образу жизни, то мы уже нисколько не будемъ удивляться кормленію юныхъ птенцовъ. Но между кормленіемъ птенцовъ и дѣятельностію нервныхъ узловъ есть существенная разница вь томъ отношеніи, что въ послѣднемъ случаѣ имѣетъ мѣсто полная взаимность, а въ первомъ нѣтъ. Поэтому и рутинна самоотверженнаго чувства никогда не можетъ зайти такъ далеко, какъ внутри организма. Рутинна родительскихъ чувствъ у животныхъ, похожа на тѣло брошенное вверхъ; вызванная вь качествѣ мучительной потребности, но не поддержанная взаимностію, она ослабываетъ и испаряется. При всѣхъ этихъ сравненіяхъ нужно смотрѣть на дѣло такъ: инфузорія родитъ дѣятельно живую инфузорию, но за то новое существо является только инфузорею. Уже самое развитіе позвоночныхъ до большаго размѣра и совершенства ихъ организмовъ ставитъ ихъ неизмѣримо выше пчелъ и другихъ высшихъ безпозвоночныхъ, у которыхъ проявляется зачаточное стремленіе образоватъ организмъ изъ массы отдѣльныхъ особей. Масса вполнѣ орга-

низованныхъ кѣлочекъ одного млекопитающаго, далеко превышаетъ массу всѣхъ обитателей улья взятыхъ вмѣстѣ; но въ дальнѣйшемъ развитіи этой органической жизни оно начинаетъ опять сначала. Когда яйцодетворенная икра доходитъ до такого состоянія, что ей приходится самой исцать себя пищу, она уже далеко оставила за собою выкормленную пчелиную личинку. Птенецъ проводитъ внутри птичьяго яйца, огражденный и пріобрѣтываетъ предѣльную произволу своихъ враговъ. Однакоже, когда мы пройдемъ все царство позвоночныхъ мы увидимъ замѣтный прогрессъ только въ семейныхъ инстинктахъ. Конечно справедливо, что у живородящаго млекопитающаго зародышъ не только проходитъ всѣ фазисы своего развитія въ утробѣ матери, но еще кормится ея молокомъ пока не обрѣтается и не привыкнетъ къ условіямъ жизни. Органическая солидарность, которая здѣсь проявляется, стоитъ не только выше въ исторіи зарожденія рыбы, но и птицы. Огромная разица, снести яйцо и высиживать его или выносить зародышъ въ утробѣ, вскормить птенца въ гнѣздѣ или выкормить дѣтенюша своимъ молокомъ. Хотя наблюденія надъ материнскими инстинктами и невѣрны, мать отстываетъ дѣтенюша вообще съ несравненно меньшею энергіею, чѣмъ свое собственное тѣло и отступается отъ него съ несравненно большаю легкостію, чѣмъ отъ члена своего организма; но отдѣленіе молока все таки сопряжено съ такимъ впечатлѣніемъ на организмъ, которымъ и кормленіе и защита дѣтенюша обезпечены гораздо болѣе чѣмъ у птицы. Однакоже живородящіе ветрѣчаются и у рыбъ, въ еще большемъ размѣрѣ у насѣкомыхъ, въ еще большемъ размѣрѣ у низшихъ животныхъ. Изъ зародышного мѣшка таракана выбѣгаютъ маленькіе и слабисильные тараканы, а когда инфузорія *stylonichia stylonis* отдѣляется отъ своей матери, то она какъ двѣ капли воды похожа на нее. Сь этой точки зрѣнія намъ можетъ показаться, что процессъ рожденія у млекопитающаго стоитъ ниже, чѣмъ у инфузоріи. Вы понимаете, что это происходитъ, отъ возрастающей рядомъ сь его усовершенствованіемъ, неприспособности организма. Эта неприспособность достигаетъ у члѣвѣка такой высокой степени, что приспособленіе изъ котораго вытекаетъ воспитаніе меладаго поколѣнія у млекопитающихъ, для члѣвѣка оказывается уже совершенно недостаточнымъ и мы видѣли выше, что родительскіе инстинкты требуютъ новаго развитія путемъ мыслительныхъ процессовъ для обезпеченія члѣвѣчества отъ гибели. Направленіе къ развитію организаціи, самое высшее изъ проявленій мыслительныхъ процессовъ организма, не достигнуто у позвоночныхъ и той степени совершенства, каковыя оно обладаетъ у ичалъ и муравьевъ; только у члѣвѣка оно можно безъ сравненія далѣе.

Теперь мы обозрели общий ход развития мыслительного процесса в материю и можем сдѣлать изъ него окончательные выводы, которые дадутъ намъ начала нравственной жизни, понятія о добрѣ и злѣ для человека. Намъ стоитъ представить подобныя же выводы изъ мировоззрѣній Гартмана и дарвинистовъ въ голомъ и рѣзкомъ ихъ видѣ, чтобы сдѣлать понятнымъ, что они не въ состояніи удовлетворить даже грубаго дикаря. Рѣзкая пассивность и безнравственность выводовъ, которыя слѣдуютъ изъ гартмановскаго и дарвиновскаго мировоззрѣній показываютъ намъ, что и взгляды ихъ на жизнь природы должны страдать узкостью и существеннѣйшими недосмотрами; если бы взглядъ этотъ былъ глубокой и вѣрнымъ, то онъ далъ бы глубокіе и вѣрные результаты и для жизни человѣческой. Жизнь природы создала жизнь сознательную для того, чтобы помочь ей уничтожиться; единственная цѣль существованія сознательнаго челоѣка заключается въ томъ, чтобы способствовать уничтоженію природы. Такое радикальное обращеніе къ разрушительной похоти въ человѣческомъ сердцѣ, возмутитъ думу и самаго грубаго дикаря; это естественная философія для хищнаго животнаго, но никакъ не для челоѣка. Если бы хищное животное могло развиваться до такой степени, чтобы почувствовать потребность разрушить и пріодѣть свои хищныя наклонности и сдѣлать изъ нихъ прелестное и возвышенное божество, то ему не могло бы придумать ничего обманчиваго, возвышеннаго и поэтичнаго какъ гартмановскую философію. Идея Гартмана искусственная, а потому она имѣетъ одно преимущество искусственныхъ идей. Точно такимъ же искусственнымъ образомъ каковыя она произведена, можно ее лишитъ возмутительныхъ выводовъ, которыя прямо изъ нея слѣдуютъ и нагнутъ ее такъ, что она даже дастъ симпатичные выводы; выводы Гартмана, но большей части вовсе не возмутительны. Но представьте себѣ, что эта идея дѣйствительно сдѣлалась нравственнымъ руководителемъ у людей, легла напр. въ основаніе ихъ религій. Въ этомъ случаѣ всѣ его искусныя заключенія останутся неизвѣстными массѣ точно также, какъ неизвѣстны хитросплетенія ученыхъ теологовъ. Въ массу войдетъ одинъ голый афоризмъ «живите для разрушенія», а выводы вслѣдствіе дѣлать уже по своему вкусу. Челоѣкъ который занимался не однимъ поэтизированнымъ идей въ тишинѣ своего кабинета, но который крутился въ водоворотѣ практической жизни, который на каждомъ шагу встрѣчался съ могучими, разрушительными силами окруженныхъ родемъ талантливыхъ прислужниковъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ смягчающихъ передъ глазами толпы ихъ грубую похоть, относится къ поэзіи гартмановской философіи совершенно иначе, чѣмъ масса неопытнаго и недальновиднаго

человѣчества. Онъ знаетъ, что нѣтъ ничего вреднѣе легкомысленнаго превозглашенія въ замаскированномъ видѣ такихъ принциповъ, какъ гартмановскіе. Чѣмъ болѣе они будутъ замаскированы глубиной и поэзіей мысли, чѣмъ болѣе они будутъ лишены своего прямого, грубаго и наглаго вида, тѣмъ существеннѣе они отзовутся на бекахъ челоѣчества. Открытая защита разбойничьихъ истинствъ менѣе вредна, чѣмъ превращеніе философіи разрушенія или эгоизма въ защитницу правъ народовъ. Сентиментально разукрасивъ свою высокую поэзію, Гартманъ неожиданно высевываетъ одинаково ослепное ухо и говоритъ вамъ, что съ слишкомъ неразвитыми людьми не слѣдуетъ перемогаться, лучше всего прямо покончить и не имѣя саулдовскихъ предразсудковъ избить ихъ поголовно, этимъ окажешь имъ благодареніе, такъ какъ они все равно умрутъ отъ нужды и страданій. Выводъ изъ дарвиновскаго мировоззрѣнія, это чистѣйшій, грубый макиавелизмъ. Старайся быть сильнымъ, приспособляйся и размокнись на счетъ другихъ посредствомъ борьбы и истребленія, чѣмъ болѣе ты расширишь на счетъ враговъ и непокорящихся тебѣ, тѣмъ болѣе это будетъ признакомъ, что ты совершенное существо. Дарвинисты, болѣе осторожны чѣмъ Гартманъ, отрещиваются отъ такого нравственнаго принципа, выведеннаго изъ ихъ мировоззрѣнія, но это дѣлается лишь по неопытности и легкомыслію. Челоѣкъ беретъ свои нравственныя воззрѣнія изъ окружающей его природы и если вы ему дадите извѣстный взглядъ на жизнь природы, то этотъ взглядъ будетъ имѣть на него свое вліяніе и въ его нравственной дѣятельности онъ будетъ имѣть его и тогда, когда вы этого захотите, но и тогда, когда вы будете отъ этого отрещиваться. Наперекоръ желанію дарвинистовъ, дарвиновское воззрѣніе въ органическое развитіе есть и останется рычагомъ безнравственности въ современной цивилизации. Мы видѣли выше, что существенныя черты развитія въ органической природѣ въ корнѣ своемъ тѣже, что и въ неорганической и что между ними нѣтъ ни одной изъ подмѣненныхъ дарвиномъ и его послѣдователями; все подмѣненное ими относится къ второстепеннымъ и сверхъ того еще неправильно понятымъ моментамъ. Мы видѣли, что основнымъ жизненнымъ моментомъ въ природѣ служатъ потребность дѣйствія, которая въ дѣствіе взаимнаго сопротивленія матеріи получаетъ стремленіе превращаться въ строгіе общее движеніе и порождаетъ рутину. Но рутинная, автоматическая строгость никакъ не можетъ убить въ мыслящей матеріи стремленіе, проявить свою самостоятельную мысль, стремленіе къ свободѣ. Это стремленіе къ свободѣ приводитъ наконецъ къ органической жизни. Тутъ, и въ особенности въ животномъ организмѣ она развивается такъ широко, сравнительно съ неорганической

природой, что намъ начинается казаться, что одинъ организмъ и даже именно одинъ животный организмъ обладаетъ произволомъ и мыслию. Если мы сдѣлаемъ усилие, чтобы вынести себѣ въ чемъ заключается принципъ организма, который далъ такой широкий свободѣ матеріи, то мы убѣдимся, что это принципъ взаимности и солидарности. Мыслящее я потому могло въ такой степени эманципироваться и приобрести такую силу и свободу мышления, что оно могло, такъ сказать, вполне отрѣчься отъ себя, черезъ органическую солидарность предоставить другимъ заботу о личномъ своемъ благѣ *) и сосредоточиться исключительно на благѣ всего организма. Сила и свобода органическаго мышления развивалась по мѣрѣ того, какъ солидарный организмъ изъ одной органической клеточки превращался въ тѣло, собранное въ одно безчисленное множество клеточекъ, съ разнообразнѣйшей впечатлительностью и постоянно возвращающей взаимностью, только тогда, когда эта взаимность, въ нервной дѣятельности до полнаго самоотрѣченія, могла явиться высшій животный и наконецъ человѣческой организмъ. Мыслящая матерія по мѣрѣ своего развитія идетъ все далѣе, отъ физическаго она перешла въ химическому, отъ химическаго въ органическому тѣлу и теперь она стремится создать организмъ изъ массы отдѣльныхъ организованныхъ особей. За стремленіемъ создать органическое цѣлое изъ связанной органически толпы растений и низшихъ животныхъ, явилось стремленіе создать организмъ изъ несвязанныхъ отдѣльныхъ особей путемъ впечатлѣній, производимыхъ стремленіемъ къ зарожденію. Это стремленіе нашло для себя высшее проявленіе и уже на болѣе широкихъ началъ въ человѣкѣ. Разсматривая человѣческую жизнь какъ крайній предѣлъ, до котораго дошло въ настоящее время органическое развитіе мы убѣждаемся, что въ развитіи отдѣльнаго человѣка и цѣлагаго человѣческаго общества лежатъ тѣ же коренныя стремленія, которыя двигали развитіемъ и въ прочей органической и неорганической матеріи. Основные свойства мыслящей матеріи остаются вездѣ одинаки и тѣми же и это даетъ намъ возможность составить на твердыхъ основаніяхъ общечеловѣческую идею нравственности. Мыслительный процессъ неизмѣримо сложнѣе, чѣмъ онъ намъ кажется на самомъ дѣлѣ, простѣйшее движеніе въ которомъ мы даже вовсе не въ состояніи усмотрѣть мысли, оказывается порожденіемъ сложнаго мыслительнаго процесса, требовавшаго тысячелѣтій для своего развитія, точно также, какъ безструктурная матеріальная точка при раз-

смотрѣніи въ микроскопѣ оказывается сложнѣйшимъ животнымъ. Даже такое сложное проявленіе мысли, какъ вязаніе чулка о которомъ и высшему животному не подумать, до котораго люди могли дойти только послѣ тысячелѣтней культуры, намъ кажется не мыслительныхъ процессовъ обусловленныхъ занятіемъ. Сложностью мыслительныхъ процессовъ обусловливается затруднительность появленія новыхъ. Это затрудненіе увеличивается тѣмъ, что появленіе и укорененіе новой массы требуетъ не только единичнаго, но согласнаго дѣйствія хотя нѣкоторой массы матеріи. Отсюда громадное преобладаніе рутинныхъ дѣйствій какъ въ прирѣдѣ, такъ и въ жизни человѣка. Рутинна, эта спокойное установившееся явленіе, которое не требуетъ отъ человѣка никакой нравственности; но за то она тѣмъ жеиъ начинаетъ казаться человѣку жизнью, чѣмъ совершеннѣе она укоренилась. Въ своихъ рутинныхъ дѣйствіяхъ человѣкъ самъ себѣ наконецъ представляется автоматомъ, тупой, безжизненной и безозначательной машиной. То глубокое, неискоренимое стремленіе къ свободѣ, не рабски рутинной дѣятельности, которое было причиною мертваго предвѣчнаго движенія матеріи, которое дѣйствуетъ изъ вѣка въ вѣкъ порождая предвѣстный мѣръ съ его разнообразіемъ мысли и которое было передано человѣку вѣчною какъ неистощимое его наследство, овладѣваетъ рано или поздно всею его душою и всѣми пожеланіями. Не тутъ то и является необходимость нравственности. Всякая попытка въ свободному движенію будетъ побуждена борьбою и тѣмъ или другимъ путемъ приведетъ къ старой рабской рутинѣ; она не будетъ вытекать изъ чуждаго пониманія основной идеи нравственности. Но въ чемъ же заключается эта нравственная идея? Въ гарманической идеѣ прекращенія всякаго существованія? Развѣ все разнообразіе міра произошло черезъ стремленіе къ прекращенію своего существованія? Развѣ черезъ стремленіе къ прекращенію существованія, организмъ создать себѣ невиданной долѣе обширности поле для разнообразней и свободной дѣятельности? Жажда дѣйствія и свободы, а не аналитическая мысль самоубійства породила его. Или можетъ быть, эта идея лежитъ въ стремленіи къ побѣдѣ въ борьбѣ? Много и сильно организмы борются между собою на лицѣ земли, но чѣмъ ожесточеннѣе они преслѣдуютъ другъ друга, тѣмъ болѣе обрабаютъ землю въ пустыню, чѣмъ болѣе они сосредоточиваютъ свою мысль и свое развитіе на борьбѣ, тѣмъ скорѣе они окончателно отрываютъ себѣ всякій путь къ развитію. Взгляните на основную мысль травояднаго, растеннояднаго организмъ, паразита, когда они себя противопоставляютъ всему остальному міру. Это исключительное мышле эксплуатаци, борьбы и эгоизма. Выработывая съ этой точки зрѣнія свой организмъ, они думаютъ только о томъ, какъ бы сдѣлать его болѣе годнымъ

*) Т. е. о благѣ мыслящихъ нервныхъ узловъ.

для борьбы съ природою и болѣе способнымъ эксплуатировать ее. Питающееся растительной пищею, будетъ ли это рыба, или птица, или четвероногое, думаетъ только о томъ, какъ бы сдѣлать себя возможно болѣе способнымъ для истребленія растений, хищное вырабатываетъ себя болѣе, совершенные органы лишь для того, чтобы въ большемъ числѣ поглощать другіе животныя организмы. Что же—изъ этого выходятъ организмы которые до такой степени закружаютъ себя путь къ дальнѣйшему развитію, что дѣлается возможнымъ споръ о томъ: суть ли они вообще порожденіе развитія и способны ли они развиваться? Сравните составъ этихъ организмовъ съ организмомъ человѣческимъ; не разница, а сходство тутъ паразитально. Они имѣютъ такой же мозгъ и такъ же онъ способенъ къ развитію, но отъ чего этотъ мозгъ не развился такъ, какъ онъ развился у человѣка? Отъ того, что если основная мысль есть голая мысль борьбы и эксплуатаціи, то развитіе порождаемое ею, тотчасъ же дѣлается самоубійственнымъ и прекращается. Лишь только животное усовершенствуется свою способность эксплуатаціи, оно начинаетъ истреблять свою пищу въ такихъ размѣрахъ, что является обратный шагъ въ природѣ, вмѣсто прогресса. Питаніе его организмы истребляются и животному приходится развивать свои органы борьбы для взаимнаго истребленія, —направленіе развитія опять такъ прямо антипрогрессивно. Только тогда, когда это взаимное истребленіе перешло далѣе истребленія пищи, дѣлается возможнымъ восстановление разбѣга жизни въ природѣ въ прежнемъ видѣ. Новое животное представляетъ намъ собою типъ болѣе развитаго организма, но развитіе это въ концѣ концовъ составляетъ безплодную трату силъ. На этомъ развитіи лежитъ печать угнетенія. Черезъ нимъ самими избранный для себя путь, эти организмы тѣмъ болѣе приготавливаютъ для себя страданій и мученій, чѣмъ сильнѣе въ нихъ потребность и способность развиваться. Вотъ смыслъ идеи борьбы въ природѣ и вотъ чего не поняли дарвинисты, а потому что они этого не поняли, они верхоглядно просмотрѣли и слѣдующій фактъ. На ходѣ развитія животныя организмовъ въ дикомъ состояніи, лежитъ также печать проклятія, какъ и на людяхъ; если прогрессъ жизненной борьбы принятъ такъ тяжело, что онъ не даетъ имъ ни минуты вздохнуть свободно, ни минуты—чтобы наслаждаться спокойнымъ и свободнымъ полетомъ. Если люди находятся въ такомъ тяжеломъ положеніи, при которомъ происходитъ нестойкое вымирание расы и если они отъ этого вымирания спасаются внутреннимъ развитіемъ, которое однакоже не достаточно сильно, чтобы обезнечить имъ свободное размноженіе (такъ что лишь только произойдетъ природа снова является и вымирание), тогда вы въ окончательномъ результатѣ видите

человѣка, который дѣлается все болѣе развитымъ, но за то развитіе идетъ чрезвычайно медленно и раса постоянно мельчаетъ. Отсюда общее убѣжденіе у полудикихъ народовъ, которыхъ населеніе вѣковѣчно остается рѣдкимъ, что человѣческая раса постоянно мельчаетъ, представленіе—что ихъ предки были громады, что первый человѣкъ былъ въ нѣсколько сотъ саженъ. Отсюда поразительно малый ростъ сѣверныхъ и многихъ другихъ дикарей и историческіе слѣды, что ихъ предки были и менѣе развиты и больше растомъ. Этотъ типъ угнетеннаго развитія носить на себѣ все животное царство. Сравните ископаемыхъ животныхъ съ современными, организація ихъ несомнѣнно совершенное, но каковъ ростъ. Гдѣ мамонты и ископаемые носороги, гдѣ шершеры медвѣди и громадные лѣнницы, гдѣ тѣ гигантскія птицы, которые оставили намъ на память свои слѣды? Сравните продолжающаго мельчать крокодила съ дотопонимъ ящеромъ у котораго были даже не ноги, а плавники. И это не смотря на то, что число наиболѣе способныхъ растений питать высшіе организмы увеличилось, а не уменьшилось. Человѣкъ противупоставленный природѣ, также является себя эксплуататоромъ; не одаренный болѣе высокими способностями онъ лучше понимаетъ условіе жизни. Его идея не есть уже идея голой эксплуатаціи; онъ хотя и съ цѣлью эксплуатаціи, а все таки размокаетъ жизнь. Это уже въ извѣстномъ смыслѣ начало солидарности, онъ оказывается сначала, такъ сказать услугу растительному или животному организму, ставить его своимъ трудомъ въ болѣе благоприятныя условія для роста, размноженія и развитія, и только въ концѣ пользуется имъ для себя. Этой земныи идеи борьбы, идею размноженія было достаточно, чтобы дать человѣку рѣшительный и окончательный перевѣсъ надъ всѣмъ прочимъ животнымъ царствомъ. Развитіе органической и въ особенности животной жизни получило новый благоприятнѣйшій оборотъ, тамъ гдѣ на огромныхъ разстояніяхъ едва можно было встрѣтить какую нибудь птицу, а животныя вовсе не было видно, теперь не было уже открытой мѣстности, которую бы можно было скинуть глазами и не встрѣтить ни человѣка, ни животнаго, ни птицы. Совершенные породы растений размножались, животныя которыхъ мельчали, стали увеличиваться въ ростѣ и въ силѣ и улучшаться въ породахъ; они стали размножаться въ большомъ количествѣ даже и тамъ, гдѣ прежде вовсе не могли существовать. Самъ измѣлчавшій человѣкъ по мѣрѣ того, какъ онъ изъ человѣка борьбы превращался въ человѣка культуры, не только размножался, но улучшался въ расѣ и увеличивался въ ростѣ. Доисторическіе предки европейцевъ были такого малаго роста, что оставшіяся отъ нихъ рукоятки орудій кажутся намъ сдѣланными для рукъ пигмеевъ, они при-

нести. Но чѣмъ специальнѣе дѣлается дѣятельность, тѣмъ менѣе она можетъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ организма, а потому дѣятельность организма можетъ только тогда специализироваться, когда удовлетвореніе другихъ потребностей принудитъ на себя другія. Отсюда стремленіе органической кѣточки соединить массу кѣточекъ въ одинъ общій организмъ, въ которомъ каждая кѣточка развиваясь путемъ специальной дѣятельности, направленной къ общему благу, получила бы путемъ взаимности тѣмъ болѣе совершенное удовлетвореніе своихъ потребностей, чѣмъ колибѣ и совершеннѣе будетъ ея собственная дѣятельность. Цѣлое устроилось такъ, что каждый возмѣщаетъ изъ общаго достоянія только свои собственныя траты и чѣмъ совершеннѣе будетъ это возмѣщеніе, тѣмъ совершеннѣе дѣлается и отвѣчающая на него дѣятельность. Отсюда выходитъ и обратное, чѣмъ болѣе совершеннѣе дѣлается дѣятельность части, тѣмъ болѣе она способствуетъ къ усовершенствованію общаго матеріала и усовершенствованію дѣятельности другихъ, такъ что тѣмъ совершеннѣе удовлетворяются и ея собственные потребности. Въ то время, когда внутри организма дѣятельность организма выходитъ на такую нормальную дорогу, организмъ противопоставленный остальному міру остается въ прежнемъ положеніи. Чтобы улучшить это положеніе, онъ и тутъ старается идти тѣмъ же путемъ специализаціи дѣятельности, черезъ созданіе взаимности. Взаимность такого рода при которой каждый удовлетворяетъ одну изъ потребностей многихъ, предоставляя этимъ многимъ удовлетвореніе другихъ своихъ потребностей, возможна одинаково только между однородными организмами. Чтобы свободно и успѣшно удовлетворять своей дѣятельностию чужую потребность, нужно ее достаточно понимать, а понимать къ такой степени можно только такую потребность которую имѣешь самъ. Поэтому и стремленіе, направленное къ созданію новаго организма изъ отдѣльныхъ уже существующихъ, является только между однородными организмами. Это стремленіе должно удовлетворить еще одной потребности. Органическая матерія порождая организмъ, не вся поглощается имъ въ солидарныхъ образованіяхъ, черезъ недостаточность идеи организма не вполнѣ удовлетворяющей стремленію къ новообразованіямъ, часть органической матеріи стремится вонъ изъ него и направляется къ созданію другаго организма не солидарнаго съ породившимъ ее. Какъ мы видѣли выше, самоотверженное настроеніе органической матеріи ставится въ этомъ отношеніи въ ложное положеніе, потому что ему не отвѣчаетъ взаимность. Стремленіе къ созданію организма изъ отдѣльныхъ особей направлено къ порожденію взаимности и въ этой области. При органической жизни, особи работая на снабженіе молодого некальмія

наиболѣе выгодными условиями для его развитія и усовершенствованія, сами вполнѣстѣи воспользуются нерожденной этимъ, усовершенствованной жизнью всей организациіи. Стремленіе человѣка къ специализаціи своей дѣятельности въ общественной жизни и къ раздѣленію труда, служить намъ несомнѣннымъ признакомъ стремленія породить организмы изъ человѣческихъ обществъ. Не тотъ слухомъ можно знать, что такое организмъ, кто способенъ представить себѣ, что современные обцины и государства суть организмы. По идѣ своей они болѣе приближаются къ организму, чѣмъ улей или муравейникъ, но до настоящей органической жизни имъ еще очень далеко. Въ организмъ часть стремится сдѣлать свое специальное дѣло какъ можно лучше на общую пользу, а о томъ какимъ путемъ удовлетворяются его собственныя потребности подобно нерву, даже вовсе не знаетъ. Въ современномъ же обществѣ, человѣкъ старается сдѣлать общее дѣло по возможности плоше, а потребности свои черезъ это удовлетворить по возможности лучше; онъ направляется къ тому, чтобы даже вовсе не дѣлать общаго дѣла, а удовлетворять своимъ потребностямъ по возможности изобильно безъ работы на счетъ общественныхъ условий. Такое настроеніе считаютъ даже естественнымъ, естественнымъ и неизмѣненнымъ въ человѣкѣ. Исторія человѣка дѣйствительно, повидимому вполнѣ подтверждаетъ такое безарніе; но это происходитъ отъ того, что человѣкъ началъ свою дѣятельность точно также, какъ и матерія съ полнаго эгоизма. Въ началѣ своего перипча, онъ настоящее животное и его идея, точно также какъ у животного, есть идея эгоистической эксплуатаціи. Мы видѣли, однакоже, что онъ сдѣлать отъ этого существенное отступленіе принявшись изодить совершенныя организмы на землѣ, мы видѣли, что это уменьшеніе власти эгоизма тотчасъ поставило его выше всего животнаго царства и ко благу для него и для окружающей его природы, создало что то въ родѣ зачатка солидарности между нимъ и окружающими его организмамъ. Говоря о развитіи инстинктовъ религіознаго и родительскаго, мы показали какимъ образомъ исходя отъ эгоистическихъ побужденій, онъ развивалъ въ себѣ самоотверженныя чувства и создалъ цѣлыя сферы этихъ чувствъ, которыя извѣстны животнымъ только въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Эти то созданія и сдѣлали возможнымъ усовершенствованіе организациіи въ человѣческомъ обществѣ. Они бы создали и организмы изъ этого общества, если бы оставались рациональными, а не обрамались непрерывно въ слѣбую рутину, такъ что вмѣсто того, чтобы питать элементы обрамившіе свою дѣятельность на общественное благо но начинать взаимности, они питали эгоистическіе элементы по рутинѣ и этимъ развивали въ нихъ наклонности паразитовъ и дезорганизовали

общество вместо того, чтобы совершенствовать его организацию. Отсюда мы извлекаем первое основное нравственное правило человеческой жизни. Человек должен стремиться создавать для себя и для других такие условия, при которых самоотверженные чувства людей и стремления трудиться не для своего личного я, а для общего блага получали бы возможно большее развитие; но при этом эти самоотверженные стремления должны быть направлены так, чтобы они отнюдь не развивали паразитство, а взаимность. Съ первого взгляда может показаться, что въ этомъ правилѣ нѣтъ ничего такого, чтобы привело къ новому виду общества, къ обществу организовъ, и что даже выраженіе самоотверженное чувство, тутъ употреблено несправильно. Чувство, которое заставляетъ человека дѣйствовать во имя общественнаго блага, только при томъ условіи, чтобы это дѣйствіе возмѣщалось для личности взаимностью столь же совершеннаго характера, есть въ сущности вовсе не самоотверженное чувство, а тотъ же самый эгоизмъ, но только болѣе разумный и свѣтлый. Однакоже если мы подойдемъ къ дѣлу ближе, то мы увидимъ, что это вовсе не такъ. Современное общество есть общество эгоистическое, поэтому оно основано на раздѣлѣ, на томъ же самомъ принципѣ, на которомъ основано всякое общество между отдѣльными организмами желаніи жить другъ съ другомъ по возможности въ мирѣ. У людей этотъ принципъ только развитъ болѣе, чѣмъ у животныхъ, въ благоустроенныхъ обществахъ болѣе, чѣмъ у дикарей. Въ благоустроенныхъ обществахъ раздѣляется какъ самый трудъ, такъ и его произведенія, такъ что каждый членъ общества трудится не ради общего блага, а ради вознагражденія. Внутри общества происходитъ точно такая же борьба за существованіе, какъ и между животными и общественное благо служитъ только предлогомъ для этой борьбы. Каждый членъ только до тѣхъ поръ и только въ тѣхъ размѣрахъ думаетъ объ общественномъ благѣ, въ которыхъ это мышленіе увеличиваетъ его вознагражденіе и лишь только онъ находитъ другой путь на которомъ личное его вознагражденіе увеличивается, онъ оставляетъ общественное благо въ сторонѣ или даже прямо противодѣйствуетъ ему и вступаетъ на этотъ путь. Партии въ государствахъ ищутъ чисто эгоистическую подкладку и самое большое усиліе, которое они дѣлаютъ ради общаго блага, заключается въ томъ, что они стараются свой эгоистическій интересъ по возможности согласить съ общественнымъ благомъ; для того, чтобы его осуществленіе встрѣтило меньшее препятствіе или даже и содѣйствіе со стороны общества. Въ организмѣ вы видите совершенно другое. Въ составѣ элементовъ которые служатъ подкладкою для дѣйствія части организма, эгоистическій интересъ даже вовсе не вхо-

дитъ; онъ безусловно и окончательно пересталъ быть двигателемъ въ этихъ дѣйствіяхъ, а черезъ это и самая борьба за существованіе между частями организма и дѣятельность ради этой борьбы сдѣлалась абсолютно невозможными. Все впечатлѣнія, изъ которыхъ складается мыслительный процессъ нервнаго узла, суть высшія впечатлѣнія; это требованія и впечатлѣнія между которыми онъ рѣшаетъ исключительно ради общаго блага и согласно съ этимъ рѣшеніемъ направляетъ свое дѣйствіе. Онъ поставленъ въ лучшее положеніе, въ которое только можетъ быть поставленъ дѣятель, чтобы быть безпристрастнымъ судьей; онъ объ эгоистическомъ своемъ интересѣ въ дѣлѣ не знаетъ и даже понятіе составить себѣ не можетъ. Точно тоже можно сказать и о мускулѣ и о волкѣ другой дѣятельной части тѣла. Мускулъ двигается подъ впечатлѣніемъ нерва, ради потребностей всего организма, понятіе о собственномъ своемъ интересѣ не играетъ никакой роли при этомъ движеніи. Эгоистическій интересъ въ организмѣ, все таки имѣется у каждой части, но часть не дѣйствуетъ во имя его, а только заявляетъ объ немъ другой части и заявляетъ тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ потребность настоятельнѣе. Эта другая часть въ свою очередь приготовляется къ дѣйствію, составляетъ мысль этого дѣйствія исключительно на основаніи высшихъ впечатлѣній, полученныхъ отъ другихъ частей, т. е. на основаніи всѣхъ заявленій о потребностяхъ организма кромѣ своего собственнаго, а потому и рѣшеніе выходитъ вполне безпристрастное. Если мы обратимся къ животному царству и постараемся усилить себѣ, существуютъ ли въ его средѣ элементы изъ которыхъ могъ бы развиться подобный же образъ дѣйствія, который бы превратилъ борьбу за существованіе и обратилъ бы ее въ органическую дѣятельность на общую пользу, то мы убедимся, что вслѣдствіе самой основной мысли животнаго организма, такихъ элементовъ въ немъ не существуетъ и развитіе не можетъ, а поэтому для животныхъ невозможно и никогда не будетъ возможно составить изъ себя общества-организмы. Въ человѣкѣ же эти элементы не только существуютъ, но постоянно развиваются съ развитіемъ людей и безъ всякаго сомнѣнія они должны наконецъ, до того развитія не можетъ, а поэтому это дастъ сама собою общества-организмы. Между животными всюду, дѣло рѣшается борьбою, даже въ случаѣ общаго дѣйствія они тотчасъ начинаютъ грызться, лишь только добыча попала въ руки. То миролюбивое настроеніе, изъ котораго у людей выходитъ раздѣлъ въ нѣсколько большихъ размѣрахъ, существуетъ только у травоядныхъ, да и то все тутъ кончается тѣмъ, что они мирно пасутся рядомъ и на скудныхъ пажитяхъ. Тѣхъ миролюбивыхъ чувствъ, изъ которыхъ у людей вытекаютъ понятія о возмутительности убійства человека, о неприкосно-

*особенно
справедливо*

венности собственности, о возмутительности воровства, у животных вовсе мѣтъ. Люди стараются устроить порядок, черезъ который мирное сожителство обезпечивалось бы и тамъ, гдѣ безъ этого миръ былъ бы нарушенъ. При такомъ нарушении дѣла конечно, всегда должно рѣшиться въ пользу сильнаго и въ ущербъ слабаго; такъ что всякій порядокъ, какъ бы онъ плохъ не былъ все таки открываетъ слабому нѣкоторый просторъ обезпечивать себя трудомъ и запасомъ. Поэтому даже и самый дурной порядокъ даетъ возможность на томъ же пространствѣ существовать большому населенію, чѣмъ могло бы существовать при господствѣ той анархіи, которая существуетъ во всемъ животномъ царствѣ. Даже тѣ животныя которыя дѣлаютъ запасъ, никогда не ограждаютъ работника отъ расхищенія собраннаго его трудомъ. Если онъ не достаточно силенъ, чтобы оградить себя самъ, никто за него не вступится; способности возмущаться насильемъ причиненнымъ другомъ, вовсе не существуютъ. Даже тамъ, гдѣ вы видите соединеніе силъ для отраженія общей опасности, эгоистическое безучастіе другъ къ другу поразительно въ животныхъ. Если люди сражаются и одного изъ нихъ убьютъ, это возмущаетъ каждого живомъ, какъ будто это личный нанесенный ему вредъ, какъ разя причиненная зѣбро. Въ сѣ естественнѣмъ выданы на враговъ. Но если быки массой поднимаются на врага и одного изъ нихъ застрѣляютъ, они останавливаются и начинаютъ его обихивать, ни тѣни участія и гнѣва, это происшествіе развлекаетъ ихъ, возбуждаетъ ихъ любопытство. Воспользовавшись оставкою, человекъ можетъ спрятаться; степняки спасаются этимъ приемомъ, если неосторожно наткнулся на стадо дикихъ быковъ. Стремленіе людей устрашать и ограждать энергически мирный порядокъ, дало имъ громадное преимущество надъ животными и породило тѣ современные государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то развитіе, при которомъ у людей можетъ существовать густое населеніе на мѣстномъ между дикими животными. Но вмѣстѣ съ культурой и цивилизаціей, у человека появляется еще новое чувство, о которомъ у животныхъ вѣтъ и помину, и котораго явное назначеніе при окончательномъ своемъ развитіи, уничтожить борьбу за существованіе между людьми, а общества основанныя на раздѣлѣ, превратить въ высшую форму обществъ-организмовъ. Это чувство взаимности и деликатности. Есть люди которые полагаютъ, что черезъ дѣйствіе общественной власти можно уничтожить собственность. Пока для распредѣленія вещей нужна общественная власть, будетъ существовать общество основанное на раздѣлѣ, а черезъ это и собственность. Распредѣленіе вещей т. е. собственности, можетъ быть сдѣлано болѣе или менѣе справедливымъ, но какой бы ни былъ устроенъ

раздѣлъ, будетъ ли онъ временной или постоянной, а все таки это будетъ раздѣлъ и если онъ сдѣланъ общественной властью, то это будетъ общество основанное на раздѣлѣ и эгоистическихъ чувствахъ. Оно можетъ только уменьшать несправедливость, но никогда не можетъ уничтожить ее. Изъ кого бы не состояла общественная власть, это будетъ общественная сила, а такъ какъ общество эгоистическое, то и эгоистическая сила и какъ всякая эгоистическая сила она будетъ дѣйствовать въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ въ свою пользу и въ ущербъ слабымъ. Конечно по мѣрѣ того, какъ общественное управленіе совершенствуется, несправедливость въ распредѣленіи благъ уменьшается, но если даже всѣ граждане будутъ достаточно просвѣщенны и знакомы съ условиями общественнаго и частнаго интереса и если какъ то требуется напр. Тульминъ Смитъ, они будутъ участвовать въ законодательствѣ и организаціи управленія общины и государства, не только посредствомъ своихъ представителей, но личнымъ дѣйствіемъ; утверждая въ общественныхъ собраніяхъ всѣ, какъ общіе такъ и местные законы и постановленія всѣхъ лицъ, которые такъ или иначе имѣютъ власть надъ ихъ интересомъ; если сверхъ того эта община не будетъ отличаться тѣмъ высокорѣрымъ презрѣніемъ къ слабымъ своимъ членамъ, которымъ она отличается на западѣ, а подобно русской общинѣ будетъ стремиться не къ тому, чтобы господствовать, а къ тому, чтобы покладливо устраивать свои дѣла по возможности ко всеобщему удовольствію, то и въ такомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что дѣло все таки не обойдется безъ притязательности по отношению къ слабѣйшему. Чтобы общество основанное на раздѣлѣ, превратилось наконецъ въ общество-организмъ, нужно чтобы были основанный на взаимности и покладливомъ эгоизмѣ перешелъ въ бытъ, основанный на чувствахъ взаимности и деликатности. Пона общеніе между людьми основано на раздѣлѣ, всякій старается изъ этого раздѣла доставить себѣ возможно крупную долю, находясь подъ напоромъ того общаго эгоизма, который сдѣлалъ необходимымъ раздѣлъ, онъ иначе и дѣйствовать не можетъ, даже если онъ обладаетъ самой великодушшой и симпатичной натурой, онъ возьметъ возможно болѣе для того, чтобы влищекъ не достался эгоистамъ и раздаетъ тѣмъ обездоленнымъ, которымъ онъ сигнализируетъ. Не вѣтъ общеніе устраивается на принципѣ прямо противоположномъ, на принципѣ никакая дружныхъ между собой людей, всякій даетъ для общаго удовольствія не опредѣленную долю, а сколько онъ желаетъ, желаетъ же онъ дать все, что можетъ, каждый склоненъ дать больше, чѣмъ ему по силамъ. Тогда въ обществѣ просыпается не чувство жадности, а чувство деликатности, оно деликатно от-

влияет отягчительное для жертвующего. Все, добытое таким образом предлагается всем, без всякого ограничения, берите что угодно, если вы наивыш и наивыш до отвалу набьете себя карманы сладким и спрячете еще запасец в шляпу, никто вас не остановит, всякий сдѣлает вид, будто онъ ничего не замѣтил. Лишь только дѣло поставлено на такую ногу, у человѣка умалкают и подавляются эгоистическія чувства, начинается говорить и развивается чувство взаимности и деликатности. Никто не хочет взять болѣе другаго, никто не хочет сдѣлать себя такой афронтой и показаться жаднымъ. Въ обществѣ, основанномъ на раздѣлѣ, всякій считаетъ законнымъ и справедливымъ своимъ правомъ требовать себя тѣмъ большее вознагражденіе, чѣмъ болѣе онъ оказалъ обществу услугъ. Не въ общеніи, основанномъ на чувствахъ взаимности и деликатности, подобный взглядъ окончательно испаряется, между достойными и недостойными само собою водворяется равенство въ пользованіи общими благами; достойные же, какъ болѣе другихъ развитые и водворяютъ его прежде другихъ. Тутъ важнѣйш гордится не успѣхами своего стяжательства, а утонченностью своей взаимности и деликатности. Представьте себѣ общество, которое само себя обезпечиваетъ трудомъ и въ которомъ сажительство основано на подобныхъ чувствахъ взаимности и деликатности. Въ такомъ обществѣ дѣла дѣлались бы совершенно такъ, какъ они дѣлаются въ организмѣ. Каждый въ своей дѣятельности думалъ бы только объ общемъ благодѣ и направляя ее такъ или иначе, находилъ бы подѣ впечатлѣлемъ голоеозъ, раздающихся въ обществѣ о потребности членовъ, точь въ точь какъ въ организмѣ нервный узелъ; мы увидимъ сейчасъ, что онъ стая бы отличался такимъ же ипорированіемъ путей, которыми удовлетворяется его потребности, какъ и нервный узелъ. Механическая сторона устройства подобнаго общества не представляеть для насъ никакого интереса, если можно устроить подобное общество, которое на деньги членовъ покупаетъ то, что нужно для общаго потребленія, то оно можетъ и произвести нужное. Вопросъ тутъ въ томъ, дѣйствительно ли деликатныя и возвышенныя чувства человѣка способны получить такое развитіе, которое приведетъ въ окончательномъ результатѣ къ подобному обществу; и еще важнѣе выяснитъ себѣ, дѣйствительно ли развитіе человѣческое идетъ именно въ этомъ направленіи, или оно идетъ въ какую нибудь другую сторону. Если мы обратимся къ первоначальной исторіи, то мы видимъ у него тоже самое основное стремленіе, какое мы встрѣчаемъ и у каждаго животнаго—это стремленіе къ свободѣ. Съ своей личной точки зрѣнія дикарь понимаетъ свою потребность совершенно отчетливо и ясно. Свобода заключается для него въ отсутствіи всякаго при-

нужденія, по его понятію только тотъ человекъ свободенъ, котораго никто и ни къ чему принудить не можетъ. Свободнаго человѣка нельзя навазывать, навазаніе есть признакъ рабства; повинноее есть также признакъ рабства, свободнаго человѣка нельзя ни къ чему принудить, платять податей повинностей можно наложить только на раба; на войну свободный человекъ также идетъ только тогда, когда онъ захочеть. Между свободными людьми все дѣлается по добровольному согласію, поэтому по отношению къ свободному человеку не только другое какое либо лицо, но и большинство общины не можетъ постановить какое бы то ни было обязательное рѣшеніе, на общинномъ собраніи все дѣлается исключительно по общему согласію. Такое понятіе о свободѣ есть общее первоначальное понятіе у дикарей. Не живо и хорошо понимая свою потребность, дикарь и животное, точно также какъ и первоначальная матерія—безусловные эгоисты, а потому совершенно не понимаютъ чужихъ потребностей, о которыхъ можно получать понятіе только сложнымъ путемъ изученія вышнихъ впечатлѣній. По отношению къ вышнему міру онъ, какъ животное выходитъ отъ идеи эксплуатаци и если онъ выискаетъ въ чужіе потребности, то онъ ихъ все таки не изучаетъ, а начинаетъ понимать ихъ только тогда, когда они ему навязываются сами собою, поэтому онъ знакомъ съ потребностями лишь тѣхъ, съ кѣмъ онъ непосредственно сожительствуетъ и дѣйствуетъ. Отсюда выходить, что первыя свободныя общества могутъ быть только разбѣйничными и завоевательными общинами и черты правоевъ, указывающія на первоначальныя понятія дикаря о свободѣ, мы можемъ услѣдить только у обществъ завоевателей; но за то мы можемъ услѣдить ихъ вездѣ и въ Азии и въ Африкѣ, у грековъ, римлянъ, германцевъ, у кавказскихъ горцевъ, у краснокожихъ Америки. Даже тогда, когда водворяется деспотическое и теократическое правленіе, завоеватели составляютъ привилегированное сословіе, не платящее никакихъ податей и не несущее никакихъ повинностей. Отступленія, дѣлаемыя деспотическою властью, все еще объясняются изъ первоначальныхъ идей, обязательная военная служба есть де вѣрность союзу съ государемъ ради охраненія общей свободы и привилегій и т. к. Такъ произошли привилегированная сословія въ Индіи, Египтѣ, древней Персіи, въ среднѣ вѣду у османлисовъ и т. д. Римскіе граждане составляли привилегированное сословіе, аионскіе стали платять подати только современно персидскимъ войнѣ, германцамъ завоевателямъ не только земли при раздѣлѣ добычи, но даже первыя бенефиціи давались отъ государей безъ всякихъ обязательствъ, ради лишь закрѣпленія добровольнаго союза. Извѣстно, что у древняго Германца обязательство идти на войну закрѣплялось на общественномъ

собрании только собственным согласіемъ. Понятіе объ отсутствіи права у общины постановлять обязательныя для свободнаго человѣка рѣшенія, выразилось въ понятіи объ Ibergang veto, которое встрѣчалось во многихъ мѣстахъ и такъ долго сохранилось въ Польшѣ, въ отращеніи отъ рѣшеній по большинству и въ признаніи лишь рѣшеній по общему согласію, выражаемому крикомъ, которое мы видимъ у германцевъ, грековъ (спартацевъ) и проч. Понятіе объ отсутствіи права наказывать свободнаго человѣка выразилось въ учрежденіи изгойства, свободный человѣкъ есть и родовитый человѣкъ, редъ его защищаетъ и ни другое лицо, ни община не смѣютъ его тронуть, но въ случаѣ безчестнаго поступка редъ отказывается отъ него, тогда онъ долженъ защищать себя самъ, болѣе сильный можетъ и убить и обратить его въ рабство. Это понятіе мы видимъ у германцевъ, славянъ, на Кавказѣ, у турчанцевъ, у древнихъ арабовъ. Право наказывать свободнаго человѣка введено было у германцевъ религіею, наказывать могло лишь божество, да и то одной смертной казнію. Но если идея человѣка стояла на уровнѣ идеи животнаго организма т. е. составляло голую идею эксплуатациіи вѣчнаго міра, то подобное понятіе о свободѣ, могло привести только къ той же анархіи, которая господствовала въ животномъ царствѣ. Поэтому потребность въ организациіи и въ порядкѣ, стала заглушать эту идею и вызывать даже самоотверженія чувства къ центральному источникамъ этого порядка: къ божеству, государю, отечеству. Однако же не смотря ни на что, потребность въ свободѣ оказалась столь же неискоренимою въ сердцѣ человѣческомъ, какъ она была въ природѣ, явилась идея о неотчуждаемости свободы, которая заключала въ себя глубочайшую изъ основныхъ идей человѣческаго существа. Разочарованный горькимъ опытомъ прошедшаго и все таки жаждущій свободы человѣкъ, заговорилъ о такъ называемой благородной или ограниченной свободѣ. Но свобода и ограниченіе это понятія, которыя исключаютъ другъ друга до конца, тамъ гдѣ есть свобода нѣтъ ограниченія, а гдѣ есть ограниченія нѣтъ свободы. Какъ скоро общество, дойдя до крайнихъ предѣловъ ограниченія ради порядка т. е. до полнаго подчиненія всего общества одному человѣку, въ качествѣ его рабовъ, на началахъ безусловнаго повиновенія, поворачиваетъ назадъ и направляется къ свободѣ, то опять таки черезъ нестерпимую живучесть потребности въ свободѣ, оно будетъ идти до окончательнаго уничтоженія всякаго ограниченія и до полной свободы. Необходимость такого результата тѣмъ очевиднѣе, что теперь оно всѣ свои заветы въ области свободы дѣлаетъ не иначе, какъ посредствомъ ея соглашенія съ порядкомъ, такъ что въ окончательномъ результатѣ должно выйти уничтоженіе противурѣчія между

свободою и порядкомъ, т. е. того самаго противурѣчія, которое въ первоначальной исторіи человѣчества привело къ погашенію свободы порядкомъ. Между свободою и порядкомъ нѣтъ такого противурѣчія, какое существуетъ между свободою и ограниченіемъ, они не исключаютъ другъ друга, для того человѣка который жаждетъ порядка, порядокъ и свобода вполне совпадаютъ. А такъ какъ и свобода и порядокъ одинаково сильныя и одинаково нестерпимыя потребности въ человѣкѣ, то человечество и должно развиваться въ томъ направленіи, которое оно теперь приняло до тѣхъ поръ, пока въ немъ не водворится полная, безграничная свобода и полный порядокъ. Всякій человѣкъ будетъ дѣлать все, что онъ хочетъ безъ всякаго ограниченія и все таки изъ этого будетъ выходить только общій порядокъ. Такой результатъ выйдетъ самъ собою какъ неизбежное послѣдствіе взаимныхъ впечатлѣній, производимыхъ людьми другъ на друга при постоянно оживляющихся сношеніяхъ. Чтобы пояснить какъ это дѣлается, я приведу здѣсь одинъ историческій примѣръ. Въ бракѣ человѣкъ начинаетъ съ того же, съ чего и въ общественной жизни—съ голой идеи эксплуатациіи. Мужчина старается сдѣлать изъ женщины орудіе, для удовлетворенія своихъ потребностей и только. Но уже по отношенію къ животному онъ способенъ замѣтить, что его потребности будутъ лучше удовлетворены, если онъ будетъ его приручать себѣ, чѣмъ просто преслѣдовать на охотѣ, какъ дѣлаютъ хищные. Поэтому онъ приручаетъ къ себѣ наравнѣ съ животными и жену, но за тѣмъ онъ смотритъ на нее отнюдь не лучше и не хуже, чѣмъ на прирученное животное. Онъ заставляетъ ее работать на себя какъ прирученное животное; исторія рабства начинается съ рабства жены. Когда ему вздумается, онъ ее закалываетъ и съѣдаетъ, точно также какъ свою корову. Онъ безусловно ничего не дѣлаетъ и старается имѣть какъ можно больше женъ и какъ можно больше скота для обезпеченія своихъ потребностей. О томъ, чтобы потребности его скота и его женъ были обезпечены, онъ заботится очень мало. Для скота онъ не запасаетъ корму на скудное время и едва устраиваетъ какой нибудь навѣсъ отъ непогоды. Женъ своихъ онъ только бьетъ и истязуетъ, если побуждаемая неудовлетвореннымъ сладострастіемъ онъ покушаются на нечѣстность. Онъ приучается запираетъ ихъ наравнѣ съ своимъ скотомъ и систематически истязать только для того, чтобы онѣ его боялись. Но чѣмъ болѣе онъ начинаетъ развиваться умственно, тѣмъ болѣе все это измѣняется. Онъ еще очень грубый и совершенно безграмотный человѣкъ, но онъ уже единокоренецъ, всю тяжелую работу онъ снязъ съ нея и взялъ себѣ. Законное положеніе жены еще прежнее, она считается въ негражденной его власти, но дѣйствительное положеніе уже совершенно другое.

Вся работа и содержание семейства ложится на нем, жена ему только помогает, он обыкновенно производит вдвое, часто втрое больше жены; всё тяжелая и отвратительная работа исполняет он сам. Насъ еще возмущает грубость, съ которою онъ обращается съ женою, а уже цифры статистики показывают, что отъ уничтожающаго здоровья труда, умираетъ больше мужчинъ. Кто принудилъ его во всему этому? Никто. Все это онъ сдѣлалъ добровольно и дошелъ до этого онъ тѣмъ же путемъ, какими и матерія доходила до своихъ самоотверженныхъ дѣйствій. Онъ замѣчалъ, что такимъ образомъ потребности его оказываются лучше удовлетворенными. Совершенно несправедливо, что человекъ лѣнтяй по своей природѣ; бездѣтельность точно также стигматическая для него, какъ и неопытная дѣятельность. Безграмотный человекъ съ бездѣля начинаетъ шить и петь до тѣхъ поръ, пока организмъ его не разстроится окончательно. Человекъ, одаренный здоровой натурой очень хорошо это чувствуетъ. Вотъ почему онъ склоненъ работать и легко втягивается въ работу такъ, что онъ наполняетъ ею большую часть своей жизни, если только получаетъ для этого достаточно нормальныхъ стимуловъ. Интимность съ женой даетъ ему эти стимулы, грубо, а онъ все таки любить ее по своему и давно уже пенялъ, что жена раба, жена скотина меньше наполняетъ его жизнь и удовлетворяетъ его, хотя она и работаетъ на него, чѣмъ теперешняя его жена, которую онъ кормитъ своимъ трудомъ и удовлетворяетъ своей любовью. Эта жена его любить, боится потерять и его и его любовь, въ ея глазахъ онъ изъ господина превратился въ ея кормильца. Прежде онъ и дома у себя былъ какъ дикій звѣрь въ лѣсу, онъ не могъ спокойно ѣсть, потому что боялся, что его отравятъ жены, не могъ спокойно спать, потому что боялся, что онъ его обворуютъ. Теперь же, когда онъ сталъ кормильцемъ, онъ имѣетъ домашній очагъ при которомъ онъ чувствуетъ себя какъ нельзя лучше, съ нимъ существо съ которымъ у него все общее, которое жалеть и его и его добро, также какъ онъ самъ. Развиваясь, человекъ идетъ по этому пути далѣе. У него является новая потребность. Жена раба дикаря, какъ бы она не была красива не можетъ удовлетворить образованнаго человека, это красивое мясо и не болѣе. Онъ желаетъ связи съ существомъ, одареннымъ возвышенными чувствами, которая могла бы понимать лучшаго его чувства и мысли и раздѣлять его цивилизованные инстинкты и интересы. Жена, которая кланяется мужу въ ноги и которую можно въ сердцахъ зашутить, уже не годится для него. Подъ влияниемъ такого стремленія чувства, мужчины и женщины совершенствуются и является наконецъ такой бракъ, который уже подходит къ органическому соединению. Мужъ занятый вѣншей дѣятельностию,

все хозяйство предоставляетъ женѣ и всё приобретенныя для поддержанія семейства средства, находятся въ ея распоряженіи; онъ не знаетъ, какъ удовлетворяются его потребности да и не заботится о томъ, онъ ѣсть и пьетъ, то что ему даютъ, носить то платье, которое для него предназначается, жить тамъ, куда его помѣстятъ и много если заявитъ о какомънибудь безпокоющемъ его неудобствѣ. Дѣятельность и успѣхъ его дѣятельности — вотъ что составляетъ предметъ его интереса. Всякое неравенство, всякая потребность въ собственности и въ раздѣлѣ между супругами исчезли. Общественная жизнь прѣбываетъ тѣже фазисы, но такъ какъ тутъ взаимныя отношенія не такъ живы, то и развитіе не могло зайти такъ далеко. И тутъ, какъ мы видѣли, начинающая развиваться организациа кладетъ себѣ въ основаніе идеи эгоизма и эксплуатации, стремленіе сильныхъ къ полному господству и къ полному пеработанію. Но прежде всего идея организации и идея эксплуатации точно также противоборѣтъ другъ другу, какъ идея свободы и идея ограниченія; поэтому всякое усовершенствованіе организации, въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ, подавляетъ и уничтожаетъ эксплуататорскія чувства и идеи, въ которыхъ организациа развивается. Высшее проявленіе эксплуататорскихъ чувствъ — это хищничество. Хищникъ стоитъ вполнѣ на уровнѣ животнаго. За то всякая общественная жизнь начинается съ подавленія хищничества. Окончательное его истребленіе оказывается не столь легкимъ, какъ можетъ быть думать читатель. Въ Греціи, Турціи, Испаніи и Италіи разбойники и на нашихъ глазахъ имѣли еще политическое вліяніе, но русскіе напр. какъ народъ, уже истребили въ своей средѣ хищничество. За фазисомъ хищничества является фазисъ рабства. При всеобщемъ рабствѣ организациа уже возможна, но дѣятельность ея можетъ быть только очень мало успѣшна. Эта организациа основанная на высшей степенн презрѣннй между ея членами. А пребываніе въ презрѣннй, имѣетъ на человека такое вліяніе, что оно окончательно ишъшаетъ развитію его дѣятельности. Государство, въ которомъ министровъ публично сбѣуть, можетъ быть только крайне невѣжественнымъ и бѣднымъ государствомъ. Историческая борьба Греціи съ Персіей въ самомъ яркомъ свѣтѣ выставляетъ намъ слабость подобныхъ государствъ. Необходимость имѣть образованныя сословія въ государствахъ, вынуждаетъ имѣнть отношенія и дать хотя высшимъ классамъ извѣстную предѣлъ свободы. Лишь только это измѣненіе совершается, въ образованномъ обществѣ появляются, такъ называемое благородное обращеніе и тѣ чувства взаимности и деликатности, о которыхъ мы говорили выше. Въ то же время народъ остается въ рабствѣ и презрѣннй, а поэтому настоящія возвышенныя чувства не могутъ развиваться и въ выс-

няхъ слыхъ. Не смотря на это измѣненіе, общество все такъ остается бѣднымъ, потому что масса народа черезъ рабство слишкомъ бездѣятельна и груба. Это вынуждаетъ освободить и народъ, уменьшить къ нему презрѣніе и начать распространять въ немъ образованіе. Рабство изгоняется и воспрещается въ цивилизованныхъ обществахъ. Хотя общество остается попрежнему настроеннымъ на эгоистическомъ интересѣ, но черезъ уменьшеніе презрѣнія сдѣлать уже большой шагъ къ взаимности. Эта взаимность проявляется въ огражденіи личности народа отъ оскорбленія и трудовой его собственности отъ ущерба. Общественное мнѣніе образованнаго класса начинаетъ защищать трудовую конейку и видѣть въ ея огражденіи свой интересъ, между тѣмъ какъ прежде оно видѣло свой интересъ только въ безусловномъ порабощеніи раба. Рядомъ съ этимъ идетъ развитіе сочувственныхъ стремленій къ общественному интересу. Уже дикарь знаетъ, что общество нельзя сплотить и сорганизовать безъ самоотверженныхъ симпатій. Черезъ это начинаютъ развиваться самоотверженные чувства тѣмъ путемъ, о которомъ мы говорили, когда говорили о религиозномъ истиннѣ. Но черезъ преобладаніе животной идеи взаимной эксплуатаціи, люди другъ на друга производятъ такое дурное впечатлѣніе, что эти самоотверженные чувства вовсе не могутъ развиваться по отношенію къ обществу, а переносятся на отдаленную личность царя или на отвѣченную идею божества. Къ этимъ существамъ вызывается чувство не чистое, а смѣшанное изъ страха и поклоненія. Создается общество, которое сдерживается чувствомъ съ самоотверженными отъякомъ, но не разсудочнымъ и сознательнымъ, а рутиннымъ. Поэтому оно дѣйствуетъ вовсе не постоянно и не тогда, когда это дѣйствіе нужно, а тогда когда вызывается порывъ. Постоянно же и когда человекъ разсуждаетъ хладнокровно онъ слѣдуетъ своимъ эгоистическимъ и эксплуататорскимъ чувствамъ. Отсюда выходитъ, что подобныя чувства только достаточны для сдерживанія государства, съ грубымъ пощелкомъ, въ составъ его одного цѣлаго, сила же государства остается ничтожною, даже при громадности разгнѣвъ. Если смѣшанное изъ страха и самоотверженнаго чувства и даетъ что нибудь для поддержанія государства, то средства эти поглощаются эгоистическими стремленіями тѣхъ, черезъ чьи руки они проходятъ или кто ими распоряжается. Отсюда вытекаетъ потребность развивать истинное сочувствіе къ общественному благу. Стремленіе вызвать въ населеніи интересъ къ дѣламъ своей общины и государства—патріотизмъ. Когда создавались государства завоеваніемъ, общественныя симпатіи подавлялись, но когда начинала чувствоваться потребность укрѣпить государство, тогда снова начинали обращаться къ ихъ развитію. Въ Турціи развитіе патріотизма,

это передовое направленіе, воспрещается правительствомъ; писатели молодой Турціи лишутъ сочиненія, въ которыхъ восхваляется любовь къ отечеству, а цензура ихъ запрещаетъ, находитъ и считая ихъ опасными; благонамѣренна же только любовь къ Богу и султану. Грекъ создалъ новый типъ греко-римскаго періода античной жизни тѣмъ, что онъ поставилъ отечество т. е. свое общество выше всего и это дало ему перевѣсъ, сравнительно съ соседними государствами, не смотря на ихъ громадность. Грецескій гражданинъ сталъ принимать дѣятельное участіе и дѣятельный интересъ въ общественныхъ дѣлахъ; хотя эгоистическій интересъ и остается преобладающимъ интересомъ въ его жизни, но черезъ его общественную дѣятельность, его общественныя симпатіи разрослись такъ сильно, что выработывали самыя сильныя общества въ тогдашнемъ мірѣ. Онъ прямо понималъ это направленіе, какъ идею развитія свободы. Выходило такъ: доколѣ грекъ патриотъ, доколѣ общее благо сливается съ его собственнымъ, доколѣ онъ желаетъ общаго блага (потому что это его собственное благо), онъ свободенъ и желаетъ развитія свободы, но тамъ гдѣ начинается его отдѣльный эгоистическій интересъ, кончаются и патриотизмъ и стремленіе къ общей свободѣ, а начинается стремленіе къ господству и подавленію. Относительно каждаго изъ согражданъ, въ немъ развивались деликатныя, возвышенныя и симпатическія чувства, онъ вступался за него какъ за самого себя, онъ любитъ слушать обличеніе эгоистовъ и тѣмъ рѣзче были обличенія, тѣмъ громче они покрывались рукоплесканіями, онъ самымъ энергическимъ образомъ протестовалъ противъ затыванія обличительныхъ утѣвъ. Общественная жизнь, шумные взрывы общественныхъ страстей, составляли лучшія минуты его жизни, онъ жилъ на площади; глубоко воспримчивому къ общему благу и добру азиянину, нуженъ былъ ораторъ, актеръ, обличитель точно также, какъ лица и сонъ; на площади онъ восхищался, плакалъ и смѣялся и возвратившись домой онъ жилъ воспоминаніемъ этихъ слезъ симпатіи, которыя онъ такъ любилъ, этого смѣха сатиры который возвращалъ въ немъ добро. Онъ начиналъ чувствовать, что общій интересъ, жизнь ради общаго интереса, источники несравненно болѣе сильныхъ и могучихъ наслажденій для человека, чѣмъ животный эгоизмъ; въ немъ пробуждалось нѣчто въ родѣ предчувствія назначенія человека создать изъ общества организмъ, нѣчто въ родѣ того, что должна была чувствовать нить претоплазмы, когда перерабатывалась въ нервъ. Но этотъ общественный интересъ и общественное сочувствіе обнимали даже не грековъ вообще, онъ только былъ чуть чуть грекъ, а въ сущности онъ былъ азиянинъ, спартавецъ, коринѣецъ, сиракузанинъ, его симпатіи простирались не шире своего города и его

овруга, да и тутъ она обнимала однихъ гражданъ, часто ничтожное меньшинство. Прежде чѣмъ его чувства усяли сколько нибудь разширяться, вражда между греками сдѣлалась уже на столько сильною, что дальнѣйшее его развитие стало невозможнымъ. Римляне, развиваясь подъ вліяніемъ грековъ, въ устройствѣ государства пошли тою же дорогою развитія сочувствія къ общественному интересу, но развиваясь позже ихъ, они поняли дѣла глубже ихъ. Съ одной стороны сила общественнаго чувства, то что называется античной добродѣтелью, имѣла въ немъ болѣе глубины и устойчивости, а съ другой и патриотизмъ его былъ шире. Завоевывая Грецію, греки распались на мелкія части, римляне же дѣлали свои завоеванія, неизмѣнно оставались римлянами и римскій гражданинъ оставался вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, братомъ и сочувственникомъ римскаго гражданина. Сравните тѣ размѣры, которые приняло сочувствіе къ общественному интересу въ западно-европейской цивилизаціи съ античною. Свободныя общины наеминавощія греческія, вострачаютъ только въ началѣ среднихъ вѣковъ и наполняютъ Италію, Швейцарію, Нидерланды. Въ то время когда греческія общины составляли перль античной жизни и цивилизаціи, средневѣковыя скоро затмиваются. Является свобода государственная, для которой первымъ представителемъ была Польша. Когда Римъ сдѣлался большимъ государствомъ, свободные римскіе граждане составляли въ немъ ничтожнѣйшее меньшинство; въ Польшѣ и Венгрии свободное шляхетство, духовенство и городскія патриархаты составляли болѣе трети населенія. Подобно грекамъ, итальянцы и немцы развивались въ слишкомъ ранній фазисъ идеи общительности и свободы, и постигли ея въ внутреннихъ раздорахъ, англичане сдѣлали за ними и подобно римлянамъ они дали этой идее устойчивый закалъ, они разорвали словесную замкнутость свободы и дѣятельнаго общественнаго интереса и постепенно открываютъ этому чувству доступъ во всея снѣ народа. У нихъ родилась и въ Соединенныхъ Штатахъ осуществлялась идея участія всего народа въ интересахъ свободы и въ развитіи дѣятельной общительности. Сила и пренцвѣтаніе, которое давалось развитіемъ этихъ чувствъ, заставили все европейскія государства принять то же направленіе. Въ XIX вѣкѣ готовность служить общественному интересу приняла такіе размѣры, о которыхъ дотоле и не слыхивали и это прямо выразилось въ поразительномъ ростѣ европейскихъ бюджетовъ, наперекоръ всѣмъ ожиданіямъ, всакий усилье свободы порождало новое, быстрѣйшее разростаніе, а въ междоусобной войнѣ Соединенныхъ Штатовъ готовность къ общественнымъ жертвамъ превзошла все, что издаго было въ Европѣ. Европейское государство, которое отказывалось отъ развитія чувствъ общительности

подписывало себя, какъ Турція смертный приговоръ. Въ древности развитіе чувствъ общительности въ свободныхъ народахъ тотчасъ перерождалось въ завоевательный пылъ, въ европейскихъ бюджетахъ оно также обнаруживалось уродливымъ разростаніемъ военныхъ расходовъ, но и общепользныя учрежденія, устройство путей сообщенія, разшиженіе удобствъ общественной городской жизни, народное образованіе, вспоможеніе вѣднмымъ начинаютъ играть все болѣе видную роль. Этимъ путемъ часто политическая общительность начинаетъ переходить въ социальную, отъ сочувствія государству, его могуществу и внѣшней красотѣ, люди переходятъ къ сочувствію гражданамъ государства и къ уютребленію суммъ государства и общины на увеличеніе ихъ частнаго благосостоянія, на обезпеченіе ихъ здоровья и образованія. Изъ этого вы видите, что развитіе общительности можно еще весьма не далеко, оно можетъ быть сравнено съ тѣмъ состояніемъ семейства, когда диваръ рѣшился не жить исключительно на счетъ своей жены, а участвовать въ содержаніи семьи и своимъ трудомъ, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это необходимо для поддержанія силъ и здоровья своихъ домашнихъ. Но все таки вы можете уже съ увѣренностію сказать, что оно пойдетъ тѣмъ же путемъ и дойдетъ до того же, до чего оно дошло и въ бракъ. Возьмите напр. Францію двѣсти лѣтъ тому назадъ—вы видите тутъ симпатію къ небольшому кружку высшего общества и презрѣніе ко всей массѣ народа. Перейдите къ современнымъ Соединеннымъ Штатамъ, вы увидите, что одного развитія политической общительности было достаточно, чтобы по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ распространить уваженіе на всю массу населенія, сравнить вознагражденіе за матеріальный трудъ съ вознагражденіемъ за интеллектуальный и при томъ такъ, что рабочая масса живетъ тамъ лучше, чѣмъ большинство интеллигенціи въ нѣкоторыхъ странахъ Европы. Въ этихъ мѣстностяхъ республики, имѣть уже такой интеллигенціи, которая во всемъ своемъ составѣ выше вознаграждена чѣмъ рабочая масса, возвышающаеся надъ общимъ уровнемъ вознагражденія получаютъ только отдѣльныя лица, имѣющія или болѣе обширную политическую власть или болѣе крупный капиталъ. Образованіе тоже сравнивается и есть мѣстности, гдѣ важный ребенокъ получаетъ лучшее образованіе, чѣмъ оно дается въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ меньшинству нашей интеллигенціи. Уравниеніе вознагражденія за механической и интеллигентный трудъ предшествоуетъ уравниенію образованія. Въ Англии рабочее семейство, которое получаетъ болѣе ста рублей въ мѣсяцъ, имѣетъ исключительное явленіе между рабочими, чѣмъ у насъ такое же семейство среди интеллигенціи; однакоже у насъ дѣти такого семейства непрѣмѣнно полу-

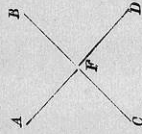
чать воспитание в среднем учебном заведении, а в Англии подобные родители из рабочего класса часто дают своим детям самое плохое образование. Примеры Америки показывают, что со временем это изменяется и не подлежит никакому сомнению, что и в Америке и в Европе и в ее колониях рабочие классы сравниваются в общем образовании с интеллигентными и что это совершится несравненно быстрее, чем того ожидают. Если бы сто лет назад сказать бostonцу, что та масса безграмотных и неумных мальчишек, которую он видит в городе, будет получать в средних учебных заведениях такое образование, какое она получает теперь, то он счел бы это за необузданнейший полет sentimentalной мечтательной фантазии идеалиста. Уравнение по образованию, несравненно более сравнивает людей, чем уравнение по вознаграждению за труд. И теперь образованный человек с возвышенными и уточненными чувствами, стоит в общественном мнении выше безграмотного и грубого миллионера, в Америке он ценится неизмеримо выше чем в России, в России чем в Турции. Уважение к образованию и нравственному характеру постоянно повышается, а к голому богатству — сравнительно понижается. Равенство уважения ко всем классам народа является естественным последствием равенства общего воспитания. Несомненное направление к уравнению уважения, вы можете ясно видеть не только сравнивая различные эпохи, но и различные современные страны. В Италии, рабочей пользуется большим уважением, чем в России, во Франции большим чем в Италии, в Америке большим чем во Франции. Это уравнение уважения существенно изменяет характер борьбы партий. Чем больше общественное мнение будет развиваться, тем вестернише оно будет относиться к тому характеру, который эта борьба имеет теперь. Когда партия выступает во имя эгоистических интересов своих членов и только раздумывает их влиятельным видом общественного блага, это есть конечно ничто иное, как обман общества, тут партия действует точно также, как чиновник взгодничит, тотый приписывает общественную должность не с тем, чтобы честно служить обществу, а с тем, чтобы бесчестно его обманывать. Такое состояние борьбы партий обуславливается политическим невежеством, царящим теперь не только в необразованных, но и в образованных классах. Теперь уже в Англии проявляется стремление замкнуть либеральную партию такою, которая бы почерпнула свою силу в преобладании принципов стремления к общему благу, так чтобы вышло двух партий, представляющих различные эгоистические интересы, была бы одна опирающаяся на сгру-

пированных частных интересах, а другая противопоставляла бы ей преобладающее стремление к общему благу. Партия Гладстона считалась попыткою осуществить такую комбинацию. Хотя попытка оказалась неудачною, но дело несомненно будет развиваться даже в этом направлении. Давно ли мир слышал знаменитое, историческое государство это я». Если бы сто лет тому назад считалось вполне законным требованием, чтобы государство служило безраздельно эгоистическому интересу, и если теперь дошло до того, что сдѣлана была вовсе не безнадёжная попытка построить партию исключительно на общественном интересе, то дойдет и до того, что никто не будет выступать руководителем партии иначе, как через искреннее заявление себя защитником общего интереса, не только так или иначе понимаемого. Эгоистическая мысль партии и теперь все более начинает отступать и окончательно отступить на задний план. Общественное мнение без всякаго сомнения будет играть в обществе такую же роль, как общество в организмах, оно уже теперь начинает отличаться характеристической чертой этого общего чувства. Благостояние частей существующим образом отражается на общем чувстве организма, если части хорошо восстановлены и здоровый организм чувствует себя бедным и слабым, но страдание даже ничтожной части, отражается на этом чувстве несравненно сильнее, чем одно благостояние даже самых важных частей. Уколы насекомых наносит вред только ничтожнейшим частям вашего организма, однакоже они так тревожат вас, что не дают вам спать и могут разстроить ваше расположение духа. При таком характере чувствительности, для отдаленной части делается совершенно невозможным овладеть организмом и эксплуатировать его в свою пользу на счет страдания других. Чувствительность общественного мнения, которое склонно обращаться к страдающей части и на ней сосредоточивать свое внимание и теперь начинает замечаться весьма отчетливо. Теперь обратите внимание еще на одну двигательную черту, которая развивается в работающем человеке вместе с развитием общества — это гордость своим делом. Чем больше общество развивается, тем более каждое дело требует для своего успеха, чтобы труженник сосредоточивал на нем все свое внимание; только тогда деятельность будет успешна, когда вся сила на ней будет концентрирована. Это сосредоточение внимания приводит к тому, что труженник начинает более интересоваться делом и его успехом, чем вознаграждением за него. Даже в сферах наибольших вознаграждений, успех и значение труда, а не вознаграждение выступают на первый план. Государственного человека, литератора, преподавателя, проповедника,

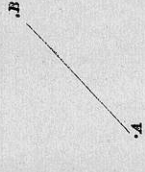
успѣхъ мысли начинать интересоваться гораздо болѣе вознагражденіемъ, онъ принимаетъ это вознагражденіе, какъ нѣчто побочное которое приходитъ само собою. Даже денежный человѣкъ и спекуляторъ все болѣе начинаетъ смотрѣть такимъ образомъ, его мысли себязанимаютъ и онъ рискуетъ своимъ капиталомъ тамъ, гдѣ онъ никогда не сдѣлалъ бы этого для важныя. Работники, ремесленники также все болѣе гордятся своимъ дѣломъ и достоинствами своего производства—тѣмъ болѣе возвышается заработная плата и эманципируетъ ихъ отъ той гнѣющей нужды, гдѣ можно думать только о кускѣ хлѣба. Дѣлая стачки и даже ассоціаціи, англійскіе рабочіе гораздо болѣе руководствуются честью и достоинствомъ своимъ, чѣмъ прямыми матеріальными выгодами. Англійскій и даже искусный русскій рабочій цѣнитъ достоинство своей работы, выше вознагражденія и отказывается смирно работать даже за болѣе высокое вознагражденіе, это кажется ему унижительнымъ, онъ боится уронить въ себѣ честь и славу искуснаго работника. Не трудно составить себѣ понятіе куда все это имѣетъ должно привести. При вознагражденіи, которое сдѣлалось болѣе или менѣе равнымъ и одинаково обеспечивающимъ, при развившейся въ общественномъ мнѣніи наклонности цѣнить людей не столько за богатство, сколько за образованіе и нравственный характеръ, при развившейся въ труженникѣ наклонности цѣнить свое дѣло всего болѣе за внутренній его достоинства, не трудно себѣ представить, что у человѣка будетъ развиваться склонность все болѣе пренебрегать стороною вознагражденія и все болѣе сообразоваться въ своемъ трудѣ съ значеніемъ, которое онъ имѣетъ для общаго блага; а это въ свою очередь прямо будетъ создавать переходъ отъ общества, основаннаго на раздѣлѣ, къ обществу, основанному на возвышенныхъ чувствахъ взаимности и деликатности.

Я полагаю, что это достаточно для того, чтобы выяснить передъ читателемъ общечеловѣческое понятіе о нравственномъ идеалѣ и о томъ направленіи, которое должна принимать дѣятельность каждаго. Это направленіе будетъ создавать, конечно, людей покладливыхъ и склонныхъ къ идеализму. Нельзя ли при этомъ опасаться, что истинно нравственные люди будутъ лишаться энергіи сопротивленія злу, но мѣрѣ того, какъ въ нихъ будетъ разрастаться склонность къ миролюбію и они будутъ перестанать быть людьми борьбы и что энергическій и одишевленный эгоизмъ будетъ овладѣвать міромъ, обращая ихъ въ ничтожество? Этого менѣе всего можно опасаться, потому что ничто такъ не возмущаетъ подобнаго человѣка, и ничто не возбуждаетъ въ такой степени его энергіи, какъ противопоставленная ему эгоистическая пехоть.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

.A

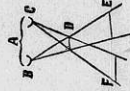
Фиг. 3.

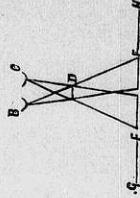
Фиг. 4.

.....
ЗЕМЛЕ.

Фиг. 4.

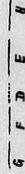
Фиг. 5.

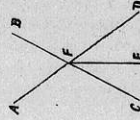
Фиг. 5.

B ~ C

- D

Фиг. 6.

Фиг. 6.